

С. ЕЛАХОВСКИЙ,
мастер спорта СССР

796.4
Е-48

БЕГ К НЕВИДИМОЙ ЦЕЛИ

(Очерки о спортивном ориентировании)

957830

МОСКВА
„ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ“
1973

Публиковано
1953 г.

Елаховский С. Б.

E 48 Бег к невидимой цели (очерки о спортивном ориентировании). М., «Физкультура и спорт», 1973.

144 с. с ил.

Эта книга об ориентировании — молодом, бурно развивающемся виде спорта, который, по мнению ее автора, в конце XX века станет ведущим в спортивной жизни общества.

Автор, опытный спортсмен, неоднократный чемпион в «беге с картой и компасом», живо и увлекательно рассказывает о сущности и правилах спортивного ориентирования, его истории, перипетиях спортивной борьбы на «лесных» стадионах, о необыкновенном оздоровительном воздействии ориентирования на всех занимающихся им, независимо от их возраста.

Много места посвящается нерешенным проблемам молодого спорта, в обсуждении которых автор приглашает принять участие и новичков, и опытных спортсменов.

Для широкого круга читателей.

6—9—3
99—73

7A7.9

E 0693—077 99—73
009(01)—73

Книга «Бег к невидимой цели» принадлежит перу мастера спорта СССР Станислава Елаховского. Счастливое сочетание в личности автора опытного спортсмена (лыжи, туризм на уровне мастера спорта), журналиста, известного читателю по очеркам и книгам, посвященным путешествиям, фанатика бега с картой и компасом и дважды чемпиона Советского Союза по ориентированию определяет ряд несомненных достоинств книги. Главные из них — глубокое знание затронутых вопросов, профессионализм в анализе основных проблем, горячая любовь к теме, живое и увлекательное изложение материала.

Книга «Бег к невидимой цели» посвящена молодому в нашей стране, быстро развивающемуся спорту — ориентированию на местности. Все больше людей разных возрастов и профессий, постигая азы спортивного ориентирования, становятся его страстными поклонниками, так как в нем на редкость гармонично переплетаются умственные и физические начала.

Автор вводит читателя в мир спортивного ориентирования, показывает пути становления этого вида спорта, его положительные качества для гармоничного развития человека, огромное оздоровительное значение бега с компасом и картой по загородным лесам. Без натяжки и ораторства автор доказывает, что спортивное ориентирование — в значительной мере спорт будущего, которому еще предстоит покорить страны и континенты.

Книга адресована не только тем, кого автор приглашает в страну «Ориентирию». Она предназначена и ориентировщикам всех рангов, начиная от новичков и кончая мастерами спорта, судьям, энтузиастам и организаторам соревнований. С большим интересом прочитают ее спортсмены «смежных профессий» — лыжники, легкоатлеты, а также молодежь и люди среднего возраста, ко-

торые найдут в ней много интересного с чисто познавательной точки зрения. Многих привлечет военно-прикладное и оздоровительное начала ориентирования как формы воспитания трудящихся и организации их досуга.

Ведущих спортсменов-ориентировщиков, «идеологов» организации соревнований, и в первую очередь судей, занятых подготовкой дистанций, книга заинтересует оригинальными, смелыми, хотя порой и спорными идеями.

И еще одним привлекает нас автор: он предлагает читателю задуматься о проблемах спортивного долголетия и просто долголетия, убедительно показывая удивительное значение в этом ориентирования — спорта, в котором успешно соревнуются люди разных возрастов.

Можно смело сказать, что книга «Бег к невидимой цели» будет полезной для всех категорий читателей: спортсменов и неспортсменов, ориентировщиков и неориентировщиков. Одних она заставит думать о своем виде спорта, других — о своем месте в спорте, третьих — о своей жизни вообще.

В. Алешин, Б. Огородников, мастера спорта, члены Бюро Всесоюзной секции ориентирования.

Есть много людей, которые знают о спортивном ориентировании лишь понаслышке. Они кажутся мне детьми, пробегающими в своих важных заботах мимо сказочного дворца, в котором царит особый мир. И если кто-то из них случайно попадет в него, то уже не устает ходить туда каждый день и звать с собой товарищей. Поэтому вначале я ставил себе лишь одну цель: приоткрыть дверь в сказочный мир спортивного ориентирования и пригласить в него тех, кто окажется поблизости.

И тут, едва ли не впервые увидев привычный для меня спорт со стороны, я был поражен его многоликостью, способностью постоянно обнаруживать все новые замечательные качества. Я заметил также некоторые его несовершенства. И мне, естественно, захотелось поделиться этими наблюдениями с теми, кто думает, что он уже достаточно познал ориентирование. Поэтому в книге рассказано не только об азах нашего спорта, но и о его сложностях, особенностях, проблемах.

Последние разделы, казалось бы, обращены к опытному спортсмену, и все-таки вся книга адресована также «зеленому» новичку. Дело в том, что спортивное ориентирование и на своем высшем уровне понятно непосвященному человеку, даже будучи объяснено словами и простыми рисунками. Тем более все заботы и проблемы ориентирования становятся понятными для начинающего спортсмена после нескольких стартов на лесных трассах.

Говорить о проблемах развития этого вида спорта даже с новичками позволяет (больше того, заставляет) и еще одно удивительное свойство ориентирования: оно является предметом необычайно широкого и никогда не прекращающегося коллективного творчества. Речь идет о том, что в формировании ориентирования как вида

спорта непосредственное и сознательное участие принимают все, кто каким-либо образом к нему причастен. И судья, прокладывающий трассу, и спортсмен, выступающий в соревнованиях, и новичок, и мастер. Я утверждаю — и содержанием книги постараюсь это показать, — что нет другого вида спорта, в создании которого в такой же степени, как в ориентировании, участвовали бы все «действующие лица».

СПОРТИВНОЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ

...Люди бегут по лесу. Разгоряченные и решительные, они пробиваются своими телами сквозь кусты и ветви деревьев, ловко прыгают через завалы в буреломе, не задумываясь, пересекают ручьи и болота. Люди стремятся к важной для них, но невидимой, скрытой в глубине леса цели. Заметив в затаенном уголке между деревьями странный красно-белый предмет, они бросаются к нему, что-то отмечают каждый на своем листке бумаги, затем секунды три раздумывают и снова устремляются в чащу.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Если попытаться кратко, без привлечения схем и рисунков, определить понятие «спортивное ориентирование», то можно, пожалуй, сказать, что это *соревнование в умении с помощью компаса и подробной карты быстро передвигаться по незнакомой местности.*

Относительная краткость такого определения требует комментариев.

Соревнование. То есть речь идет о спорте. В ориентировании, как и во многих других видах спорта, соревнования могут проводиться между отдельными участниками.

ми, а также между командами, например в эстафетном беге. Но в последнем случае соревнования в ориентировании командные лишь с точки зрения подведения результатов, по существу же и форме они всегда личные, поскольку каждый спортсмен-ориентировщик обязан решать все задачи, возникающие перед ним в ходе соревнования, один и самостоятельно.

С помощью подробной карты. Обычно применяются невероятно подробные и точные карты. Такие, с какими нам никогда не приходится иметь дело даже в туристских походах. На картах, которые используются в соревнованиях, есть все — ручьи, тропы, избушки, мелкие бугорки и полянки, даже муравейники и отдельные камни.

Компас тоже не совсем обычный. Колба его, в которой на игле вращается стрелка, залита специальной жидкостью, устраняющей ненужные колебания стрелки. Кроме того, он так устроен, что быстро и просто устанавливается азимут — угол движения.

Быстро передвигаться. Следовало бы, очевидно, добавить — «без использования каких-либо вспомогательных средств», т. е. собственными силами. Но тогда тем более потребуются пояснение, так как проводятся (или возможны) соревнования в ориентировании на мотоциклах, лошадях, велосипедах, лодках, автомобилях. Но все это «побочные дети» первородного спортивного ориентирования, которому (и только ему) посвящена книга. Итак, быстро передвигаться собственными силами, т. е. бегом или (зимой) на лыжах.

По незнакомой местности. Действительно, для соревнований по ориентированию выбирается такая местность, которая не знакома никому из участников. На месте старта (за минуту-две до него) каждому спортсмену выдается карта (также незнакомая), и он начинает «творить без репетиций» — преодолевать намеченную кем-то трассу своим собственным путем. Конечно, если карта очень подробная, а кусок местности, охваченный ею, достаточно велик (несколько квадратных километров), то практически не имеет значения, что спортсмен когда-то раньше видел эту местность и эту карту — трасс можно наметить бесчисленное количество, а запомнить всю карту просто невозможно. И в этом смысле на новых соревнованиях любая местность для всех спортсменов незнакомая. Но если она совсем новая, это интереснее.

Наконец, остается добавить, что бег, в котором соревнуются ориентировщики, требует не столько скорости, сколько выносливости. Ведь это полнокровный стайерский бег, продолжающийся обычно от одного до двух часов.

Теперь, после краткого определения основного понятия и его не очень краткого пояснения, читатель, очевидно, вполне подготовлен к тому, чтобы познакомиться с ответом на вопрос «что такое спортивное ориентирование» уже в изобразительной форме (схема 1).

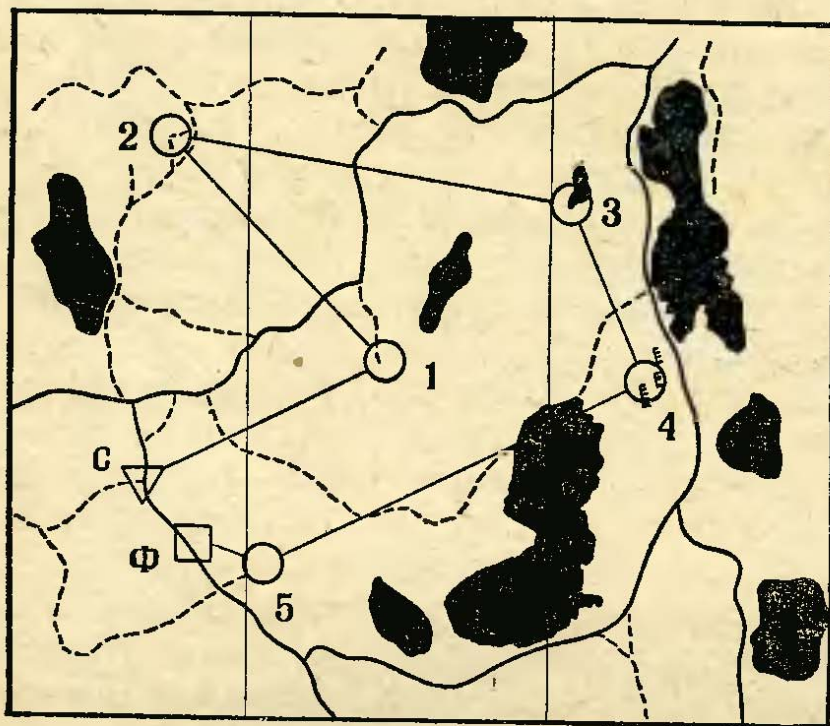

Схема 1

Для свободного обращения с первым простым рисунком, который помещен выше, читатель-неориентировщик должен обладать минимальными познаниями в области обычных топографических знаков в их черно-белом исполнении. А именно — знать, что пунктиром изображаются тропы и старые дороги, сплошными линиями — хорошо наезженные дороги, а пространствами, залитыми черным, — озера. И еще несколько знаков, чисто спортивных: треугольник с буквой С — место старта участников, квадратик с буквой Ф — финиш, кружки с номерами — точки, которые должен пройти в порядке возрастания номеров

(точнее говоря, в заданном их порядке) каждый спортсмен. Точки эти называются контрольными пунктами (КП). Тропы, дороги, озера и все точки, обозначенные буквами и цифрами, находятся в лесу, может быть, довольно густом и труднопроходимом. Но лес никак не обозначен, потому что он всюду на нашей карте. Масштаб схемы 1 : 25000, то есть в 1 см укладывается 250 м местности (на крупных соревнованиях теперь, как правило, применяются еще более подробные карты — масштаба 1 : 20000).

Итак, получив в точке С такую карту (иногда ее выдают в другой точке, обозначенной на карте буквой К — пункт выдачи карт — и удаленной от старта на 200—300 м), спортсмен пытается прежде всего быстро достичь точки 1, отметить там и продолжить бег по трассе (к точке 2, от нее — к точке 3 и т. д.).

Но какой путь самый быстрый? Кажалось бы, прямой. Однако прямой путь — рискованный. Стоит чуть отклониться вправо, и тогда можно пробежать мимо КП 1 на 200 или 300 м, а если увлечься, то и до наезженной дороги, что идет с севера на юг в восточной части карты. Надежнее, хотя и длиннее, сразу взять слегка левее точки 1 с таким расчетом, чтобы через 600—700 м натолкнуться на тропу, которая идет от КП 1 на север, и по тропе пробежать вправо (на юг). Но ведь тропу в лесу видно плохо, ее можно проскочить, и тогда спортсмена остановит лишь продолговатое озеро северо-восточнее КП 1.

Есть еще один путь, пожалуй самый надежный. От точки С по дороге — на север, до перекрестка, затем опять по дороге — на северо-восток, до того места, где она через 600—700 м, круто свернув на север, дальше долго идет сравнительно прямо, и оттуда по тропе — на юг до КП 1. Надежно, но длинно — чуть ли не вдвое длиннее прямого пути.

Можно придумать и еще пару вариантов пути от старта до КП 1, промежуточных по длине и риску между первым и третьим (дорожным) вариантами. Но пока стоишь, думаешь — соперники бегут...

А на отрезке КП 1 — КП 2 свои задачи по выбору пути. И так на всех отрезках трассы, изображенной на этой несложной карте. Пять отрезков по три-четыре варианта на каждом — всего несколько сот вариантов. Можно, конечно, быстро бегая и не умея ориентировать-

Схема 2

ся, каждый раз выбирать самые надежные пути (обычно они идут по дорогам или через крупные ориентиры — озера, поляны и т. п.), но тогда — 2—3 минуты проигрыша на каждом отрезке спортсмену, который пробежит оптимальным путем. А разве отыграешь 10—15 минут на пятикилометровой трассе?

Как видите, есть в чем проявить умение и искусство даже при ориентировании с помощью такой примитивной карты. По-настоящему же развернуться, а также понять смысл и прелесть спортивного ориентирования можно только пользуясь хорошей картой. Поэтому мы возьмем обычную спортивную карту, оставив на ней ту же трассу (схема 2). Теперь на нашей карте появились три новых знака: тонкие волнистые линии — горизонтали (между соседними — 5 м по высоте), плотная штриховка — моховые болота, короткие, темные полоски с зубчиками — скалы.

Первая задача каждого участника соревнования все та же — быстро добежать от точки С до точки 1. Имея

такую карту, вряд ли кто-нибудь серьезно будет размышлять об обходном дорожном варианте. Соединяющий эти точки путь, близкий к прямой, конечно, выигрышной, тем более что теперь на прежнем пустом поле на подходе к КП 1 появилось много ориентиров (деталей рельефа, моховых болот), с помощью которых можно очень надежно выйти в точку 1. Но и теперь ясно, что совершенно прямой путь, по азимуту, не самый лучший, так как, двигаясь им, спортсмен вскоре после первой тропы будет вынужден преодолевать возвышенность высотой примерно 15 м, а ее ведь можно обойти и слева, и справа, лишь немного удлинив путь. Более спокойный, пожалуй, второй вариант обхода: здесь довольно большой отрезок (до 200 м) можно пробежать, не глядя в карту и на компас, по восточной подошве склона. А на подходе к КП есть четкий ориентир — вытянувшийся на север бугорок, там, где склон возвышенности имеет резкий изгиб. Правда, другой путь, обход возвышенности слева, чуть короче.

Итак, на отрезке от старта до КП 1 есть два основных варианта, но в каждом из них много тонкостей, которые будут еще до первой тропы и тем более появятся в заключительной части отрезка. Можно смело предположить, что даже на этом, сравнительно простом, участке трассы почти не будет полного совпадения путей у нескольких десятков стартовавших спортсменов. Еще разнообразнее можно ожидать пути ориентировщиков на отрезке КП 1 — КП 2, где нет возвышенности, рассекающей надвое весь поток спортсменов, но зато много хаотично расположенных бугорков и всюду встречаются болотца.

Путь, выбранный каждым ориентировщиком, и путь осуществленный, а также время, потраченное на его прохождение, зависят от умения спортсмена быстро (потому что это надо делать многократно) переделывать в своем воображении карту в облик местности и, напротив, видимую местность в ее изображение на карте, от умения запоминать карту и потому реже на нее смотреть, от умения читать карту на бегу, не снижая (или почти не снижая) скорости и не натываясь при этом на деревья.

Все перечисленные умения надо проявлять на «фоне» большой физической нагрузки (бег по мягкому лесному грунту, преодоление холмов, болот) и в напряженной обстановке соревнования, когда слышишь хруст сучьев от бегущих по лесу соперников, когда встречаешься с ними

вблизи контрольных пунктов. После всего этого легко представить, насколько разнообразен мир спортивного ориентирования и как безграничны возможности тактического и физического совершенствования каждого ориентировщика.

Ко всему сказанному и изображенному выше хочу добавить, что дистанция длиной 4—5 км (по прямым, соединяющим контрольные пункты) была использована лишь для примера — в действительности она существенно длиннее. Так, для мужчин дистанции бывают от 10 до 16 км с 10—15 контрольными пунктами. Женская и юношеская трассы равны 6—10 км, с несколько меньшим средним расстоянием между контрольными пунктами (от 0,6 до 0,8 км). Есть и марафонские дистанции: для мужчин 25—30 км, для женщин 12—15 км. Марафон в ориентировании могут преодолеть только очень хорошо подготовленные спортсмены — в действительности серьезная трасса для любого из них оказывается раза в полтора длиннее объявленной цифры (мы ведь установили, что по прямой бежать нецелесообразно, кроме того, надо внести поправку на рельеф и ошибки ориентировщика). Значит, 25 км «вытягиваются» до длины легкоатлетического марафона. При этом еще надо учесть, что приходится продираться сквозь заросли в лесу и что мягкий грунт под ногами, камни и сучья — далеко не асфальт...

Ориентирование, о котором шла речь выше, по своей форме считается классическим. В нашей стране оно называется ориентированием в заданном направлении. Все участники, стартуя с интервалом в 1—3 минуты, проходят одинаковую трассу, которая нанесена на карту. Именно в таком ориентировании спортсмены противоборствуют друг другу на всех крупных соревнованиях, в том числе международных. Существуют и разновидности ориентирования в заданном направлении, например ночное ориентирование (все то же самое, но только ночью) или эстафетное ориентирование (3—4 члена одной команды, последовательно сменяя друг друга, проходят каждый свою трассу, несколько укороченную против обычной).

Но есть и два иных по характеру (или, во всяком случае, внешне) вида соревнований с картой и компасом: ориентирование по выбору и ориентирование на маркированной трассе.

Ориентирование по выбору (в ряде стран оно называ-

ется свободным ориентированием) состоит в следующем.

На карте (я надеюсь, что даже новичку в ориентировании теперь нетрудно мысленно воспроизвести нашу маленькую карту) нанесено значительно больше контрольных пунктов, например 20—25. Кружки КП не соединены друг с другом. Где-то в середине этой россыпи КП находится место старта, откуда все спортсмены стартуют одновременно (так называемый общий старт со стороны выглядит весьма эффектно: представьте себе плотную массу спортсменов, которая по сигналу стартера разлетается «осколками» в разные стороны). Задача каждого может состоять, например, в том, чтобы за кратчайшее время обойти определенное (для всех участников, естественно, одинаковое) количество КП, например 15. Любых КП. А может и в том, чтобы за установленное время (например, за 2 часа) посетить наибольшее количество КП или набрать наибольшее количество баллов (очков). Тогда каждому контрольному пункту, в зависимости от его удаленности от старта и сложности обнаружения, соответствует (и нанесен на карту) определенный балл.

Разумеется, все спортсмены в одном соревновании решают одинаковую задачу.

Упомянутые разновидности ориентирования по выбору в сущности своей не очень сильно отличаются от ориентирования в заданном направлении, так как частные задачи остаются теми же — выбор и реализация оптимальных путей между двумя точками. В то же время ориентирование на маркированной трассе существенно отличается от всего, что было описано выше. Чтобы продемонстрировать это отличие, мне придется обратиться к уже использованной карте, но взамен прежней трассы нанести другую, какая может встретиться на таких соревнованиях (схема 3).

Цепочкой жирных точек на карте показана трасса с установленными на ней контрольными пунктами. Однако ни трассы, ни встречающихся на ней КП на картах, которые получают участники на старте, нет. Карты им выдаются чистые, с одним лишь дополнительным обозначением, сделанным обычно красными чернилами, — точкой старта С. На местности от этой точки уходит трасса, размеченная (маркированная) флажками. Каждый участник двигается по разметке, зная, что где-то на трассе (где именно — неизвестно) ему встретится определен-

Схема 3

ное количество контрольных пунктов. Задача его состоит в том, чтобы определить, где именно на местности стоят контрольные пункты, и нанести их местонахождения на свою карту (сделать прокол в карте и обвести его карандашом необходимого цвета).

Задачи по определению местонахождений КП непростые, так как судьи соревнований, подготавливающие трассу, стараются запутать спортсменов, проводя ее среди похожих друг на друга ориентиров. Совершить безшибочный выбор среди нескольких схожих сочетаний ориентиров (так называемых параллельных ситуаций) может лишь спортсмен, который, двигаясь по трассе, внимательно и непрерывно сличает карту с местностью и в каждый момент твердо знает, в каком именно месте карты он находится.

Преодолев по разметке всю трассу и зафиксировав свои решения по поводу местоположения всех встретив-

шихся на трассе контрольных пунктов, спортсмен сдает на финише карту судьям, которые сравнивают ее с контрольной картой (на ней трасса и контрольные пункты нанесены совершенно точно) и устанавливают ошибки в проколе КП. За каждый миллиметр ошибки (за исключением первого, льготного) ко времени, затраченному спортсменом на прохождение всей дистанции, прибавляется штрафное время (обычно минута). Таким образом, общий результат представляет собой сумму чистого времени и суммарного штрафа за все КП. То есть оценка результата в принципе производится как в биатлоне — беге на лыжах со стрельбой.

Кстати, о лыжах. Читатель, видимо, заметил, что трасса на схеме 3 между КП 3 и КП 4 смело пересекала небольшое озеро. Предполагается, что озеро покрыто льдом, так как соревнования на маркированной трассе обычно проводятся зимой, на лыжах. Это легко понять — летом можно проводить любые соревнования, а зимой, в районах с глубоким снегом, делать привычные для лета трассы (в заданном направлении), как правило, нецелесообразно, поскольку участники, которым по жребию выпали большие стартовые номера, будут иметь преимущество перед стартующими впереди (следы на снегу, новые лыжни). Чтобы все выступали в равных условиях, делается одна заранее подготовленная лыжня, а задача ориентирования как бы переворачивается: вместо поиска определенных точек на местности спортсмены ищут себя на карте.

Не следует, однако, думать, что маркированная трасса в зимних условиях — вид ориентирования вынужденный. В ряде европейских стран зимние соревнования по ориентированию давно проводятся по обычным летним правилам (только трассы длиннее, а количество КП на них меньше). Это вполне возможно в районах с большим количеством накатанных лыжней, при наличии специальных машин, быстро укладывающих новую лыжню. Но и в подобных условиях «маркировка» (так обычно ориентировщики называют маркированную трассу) имеет свой смысл и самостоятельное значение, так как обладает рядом преимуществ перед трассой заданного направления, о чем я расскажу в последнем разделе книги.

После беглого рассказа о существовании и различных формах спортивного ориентирования я останавлиюсь (также

не вдаваясь в подробности) на истории этого вида спорта и на его современном состоянии в мире и в нашей стране.

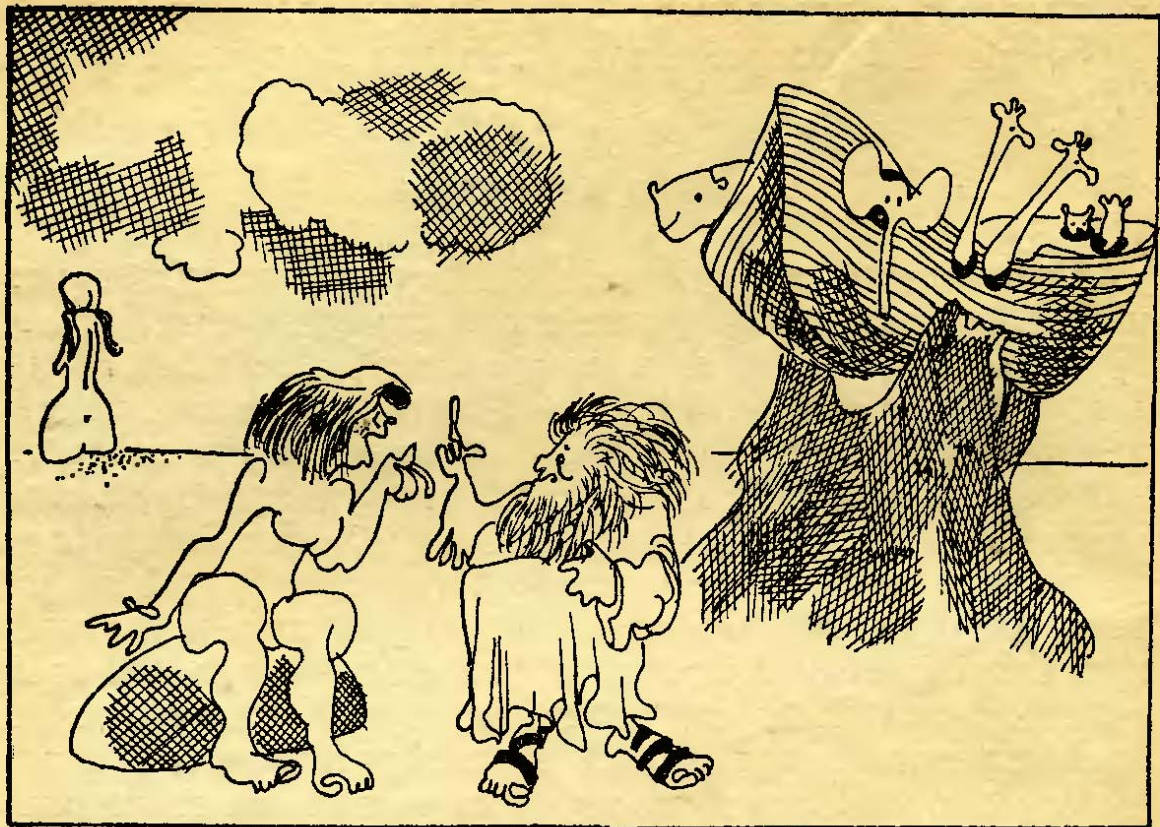
ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Ориентирование как отличный от других вид спорта и как своеобразное явление в области физической культуры, к сожалению, еще не привлекло к себе внимания серьезных историков. Уж они-то, пользуясь всеми современными средствами анализа — от определения возраста найденного при археологических раскопках спортивного инвентаря до применения вычислительных машин для расшифровки древних рукописей (например, правил соревнований), — восстановили бы объективную историческую картину возникновения и развития спортивного ориентирования. Пока же читателям скупой литературы по ориентированию приходится самим разбираться и в перечне мест, которые претендуют на честь быть свидетелями зарождения нового спорта, и в указаниях на конкретные имена его прародителей. Приведу некоторые источники сведений о первых шагах спортивного ориентирования.

Начать, пожалуй, следует с Бертиля Норденфельда, который в 1968 году, будучи в то время председателем Шведского союза ориентировщиков, писал в одной из статей: «Можно спорить, кто был первым в мире ориентировщиком — Адам или Ева, искавшие новый путь из рая, или Ной, которому удалось доставить свой ковчег на Арарат, или Ганнибал, перешедший со слонами через Альпы, или, наконец, Марко Поло, который проложил дорогу по неизвестным местам до Китая».

Более определенные сведения содержатся в статье известного ориентировщика и организатора этого вида спорта в ГДР Ганса Кремера, опубликованной в восьмом номере журнала «Der Tourist» за 1970 год. Автор пишет, что еще в начале XIX века немецкий педагог и просветитель Гутс-Мутс проводил со своими воспитанниками занятия по ориентированию в лесу близ Шнепфенталя. В своей «Книге туриста для сыновей отечества» (надо полагать, имевшей определенное военно-прикладное значение) Гутс-Мутс описал ряд упражнений по ориентированию. Это, по-видимому, первое печатное слово о нашем виде спорта.

Кстати, мне приходилось слышать, будто занятия, подобные занятиям Гутс-Мутса, практиковались в русской армии еще при Петре I, причем использовались карты того времени — «чертежи». Правда, эти любопытные сведения не проверены, но обращает на себя внимание тот факт, что и здесь ориентирование связывается с военной подготовкой. Также как и в более серьезном (чем фраза об Адаме и Еве) упоминании в уже цитированной статье Норденфельда о первых шведских соревнованиях по ориентированию в 1893 году вблизи Стокгольма, называвшихся «Доставка пехотинцами донесения в неизвестной местности».

Поддерживая этой ссылкой претензии своих соотечественников на приоритет в утверждении ориентирования как вида спорта, Норденфельд, однако, в качестве первых настоящих (документированных) соревнований признает те, которые состоялись 13 мая 1897 года в Норвегии, вблизи Бергена. Основанием для того, чтобы эти координаты (1897 год, Норвегия) считать начальными для отсчета истории спортивного ориентирования, можно считать и то, что в них впервые выступали не только военные, но и штатские люди, а организованы они были спортивным обществом «Турнференинг».

Тем не менее шведы также правы, претендуя на ведущую роль в создании спортивного ориентирования в таком виде, в каком оно существует сейчас. Именно они в начале XX века (а вскоре за шведами и финны) перехватили у норвежцев инициативу и стали энергично развивать новый вид спорта.

Об этом свидетельствует скупая хронология ориентирования: в 1900 году в Швеции проведена первая эстафета с ориентированием, в 1904 году соревнования по ориентированию состоялись в Финляндии, в 1910 году — первенство Швеции в эстафетах на лыжах с ориентированием.

Первая мировая война остановила развитие спортивного ориентирования, но вскоре после ее окончания соревнования в беге с картой и компасом возрождаются, и прежде всего опять в Скандинавских странах.

Второй этап в истории спортивного ориентирования шведы отсчитывают с 25 марта 1919 года, когда председатель Стокгольмского спортивного союза Эрнст Килландер, впоследствии получивший титул «отца спортивного ориентирования», организовал широко разрекламированные соревнования, в которых приняли участие 220 ориентировщиков.

В 20-х годах новый вид спорта увлекает всю Швецию. Именно тогда были сформулированы современные принципы соревнований с картой и компасом, разработан подход к постановке дистанции, обоснованы возрастные группы и создана вся система организации соревнований по ориентированию. Начались и спортивные встречи шведских ориентировщиков с соседями — финнами и норвежцами. Так, в 1932 году вблизи Осло состоялся первый официальный матч национальных команд Швеции и Норвегии, а в 1935 году — первый чемпионат Швеции по спортивному ориентированию. В 1938 году создается национальная федерация ориентирования (до этого все вопросы спортивного ориентирования решал Шведский легкоатлетический союз).

Стремительное развитие ориентирования в Скандинавии не могло не повлиять на спортивное движение других европейских стран, в первую очередь прибалтийских. Так, в Эстонии первые соревнования по ориентированию состоялись в 1920 году. Быстро формируется ориентирование в Дании, где первый национальный чемпионат был

разыгран в 1937 году. Интересно, что еще раньше, в 1935 году (то есть в том же году, что и в Швеции), первое национальное первенство в беге с картой и компасом было проведено в Венгрии. В 20-х же годах ориентирование, в рамках рабочего спортивного движения, развивается в Германии, но лишь до 1933 года, до прихода к власти нацистов.

После второй мировой войны начинается новый этап в истории этого спорта, который, пожалуй, больше других использовался в системе военной подготовки разных стран, но по злой иронии судьбы именно во время войн замирал. В послевоенном этапе развития спортивного ориентирования инициатива по-прежнему принадлежит скандинавам, и опять-таки прежде всего шведам, полутравековой нейтралитет которых и как следствие его — высокий уровень жизни благоприятствовали развитию спорта. Кроме того, развитие ориентирования в Скандинавских странах оказалось в удивительном согласии с самой их природой — большими площадями нетронутых лесов, разнообразным, мелкорассеченным рельефом.

В 1947 году был организован первый чемпионат Скандинавии, в котором приняли участие Норвегия, Швеция, Дания и Финляндия. Ориентирование начало свое шествие по Европе — проводились соревнования в Швейцарии, Чехословакии, Болгарии, между странами на разных уровнях, от встреч национальных команд до состязаний в международных детских лагерях. Логичным итогом этих контактов стала конференция 11 стран, состоявшаяся в 1959 году в Швеции, на которой обсуждался вопрос о создании международной федерации ориентирования. Спустя два года на учредительном конгрессе в Копенгагене такая организация была создана. Сокращенно она названа ИОФ. Тогда же было принято решение о проведении в 1962 году первого чемпионата Европы в Норвегии (это ли не признание ее в качестве родины спортивного ориентирования!).

Первыми чемпионами Европы стали норвежец М. Листад и шведка У. Линдквист.

Второе первенство Европы было проведено в 1964 году в Швейцарии. На нем победу одержали финн Э. Кохвакка и швейцарка М. Томмен.

Затем чемпионат Европы передал эстафету мировому первенству. В первом чемпионате мира, состоявшемся

в 1966 году в Финляндии, победителями стали норвежец О. Хадлер и чемпионка Европы 1962 года У. Линдквист.

В 1968 году первенство мира было разыграно в Швеции. Хозяева одержали двойную победу в личных соревнованиях: у женщин чемпионкой стала «королева леса» У. Линдквист, у мужчин — К. Юханссон. Кроме того, шведы выиграли мужскую эстафету, а в женской победили норвежки.

На первенстве мира 1970 года, проведенном в ГДР, в личном зачете победили норвежцы С. Берге и И. Хадлер (жена первого чемпиона мира, который на этом первенстве оказался вместе с товарищами по команде чемпионом в эстафете). Женскую эстафету выиграли шведки.

На первенстве мира, проходившем в 1972 году в Чехословакии, чемпионами стали норвежец О. Хадлер и спортсменка из Венгрии Ш. Моншпарт. В женской эстафете победили ориентировщицы Финляндии, в мужской — шведы.

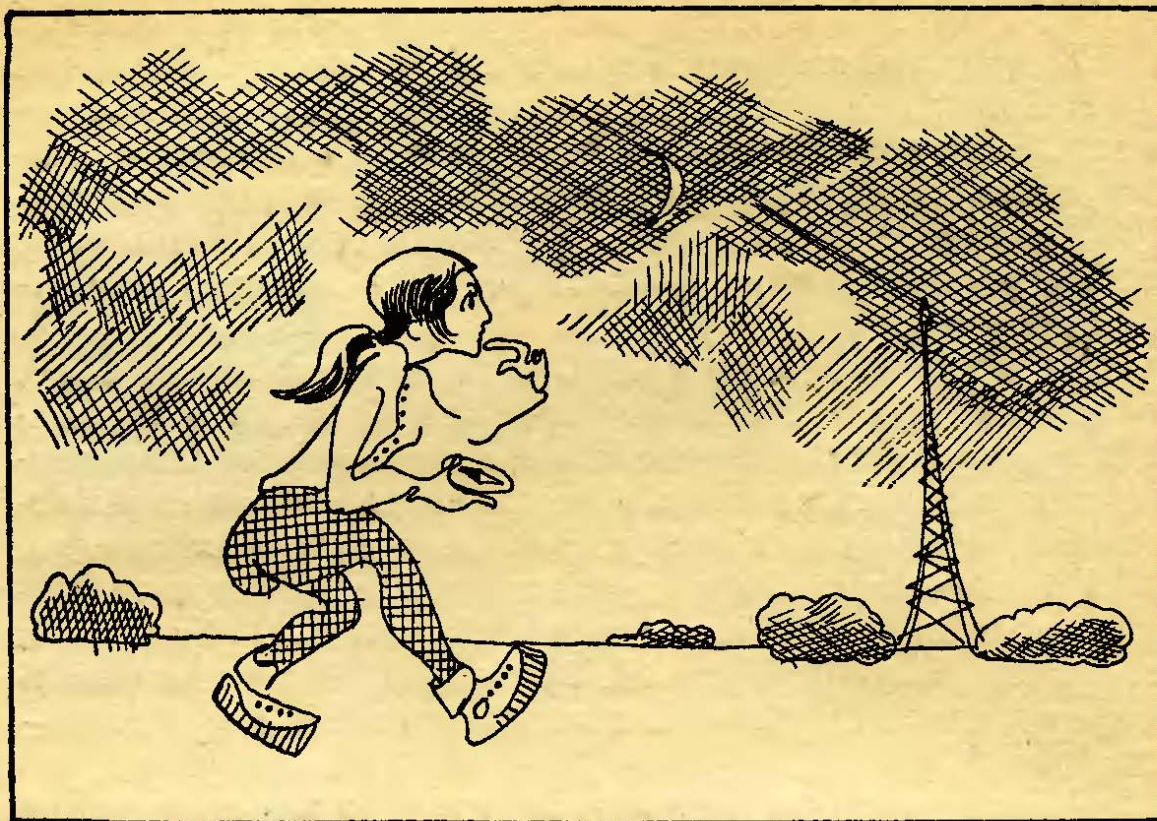
Такова коротко недлинная еще мировая история спортивного ориентирования.

На чемпионатах Европы и мира доминируют представители трех североевропейских стран, в каждой из которых в течение последнего десятилетия ориентирование стало одним из ведущих видов спорта наравне с лыжами, футболом, хоккеем, легкой атлетикой. На нашем континенте скандинавам в какой-то степени противостоят лишь швейцарцы и датчане, однако к лидерам мирового ориентирования вплотную подошли и спортсмены таких стран, как Венгрия, Чехословакия, ГДР. Об этом говорят прежде всего высокие результаты, показанные ими на чемпионатах мира в эстафетах, что, пожалуй, наиболее объективно отражает уровень развития ориентирования в стране. Можно ожидать, что к концу текущего десятилетия уже 6—8 европейских стран поведут на равных борьбу за мировое первенство.

Однако подобные предположения не означают, что развитие спортивного ориентирования будет в основном ограничиваться Европой. Вряд ли можно назвать какой-либо другой вид спорта, который бы в наше время так стремительно распространялся по всему миру.

В ИОФ сейчас входит более 20 стран, но еще в таком же количестве стран, не являющихся членами этой международной организации, проводятся соревнования с

картой и компасом или даже созданы национальные федерации. Ориентирование как спорт известно уже на всех континентах. Австралия, Италия, Бразилия, Алжир, Франция, Уганда, Турция, Новая Зеландия — таков диапазон его последних географических завоеваний. Можно с уверенностью сказать, что этот перечень будет неуклонно пополняться новыми названиями.

Теперь о спортивном ориентировании в нашей стране. Возраст его иногда отсчитывают с 1939 года, когда под Ленинградом состоялись первые состязания, носившие, правда, туристский характер, так как являлись групповыми. Участники каждой команды должны были пронести по маршруту определенный груз. Подобные соревнования по ориентированию проводились и в первые послевоенные годы, причем не только в СССР, но и в европейских социалистических странах. Обычно они составляли часть туристского многоборья (установка палатки, переправа через реку и т. п.), разыгрывавшегося на всех больших (в том числе и международных) слетах туристов.

В середине 50-х годов в нашей стране (в первую очередь в Прибалтийских республиках и Ленинграде) соревнования по ориентированию приобретают современные

черты: проводятся как личные, так и командные состязания, строже становятся требования к картам. В Латвии и Эстонии создаются республиканские федерации спортивного ориентирования. В 1962 году в Центральном совете по туризму была создана комиссия по слетам и соревнованиям, впоследствии переименованная в Центральную секцию ориентирования.

Первые всесоюзные соревнования состоялись летом 1963 года в Карпатах. В них приняли участие представители почти всех союзных республик, Москвы и Ленинграда. Именно с этого года ведется официальный отсчет истории спортивного ориентирования в СССР.

В дальнейшем всесоюзные летние соревнования (лично-командные — в заданном направлении и эстафета) стали проводиться через год, по нечетным годам.

Познакомлю с победителями всесоюзных соревнований.

1963 год, Ужгород. I всесоюзные соревнования. Они состоялись летом, но... на маркированной трассе. Победили эстонец М. Аруя и литовка Л. Штаролите.

1965 год, Пермь. II всесоюзные соревнования. Мужскую трассу заданного направления выиграл эстонец О. Кярнер, женскую — москвичка Л. Владимирова. В эстафете первенствовали эстонцы и ленинградки.

1967 год, Горький. III всесоюзные соревнования. На этом первенстве доминировали латыши: у мужчин — Р. Аболс, у женщин — Л. Бариса. Обе эстафеты также выиграла ориентировщица Латвии.

1969 год, Брянские леса. IV всесоюзные соревнования. Победителем мужской трассы стал латыш Р. Славиньш, женской — ленинградка З. Пятакова. Первыми в эстафете были ленинградцы и москвички. На этих соревнованиях впервые осуществлено разделение команд в соответствии с уровнем их подготовки на классы «А» и «Б».

1971 год, Ленинград. V всесоюзные соревнования. На мужской дистанции лучшим был эстонец У. Аннус, на женской — латышка М. Силдедзе. В эстафете победили эстонцы и латышки. На этом первенстве во второй раз (в первый — в 1970 году) проводились личные состязания на специальной дистанции для спортсменов, попавших в первый день соревнований в тридцатку сильнейших. Победителями личных встреч стали эстонец Я. Мильян и латышка Л. Бариса.

В четные годы, начиная с 1968 года, летом разыгрываются крупные соревнования профсоюзных обществ. В них участвуют практически все сильнейшие ориентировщики страны, в том числе выступающие вне конкурса представители Советской Армии и общества «Динамо». Но и в этих самых крупных соревнованиях четных лет победителями оказывались обычно ориентировщики латвийской «Даугавы», эстонского «Калева» и команды общества «Труд», составленной в основном из ленинградских спортсменов.

Безусловное превосходство прибалтийских ориентировщиков на всех крупных летних соревнованиях позволяет сравнивать их (в масштабе нашей страны) со скандинавскими ориентировщиками (в масштабе Европы или мира). Для такого сравнения есть основания: скандинавы были пионерами ориентирования на земном шаре, прибалтийские спортсмены — в нашей стране. Подобно Скандинавским странам, в двух ведущих в этом виде спорта республиках, Эстонии и Латвии, есть федерации ориентирования (в Латвии эта федерация, кроме того, включена в общую республиканскую спортивную систему, а не только в систему туристских организаций, как во всех других городах, областях и республиках страны). Наконец, как и в Скандинавских странах, ориентировщики, живущие в районах, прилегающих к Балтийскому морю, имеют у себя под боком идеальную для тренировок и соревнований местность с мелким ледниковым рельефом, очень разнообразную по характеру ориентиров и условиям проходимости и, что особенно важно, с хорошими подъездами.

В зимнем ориентировании на маркированной трассе соотношение сил несколько иное: здесь прибалтийским спортсменам серьезную конкуренцию составляют ориентировщики Москвы, Урала и с берегов Волги. Это хорошо иллюстрируют результаты всесоюзных зимних соревнований, которые с 1965 года проводятся ежегодно (правда, называются они всегда по-разному: то матч 15 городов, то матч 20 городов, а то и всесоюзные соревнования ДСО профсоюзов; в 1968 и 1971 годах они носили соответствующее своему рангу наименование всесоюзных).

У мужчин за 7 лет, с 1966 по 1972 год, личные победы 5 раз одерживали москвичи, по одному разу — эстонцы и свердловчане. В эстафетах дважды побеждали москви-

чи и эстонцы и по разу — ленинградцы и латыши. Один раз победу одержала выступавшая вне конкурса команда армейцев, в составе которой были два латвийских спортсмена и москвич.

У женщин в личных соревнованиях трижды первенствовали москвички, дважды латышки и ленинградки. В женских эстафетах москвички были первыми 5 раз, один раз победили украинки и один раз — команда общества «Труд», в составе которой были только ленинградки.

Причина определенного смещения «центра тяжести» зимнего ориентирования на восток от Прибалтики, кроме упоминавшейся уже меньшей (чем летом) зависимости качества трасс, на которых готовятся спортсмены, от характера местности, кроется, видимо, в более устойчивой продолжительной зиме в центре европейской части страны, а также в большем притоке в ряды ориентировщиков бывших спортсменов-лыжников.

Какова вообще география распространения ориентирования по стране?

Кроме Прибалтики, Центральной полосы и Средней Волги спортивное ориентирование надежно закрепилось на Украине и Урале, причем в последние годы оно особенно интенсивно развивается на Южном Урале, где новым его полюсом (наряду со Свердловском в средней части Урала) становится Челябинск.

Набирает силы спортивное ориентирование в Сибири и на Дальнем Востоке.

Так, в зональных соревнованиях, состоявшихся в 1971 году под Новосибирском, из числа крупных административных районов на востоке СССР отсутствовала лишь Магаданская область.

В южные районы страны спортивное ориентирование проникает еще не столь энергично. Его распространению там мешают малоподходящие для этого вида спорта природные условия — скалистые высокогорья, раскаленные пески. Несмотря на такое «противодействие» природы, секции ориентирования есть почти во всех Закавказских и Среднеазиатских республиках, хотя они еще в стадии становления. Впрочем, в южных районах есть и такой «феномен» в ориентировании, как Астраханская область. Несмотря на совершенно безлесную местность (если не считать зарослей колючих кустов в пойме и дельте Волги

и садов на ее островах), расчлененную протоками и оросительными каналами, усыпанную озерами с трехметровым камышом, покрытую песчаными буграми, здесь ежегодно проводится несколько десятков соревнований, которые не прекращаются даже в июльский сорокаградусный зной. Бывали старты, в которых принимали участие до тысячи человек. Спортивное ориентирование введено в учебную программу всех трех астраханских вузов.

КАК ЭТО ДЕЛАЮТ МАСТЕРА

Познакомив читателя с азами спортивного ориентирования, а также с его краткой историей и современным состоянием, я попытаюсь теперь с помощью карты первенства мира 1968 года показать сущность соревнований в беге с картой и компасом на высоком уровне спортивного соперничества. Для этого я прокомментирую по отрезкам бег двух спортсменов на мужской трассе, с которой мне удалось познакомиться сразу же после соревнований.

Чемпионом мира стал К. Юханссон, его основным соперником на протяжении всей трассы был, пожалуй, финн Ю. Салменкюля, занявший в итоге четвертое место. Проследить поединок этих спортсменов особенно интересно еще и потому, что они продемонстрировали разный стиль ориентирования. Кроме того, они заметно отличаются друг от друга по возрасту (в 1968 году Юханссону было 27 лет, а Салменкюля — 36).

Пути Юханссона на карте отмечены штрих-пунктиром, пути Салменкюля — жирными точками (схема 4).

Расстояние до первого контрольного пункта небольшое (600 м), выбор пути несложный — по гребню севернее болотца. Несложен и поиск КП: болотце, в южном краю которого находится КП, расположено в ложбине севернее маленького бугорка. Простая постановка первого КП вызвана, видимо, стремлением создателей дистанции дать возможность спортсменам «войти в карту». Юханссон и Салменкюля затратили на этом отрезке примерно одинаковое время.

Отрезок КП 1 — КП 2 также представляет мало вариантов для тактических ухищрений. Спортсмены бежали здесь в основном по азимуту, используя для контроля

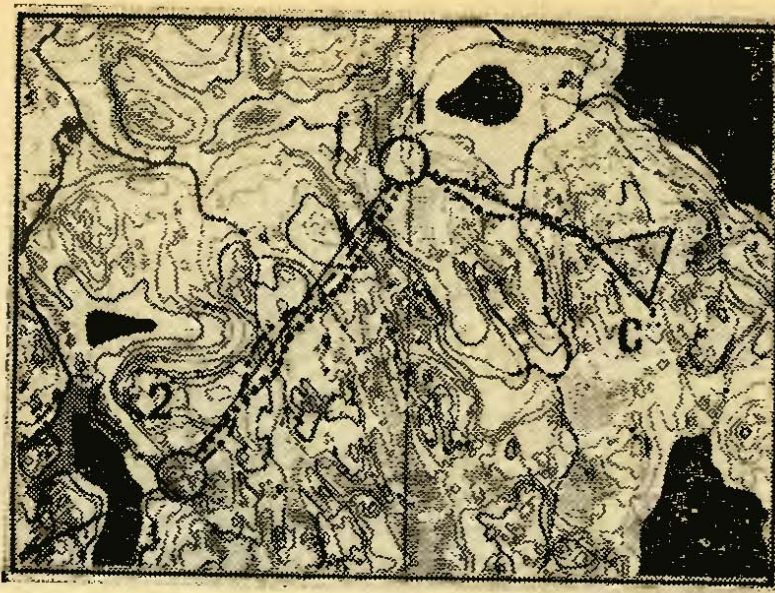

Схема 4

движения мелкие формы рельефа. Удачнее всех отрезок прошел Салменкюля и надолго стал лидером соревнований.

На КП 2 — КП 3 (схема 5) начинается настоящая борьба — кто кого перехитрит. Обнаруживается план Юханссона и его основного соперника: будущий чемпион мира старается идти наиболее прямыми из возможных путей, Салменкюля же готов использовать каждый попутный кусочек расположенных между контрольными пунктами дорог и тропинок, чтобы как можно меньше бежать по лесу, почва которого усыпана камнями, заросшими мхом. Однако тактика Салменкюля здесь не приносит ему успеха — на отрезке КП 2 — КП 3 он проигрывает Юханссону 22 секунды.

КП 3 — КП 4 — типичный короткий вспомогательный отрезок, необходимый для того, чтобы подготовить следующий этап трассы. Все спортсмены тут шли почти строго по азимуту.

КП 4 — КП 5 — один из наиболее интересных отрезков всей дистанции (схема 6). Салменкюля, верный себе, прихватывает метров триста тропы, делая ради этого изрядный крюк, но и обходя заодно высокий бугор. Юханссон, придерживаясь прямой линии, не так уж прост: заметив по карте на своем пути попутный «отросток» дороги, он точно выбегает на него и, пробежав 120—150 м, аккуратно обходит тот же высокий бугор, но

Схема 5

Схема 6

с запада. Однако выход к самому КП 5 (по ровному склону) у Юханссона несколько сложнее, чем у Салменкюля (того на контрольный пункт выводит ложбина), и будущий чемпион вынужден сделать вблизи КП небольшую петлю, подарив сопернику 48 секунд.

Любопытно, что участвовавший в этом соревновании англичанин Г. Пири (в прошлом рекордсмен мира в беге на 10 000 м) выбрал здесь путь, проходивший почти полностью по дорогам и тропам (западнее прямой, соединяющей КП), и показал результат, сильно уступающий времени финна.

На отрезке КП 5 — КП 6 Салменкюля не упустил возможности пробе-

жать около 400 м по тропе, Юханссон, двигаясь по лесу, сделал лишнюю петлю, хотя и удачно попал в проход между двумя холмами причудливой формы.

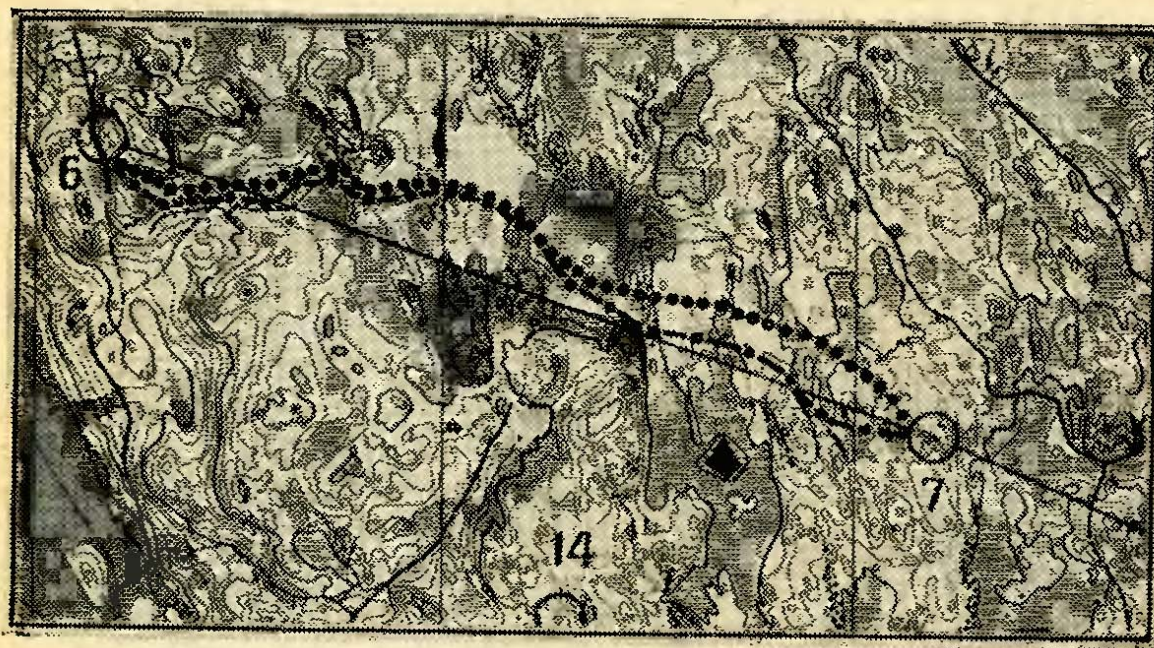

Схема 7

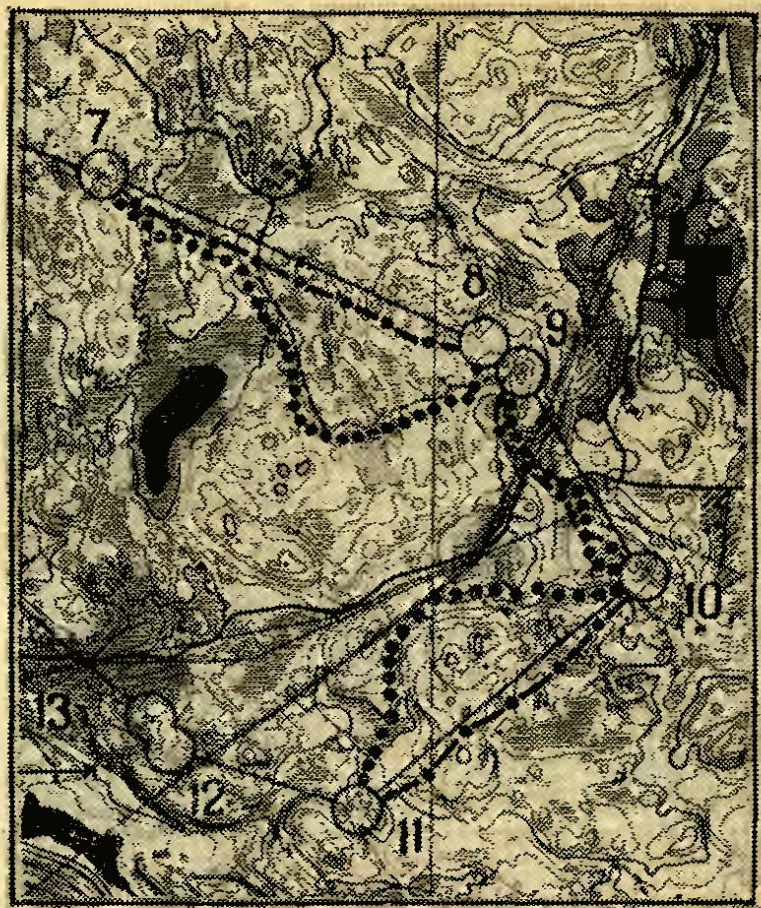

Схема 8

Самый длинный отрезок трассы КП 6 — КП 7 (схема 7) спортсмены начинают одинаково и «выжимают» все из тропы до ее окончательного поворота на север. Отсюда оба продолжают бежать также одинаково, но затем пути их расходятся, причем Салменкюля подходит к КП 7 с некоторым загибом вдоль цепочки продолговатых бугорков, что, пожалуй, проигрышно. Это, кстати говоря, отражают и результаты: на отрезке КП 6 — КП 7 время Салменкюля ровно на минуту хуже, чем у Юханссона, который продемонстрировал филигранную технику движения по мелким ориентирам на подходе к КП 7.

На отрезке КП 7 — КП 8 каждый продолжает играть свою партию: Юханссон, изящно обтекая небольшие горки и подправляя себя на них, идет напрямую, Салменкюля делает не менее изящный зигзаг по дороге и тропе (схема 8). 39 секунд, которые здесь отыграл Юханссон, позволили ему почти полностью ликвидиро-

вать минутный разрыв с Салменкюля. Но тот еще продолжает лидировать.

КП 9 — вспомогательный (чтобы увести в сторону от тропы, которая южнее). Никаких вариантов. Юханссон по времени вплотную приблизился к лидеру, проигрывая ему всего 5 секунд.

КП 9 — КП 10. Отрезок не очень интересный: даже Юханссона постановщики трассы заставили больше половины пути пробежать по тропам. Видимо, это ему не понравилось — Салменкюля на КП 10 опять увеличивает разрыв более чем на минуту.

На отрезке КП 10 — КП 11 Юханссон в своей стихии: он проходит его почти напрямик, цепляясь за мелкие ориентиры. Салменкюля и тут нашел себе тропу и отыграл у Юханссона еще 8 секунд.

КП 11 — КП 12. Попутных троп нет, варианты Юханссона и Салменкюля отличаются лишь тем, с какой стороны каждый из них обошел холм перед линией электропередачи. Юханссон по времени уже третий, а между Салменкюля и Юханссоном «вклинивается» швед С. Бьёрк, который в итоге так и остался вторым.

КП 12 — КП 13. Самый короткий отрезок трассы. Сделан он специально для прессы: рядом с КП 13 была сооружена вышка, на которой сидели фотокорреспонденты.

Схема 9

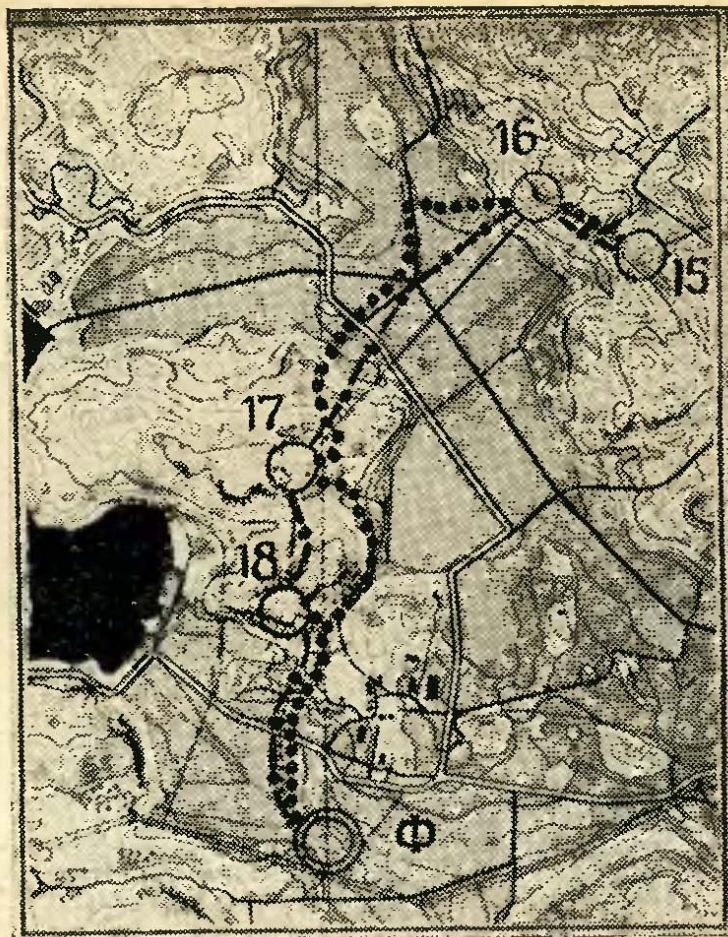

Схема 10

ты и операторы с телекамерой. На КП 13 Бьёрк по времени вплотную подходит к Салменкюля (разница между ними всего 18 секунд). На третье место, отодвигая Юханссона, переключается норвежец О. Хадлер. Напряжение борьбы нарастает.

Отрезок КП 13 — КП 14. Близится финиш, и нервы Салменкюля не выдерживают. Решив не рисковать и довольствоваться «синицей в руке», он выбирает тропу, которая заводит его на труднопроходимый участок местности. А Юханссон идет напрямик и, пробившись через завалы сучьев, образовавшиеся после рубки леса, попадает на хорошую дорогу. Пробежав до ее окончания, он с юга вдоль сухих моховых болот выходит на КП 14 (схема 9). Крюк Салменкюля, видимо, слишком велик: на этом отрезке он проигрывает Юханссону больше 3 минут и уступает лидерство Бьёрку. Юханссон — на втором месте.

КП 14 — КП 15. Теперь очередь ошибаться дошла до Юханссона. Стремительно скатившись с высокого скло-

на от КП 14, он попадает не на тот бугор, где стоит КП 15, и, еще не осознав просчета, делает там петлю в поисках знака КП, но затем, быстро спохватившись, уходит на 200 м западнее. Из-за этой петли Юханссон возвращается на четвертое место. Лидирует Бьёрк.

КП 15 — КП 16. Последний вспомогательный отрезок, предназначенный для более сложного «захода» на финишный участок трассы (схема 10). Правда, и сам КП 16 труден для поиска — одинокий камень в лесу на ровном склоне. После этого короткого отрезка Юханссон по-прежнему четвертый, но он отыграл здесь у лидера Бьёрка почти минуту.

КП 16 — КП 17. Салменкюля еще не сдался, он сражается, используя свое оружие — тропы. А Юханссон, также верный себе, пренебрегая тропой, поднимающейся по склону, выходит в район КП 17 напрямик и отыгрывает у Бьёрка еще минуту, снова передвигаясь на второе место. Салменкюля — третий.

КП 17 — КП 18. Кульминация борьбы на трассе. Юханссон идет напрямик, огибает продолговатую вершину с запада и точно выходит на КП 18, становясь (впервые на протяжении всей трассы!) лидером. Бьёрк проигрывает ему еще минуту и оказывается вторым. Салменкюля исполняет свою последнюю «дорожную сюиту» — обходит холм с востока по дороге и выбегает на КП 18 с тыла. Путь этот проигрышный, и Салменкюля с третьего места перемещается на четвертое. На третьем теперь Хадлер.

С КП 18 к финишу ведет разметка. Словно зная, что уже стал чемпионом мира, Юханссон быстрее всех пробегает финишный отрезок. Но это теперь ничего не решает — все медали и все места в десятке сильнейших ориентировщиков мира определились на последнем контрольном пункте.

У читателя, недостаточно знакомого с условиями борьбы на лесных трассах, но следившего по нашему описанию за поединком Юханссона и Салменкюля, может сложиться впечатление, что ориентировщики на протяжении всей трассы чувствуют «дыхание» друг друга и, двигаясь различными путями, встречаются на контрольных пунктах. Ничего подобного. Борьба идет заочная. Все спортсмены, имена которых приводились выше, стартовав с разницей не менее чем в 12 минут друг от

друга, ни разу так и не встретились на протяжении всей дистанции. И никто из них понятия не имел, как разворачивалась борьба: каждый лишь стремился преодолеть трассу побыстрее. О всех же перипетиях борьбы они узнали на финише из графиков движения, составленных по хронометрированию судей на КП.

Итак, подведем итоги поединка двух сильнейших спортсменов мира, пути которых я попытался прокомментировать. Здесь сошлись яркие представители двух направлений — движения напрямик и движения в обход. Долго лидировал приверженец обходных путей, но в конце концов проиграл. Значит ли это, что «дорожная» тактика проигрышна? Конечно, нет. Все зависит от конкретной местности — рельефа, густоты паутины дорог и троп, от их состояния. Например, в 1970 году в ГДР все призеры первенства мира двигались исключительно обходными дорожными вариантами, так как перепады высоты на прямых путях были очень большими. На местности и трассе, которые мы только что рассмотрели, выигрышной была смешанная тактика. Подтверждением того, что ни одна из двух тактик («в обход» или «напрямик») на мужской трассе первенства мира 1968 года в чистом своем виде не была в принципе выигрышной, является такой факт. Победитель, Юханссон, сделав лишь одну «не свою» ошибку (при поиске КП 15, что стоило ему не более 2 минут), проиграл «идеальному времени», составленному из графиков нескольких участников (в том числе и Салменкюля), около 15 минут.

Так что даже у сильнейших ориентировщиков мира есть большие резервы, которые им предстоит осваивать.

ОШИБКИ, НА КОТОРЫХ МЫ УЧИМСЯ

Мы бегаем по лесу и ловим сразу двух зайцев. Зайца физического развития и зайца развития умственного. И каждый из нас старается делать это быстрее других. В обстановке большой спешки мы, естественно, ошибаемся. Ошибаются все: и победители и неудачники, ошибаются так часто, что порой соревнования по ориентированию кажутся состоящими из одних ошибок. При этом хватает только крупных, когда потери времени исчисляются минутами и даже десятками минут, а такую мелочь, как обогнул не с той стороны куст и потерял 2—

3 секунды, мы пока вообще не замечаем. Видимо, таков уж наш спорт.

За шесть лет занятий ориентированием я, например, участвовал почти в 200 соревнованиях. И в каждом из них делал в среднем по пять-семь крупных ошибок, существенно влиявших на мой конечный результат. Тысяча ошибок... Они у меня описаны в специальной толстой тетради и все вместе представляют неплохую коллекцию. Собранные в одну грудку, ошибки эти как значки — есть схожие, есть просто уникальные, но нет двух одинаковых (обменного фонда в таком деле не бывает).

Классифицировать ошибки можно руководствуясь разными принципами: или по степени их влияния на результат, или по уровню соревнований. Все эти принципы правомерны, так как копание в собственных ошибках настолько интимно, что тут не может быть никаких канонов. И все же мне кажется, что анализ личных ошибок имеет не только личный интерес. О них полезно поговорить вслух, упорядочивая разговор некоторой условной классификацией.

Очень крупно, не вникая в существо ошибок, их можно разбить на три группы:

- 1) ошибки новичка;
- 2) ошибки среднего спортивного периода — когдаходишь во вкус ориентирования и жадно участвуешь во всех соревнованиях («ошибки роста»). Этот период характерен заметным, хотя и неравномерным, улучшением результатов;
- 3) ошибки спортивной зрелости — спутницы настоящего мастерства и повышенной конкуренции в группе ведущих ориентировщиков.

Не останавливаясь на ошибках первых стартов, до умиления нелепых (например, прохождение трассы в обратном направлении!), неизбежных, как болезни в детстве и как молочные зубы, исчезающие со временем, перейду сразу к ошибкам среднего периода, начинающегося, как правило, со второго сезона, со второго полного цикла стартов.

Период накопления всего разнообразия опыта ориентирования и улучшения результатов занимает обычно несколько лет, и всему этому периоду свойствен примерно один состав ошибок. Однако сами они различны как по характеру, так и по влиянию на результат.

Итак, каковы же наиболее существенные ошибки, допускаемые в летнем ориентировании (речь будет идти только о соревнованиях в заданном направлении)?

Нервозность в начале прохождения дистанции. Частая и липкая ошибка. Просто болезнь, которую можно назвать «первый контрольный пункт». В самом деле — ждешь несколько дней соревнования, чтобы наконец показать высокий результат (как тебе кажется, ты его уже вполне заслужил). Ждешь, не удовлетворенный последним стартом, и вот она, возможность: карта в руках, ты полон сил, а где-то там в лесу притаился красно-белый знак КП, который ты, конечно, разыщешь быстрее всех. Нужно иметь твердый характер или много раз крепко пострадать от резвого старта, чтобы научиться преодолевать отрезок трассы до первого КП, как будто ты не на соревновании, а на разминке, и главное здесь не скорость, а надежность. Хорошо еще, если начальник дистанции окажется сердобольным и первый КП поставит близко и просто, а то ведь часто главную проверку устраивают именно в начале трассы. И тут-то ты погиб, если поспешишь. Сколько честолюбивых замыслов застряло в буреломе и сучках на пути к первому КП! Нужно твердо усвоить, что дать две-три минуты в зубы этому зверю, первому КП, чтобы его успокоить, не такая уж большая жертва. Он может слопать и двадцать.

Торопливость при выборе пути на очередном КП. Самая распространенная ошибка, хотя по потере времени не приводит к таким глубоким провалам, как предыдущая. Однако беда состоит в том, что в течение одного соревнования эту ошибку можно допустить неоднократно, и расплата за нее накапливается. А казалось бы, все так просто — отметился на КП, нашел на карте следующий пункт и просматриваешь все варианты движения; вначале, например, слева от прямой линии, затем — правее ее; выбрал лучший путь, установил компас и — вперед.

В действительности схема эта выглядит короче: до лучшего пути дело обычно не доходит (трудно стоять, когда другие бегут, а тут еще слышится треск сучьев от приближающегося к КП соперника), и выбирается первый более или менее хороший. А то и просто первый попавшийся на глаза. Может быть, так и надо? Конечно, нет. Лучший путь между КП — никогда не враг хорошего.

Затраты времени на него, дополнительные 10—30 секунд, приносят в среднем как минимум 3—5 минут экономии.

Разумеется, надо учитывать, что добавочный выигрыш времени зависит от длины отрезка, и на очень коротких этапах между КП, от 100 до 400 м, проблема выбора пути, как правило, исчезает — на прямом движении по азимуту (с контролем расстояния) потеряешь меньше, чем на выборе какого-нибудь хитроумного пути, отыскание которого на карте может потребовать целую минуту. Не знаю, достаточно ли показателен мой опыт, но из тетради, в которую после каждого старта я записываю ошибки, неумолимо следует, что торопливость в выборе пути обходилась мне в первые два полных летних сезона в среднем в четверть всей потери времени.

Интересно, что в первые три года моих выступлений в соревнованиях ошибки от спешки при выборе пути практически не уменьшались — ни относительным числом, ни потерей времени. Видимо, происходило это из-за того, что параллельно приобретению опыта повышалась напряженность в соревнованиях, так как становилась все реальней борьба за более высокие места, а в пылу такой борьбы часто кажется, что терять секунды на тщательное изучение карты особенно обидно. Очевидно, мало сознавать подобный недостаток, надо добиться, чтобы выбор пути автоматически занимал столько времени, сколько необходимо на конкретном отрезке. Автоматизма же можно достичь только тренировкой, отрабатывая выбор пути как элемент общей техники. Например, останавливаясь во время тренировочного бега по лесу через каждую минуту и решая на новом куске карты новую задачу по выбору пути. И так по 50—100 задач за тренировку. Как теннисист или футболист, отрабатывающий удар у стенки.

Расплывчатость в выборе «привязки» (т. е. недостаточно определенное представление привязки до начала движения к очередному КП, необоснованное изменение ее на подходе к нему, а также нефиксирование ее по достижении). Ошибка, тяжелая по последствиям, поскольку спортсмен может потерять на карте свое точное местоположение непосредственно у КП, когда восстановиться уже негде, в результате возникает нервозность, а за ней и целая цепь ошибок. Понимая серьезность такой ошибки, выбор пути (особенно на длинном отрезке) опытные

ориентировщики обычно начинают с «хвоста», т. е. от привязки. Но, оказывается, это еще полдела. Нередко в процессе движения принятое ранее решение о наилучшем пути пересматривается, ибо появляются попутные и не обозначенные на карте тропы или удобные для бега участки леса. За изменением пути обычно должно следовать и изменение привязки, но так как тут процесс решения задачи о выборе пути идет по ходу движения, то до привязки дело доходит не всегда. Чаще о ней создается некоторое неопределенное представление, — мол, где-то тут, а где точно, там видно будет...

При этом легко себя успокоить, что непредвиденный выигрыш времени (подвернувшаяся попутная тропа) позволяет идти на КП от другой, менее надежной и четкой привязки. Потихонечку, поосторожнее, но все равно будешь в выигрыше по сравнению с первым путем. Однако осторожность игнорируется, бежишь от новой привязки так же быстро, наращивая выигрыш, и... расплата не заставляет себя ждать.

Способ борьбы с этой ошибкой, видимо, только один — навсегда осуществлять приоритет привязки перед путем до КП. А при любом изменении пути начинать его осмысливать опять с привязки. И всегда фиксировать привязку, т. е. перед окончательным участком движения к КП убедиться, что находишься именно там, где предполагаешь.

Нечеткое движение по азимуту (а также небрежный контроль расстояния). Ошибка, в той или иной степени свойственная всем ориентировщикам, даже самым сильным, из-за того, что движение по азимуту с контролем расстояния — один из наиболее сложных элементов техники ориентирования. По лесу невозможно бежать совершенно прямо, так как встречаются завалы, густые заросли, окна на болотах; их приходится огибать и вносить поправки в свою линию движения, что чревато ошибками.

Невозможен и точный отсчет расстояния. Начнем с того, что небольшая ошибка вносится еще при корректировке карты. Ошибки крупнее появляются, когда спортсмены отсчитывают расстояние от привязки шагами, — никогда ведь не бывает точно такой местности, точно такого темпа и точно такого отрезка, какие были при отработке стандартного счета на тренировке. И снова приходится по интуиции подправлять свой счет. Однако

при грамотной постановке контрольного пункта и тщательном движении по азимуту указанные «естественные» ошибки не в состоянии увести опытного спортсмена от КП. Но это при движении тщательном, а так ли часто мы его осуществляем? Есть, правда, еще и признак КП на карте, и описание его в легенде, но при желании в насыщенной ориентирами местности не так уж трудно найти что-то похожее совсем в другом месте.

Лучшее средство против азимутной ошибки — четкость. Педантичная четкость, которая может быть доведена до автоматизма лишь многократным повторением азимутного бега на каждой тренировке. Но есть и средства смягчения последствий ошибки — способы поиска КП, обозначенного на одном из многочисленных мелких ориентиров и не оказавшегося на конце азимутного отрезка. Способы эти известны — «коробочки», «зигзаги» или просто быстрый уход на новую привязку и повторный «заход» на КП. Каким из них воспользоваться в каждом конкретном случае, может подсказать только интуиция.

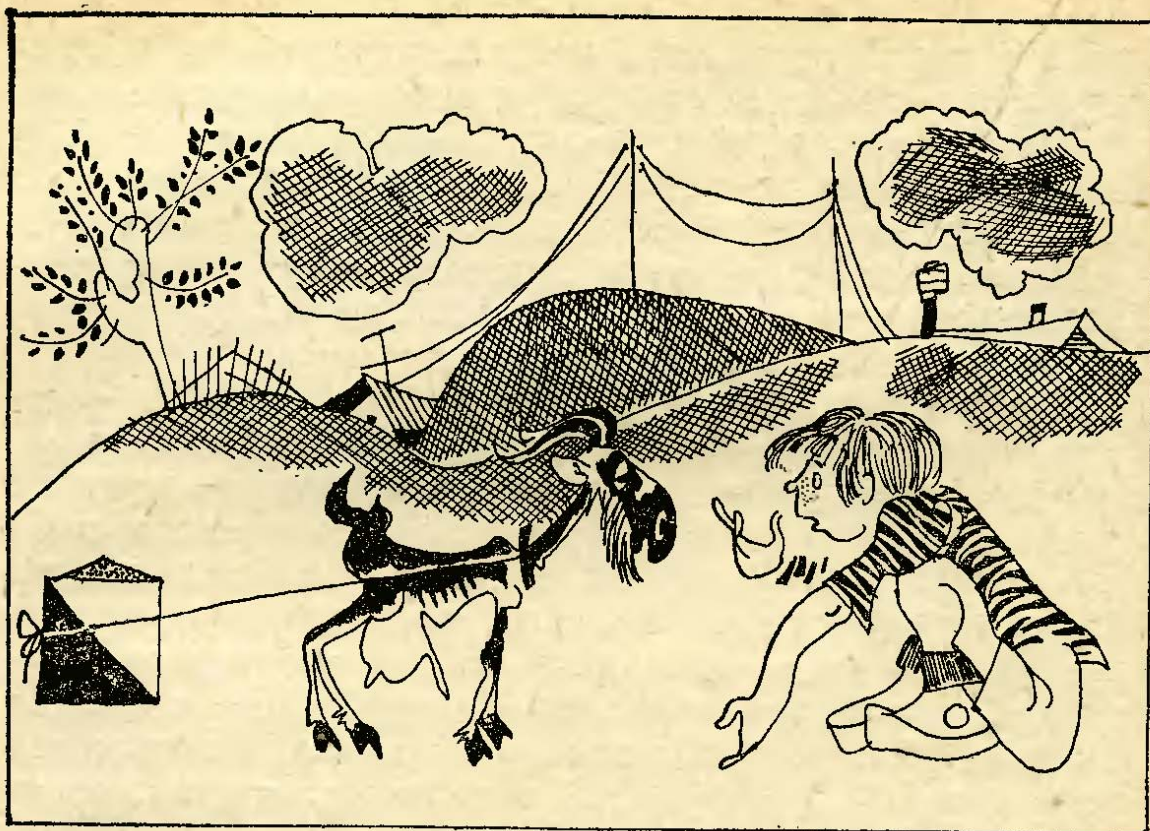
Недостаточное внимание вблизи КП. Ошибка выглядит обычно так. Идешь с привязки на КП, знаешь, что пункт находится, например, на небольшой горке в 200 м от привязки. И вот в этом направлении, и примерно на таком расстоянии встречается горка. Вбегаешь на нее, приготовив карту для отметки, а КП нет. Шаришь под кустами, заглядываешь за стволы деревьев — нет КП. Уходишь, недоумевая, на другую привязку и там, внимательно разглядев карту, убеждаешься, что перед горкой, на которой стоит КП, на карте нарисована еще одна.

Другая разновидность ошибки из-за невнимательности вблизи КП — рассеянность при поиске знака. Какая-то странная слепота. Когда почти задев ногой призму, пробегаешь мимо и ищешь ее в другом месте. А сюда, где был, уже не возвращаешься.

Как бороться с такими ошибками?

Разумеется, чтение карты близ КП нельзя откладывать на последний момент — представление о местности возле очередного КП должно быть еще при выборе пути и затем стать более полным и четким в результате чтения карты «на перегоне», где-нибудь на хорошей тропе или на дороге. На привязке же его следует лишь освежить. Особенно по прямой линии к КП.

От слепоты вблизи КП может избавить лишь опыт. В начале своих выступлений я частенько пробегал мимо знака в двух-трех шагах от него, в последние же два сезона — ни разу. И это несмотря на то, что знаки стали значительно меньше по величине и устанавливаются теперь более скрытно. Поиск знака КП, как и любой технической элемент, видимо, следует отрабатывать большим числом повторений его на тренировке. Например, развешивать в беспорядке в некотором ограниченном линейными ориентирами участке леса десяток-другой знаков и выискивать их затем все до последнего.

Оглядка на соперников. Иногда, проходя трассу спустя пару дней после соревнований и разбирая свои ошибки, просто диву даешься — все было так просто, а ты накуролесил... И вспоминаешь затем, как с этого КП ушел под прямым углом к нужному направлению, потому что впереди услышал треск сучьев и побоялся вывести на КП неведомого соперника. Потом подправил себя, но мало и в результате «выбежал из карты». А тут свернул с дороги метров на двести раньше и только потому, что то же сделал бежавший перед тобой спортсмен. А затем вы оба, ревниво поглядывая друг на друга,

носились в поисках КП в 200 м южнее того места, где следовало. Просто ориентироваться в лесу, когда он пуст, но очень сложно, когда насыщен снующими во все стороны соперниками. При большом опыте они могут тебе даже помочь: из их поведения, направления движения, наконец, вида можно извлечь ценную информацию, но это при большом опыте. В первые же годы выступлений на лесных трассах надо стараться не замечать никого. Вообразить, что ты в лесу один. С картой и компасом. И только где-то висят молчаливые знаки КП.

Беспечность при движении между КП (на средних и длинных отрезках). Эта ошибка — от лени или усталости, когда, выбежав на длинный участок дороги, мчишься по ней, словно во сне, беспокоясь лишь о том, чтобы не проскочить нужный ее развилочек или пересечение с просекой. А ведь надо совсем ненадолго слегка снизить скорость, потерять всего 5—10 секунд и посмотреть внимательно на карту, — может быть, попадет на глаза вариант пути и получше, чем выбранный вначале. Или покрепче засядет в памяти кусок карты вокруг КП. Посмотреть на следующий отрезок и вчерне наметить вариант движения. Умственная бездеятельность на беговых участках между КП неприятна тем, что подготавливает другие ошибки, более тяжелые по потере времени.

Неподготовленность к старту. Имеется в виду не физическая неподготовленность и не отсутствие, например, нужного снаряжения (это уже не ошибки — это несерьезное отношение к спорту), а неподготовленность к данному конкретному старту. И прежде всего недостаточное знакомство с информацией о местности и карте соревнований. Отсутствие легенды (если она выдается заранее) или недостаточно точно переписанная и переведенная легенда. Отсутствие необходимой настройки на старт и тактическая пассивность, т. е. нечеткое представление о том, какие задачи стоят в данном старте и как (приблизительно) их надо решать.

Особенно пагубна неполная информированность о карте и местности. Так, в 1967 году на первенстве Москвы я (как и многие спортсмены «Буревестника») отчасти по своей вине, отчасти по вине представителя не знал, что линии магнитного меридиана были проведены под углом около 30° к вертикальной рамке карты. И бегал потом крюками на азимутных участках и стоял минутами, раз-

бирался, пока (уже в конце дистанции) не сообразил, в чем дело. А однажды на информации прослушал, где находится не обозначенный на карте мост через реку, и носился затем взад-вперед вдоль реки, выскивая, где помельче, пока не бросился в воду.

Суетливость на трассе. Последствия ее различны, но все ошибки, которые делаются из-за спешки в работе с картой или компасом, удивительно схожи по своей нелепости. То компас установишь меткой на юг, а не на север и мчишься затем с КП в противоположную сторону, то, подгибая карту, пропустишь один кружок и, минуя, например, пятый КП, спешишь сразу на шестой, то допустишь сдвиг между номерами КП на карте и описаниями их в легенде и ищешь какой-нибудь знак у поворота канавы, когда он дожидается тебя на седловине между горками. Суетливость — качество характера, неприятное и в будничной жизни, в ориентировании становится вовсе нетерпимым, но именно благодаря ориентированию от него можно избавиться. Просто надо внушить себе некоторый дополнительный запас спокойствия. А еще надежнее и крепче его внушают вызванные суетливостью неудачи на трассах.

Чрезмерная реакция на только что сделанные ошибки.
Говорят, что беда не приходит одна. В ориентировании это уж точно — беды ходят цепочкой: ошибся на одном КП, нашел его и быстрее, чтобы отыгаться, бросился к следующему, да не в ту сторону, понял это, еще пуще «завелся», и пошло... Но так ведут себя лишь начинающие или слишком горячие ориентировщики. Опытные же неукоснительно следуют мудрому правилу: «Играй, но не отыгрывайся». И даже после крупной ошибки они продолжают борьбу, помня, что последний КП — впереди. И неизвестно еще, все ли сумеют достичь его без потерь...

Теперь после краткого рассказа о наиболее характерных ошибках на трассах спортивного ориентирования я попытаюсь сделать некоторые обобщения и подчеркнуть закономерности, которые мне удалось заметить, конечно, на основе анализа лишь своего опыта.

Я разделяю свою биографию ориентировщика — с первого полного летнего сезона и до того сезона, в который пишутся эти строки, — на два периода по три года. Первый период (1967—1969 годы) — время начального обучения, излишне смелых спортивных притязаний и... накопления коллекции ошибок. Второй период (1970—1972 годы) — время осознания своих слабостей и возможностей, время обузданных претензий. «Видовой состав» ошибок в соревнованиях, их число и последствия в эти периоды существенно различаются.

В первом периоде, например, наиболее распространенной ошибкой была торопливость при выборе пути движения на очередной КП. Увлеченный процессом ориентирования и слишком напряженно воспринимающий всю обстановку соревнований, я в ту пору думал только о том КП, к которому стремился в данный момент, и, лишь достигнув его, начинал выбирать путь на следующий. А разве за 5—10 секунд, которые удастся выстоять, что-нибудь путное выберешь? Особенно если на плечах «висит» разгоряченный соперник... Теперь-то я «не откладываю на завтра то, что можно сделать сегодня», и, пока бегу на очередной КП, всюду, где удобно, — на тропе, просеке, а то и просто в лесу — поглядываю на ближайший ожидающий меня отрезок. И за короткие, но частые взгляды я так изучу следующий отрезок.

зок, что на КП мне нужно лишь столько времени, сколько требуется, чтобы правильно взять уже выбранное заранее направление дальнейшего движения.

Одна из главных ошибок «школьного периода» — и не только моего, но и всех ориентировщиков — нервозность в начале соревнований при движении на первый КП. Я подсчитал, пользуясь своим дневником, что в первый период на 4—5 соревнованиях каждого сезона только из-за первого КП терял до 10 минут, т. е. практически бесславно заканчивал соревнования, едва их начав, потому что, «запоров» первый КП, бросался наверстывать упущенное, и дальше ошибки нарастали лавиной.

Слишком бурная реакция на свои грубые просчеты — третья разновидность моих главных ошибок начального периода. И, пожалуй, самая тяжелая по последствиям: как я вычислил по своим заметкам, каждая такая ошибка обходилась мне в среднем в 16 минут.

Во втором периоде все эти главные ошибки как-то сразу исчезли: на первый КП я стал бежать аккуратно, даже неторопливо, не боясь проиграть 1—2 минуты (временная «жертва пешки» — потом она отыгрывается обратно). И все варианты движения на следующий КП стал обдумывать заблаговременно. Ну и, конечно, теперь я не бросаюсь отыгрываться после каждой небольшой потери.

Из наиболее распространенных ошибок первого периода во втором у меня сохранилась лишь суетливость на трассе, когда, непрерывно озабоченный экономией времени, в спешке вдруг делаешь какую-нибудь нелепость. Например, в последние годы я дважды неправильно переносил КП с контрольной карты. Даже раньше таких ошибок у меня не было. Видимо, более жесткой стала конкуренция, оттого и спешишь. Один из таких неверных переносов КП с контрольной карты на свою я допустил на V всесоюзных соревнованиях, когда сместил КП 3 на точку, находящуюся метров на сто пятьдесят ближе истинной. Но мне повезло: КП 3 стоял на моей карте на линии, соединяющей КП 2 с истинным КП 3, и это был сравнительно короткий азимутный отрезок. Прискав КП 2—3 минуты там, где его не было, я, естественно, задумался, почему другие, двигаясь в том же направлении, уверенно пробегают дальше...

Избавившись от многих обидных ошибок «периода начального обучения» и излечившись даже от такой хронической болезни, как «первый КП», я приобрел не менее цепкую — «последний КП». Так, на V всесоюзных соревнованиях последний мужской и последний женский КП стояли рядом, я выбежал вначале на женский и побежал по женской голубой разметке на финиш (наверное, «привязываться»). Лишь на полпути к финишу я опомнился и по мужской розовой отметке, которая тут уже шла вместе с женской, бросился обратно на свой последний КП. Эту и другие ошибки в конце дистанции, которые я делал, можно объяснить психологической усталостью, появляющейся в результате непрерывной и кропотливой работы с картой.

Обстановка напряженной борьбы вообще подготавливает такие провалы в самоконтроле. Хорошо известны два случая, происшедших на первенстве мира 1970 года. Один из них был с чемпионом мира 1968 года К. Юхансоном, который принял на карте север за юг и убежал с КП 6 в другую сторону, потеряв более 40 м высоты. Другой произошел с чемпионом мира 1966 года О. Хадлером. Тот в середине отрезка КП 13 — КП 14 перепутал направление склона и также побежал в противоположную сторону, сделав крюк более километра.

«Странные» ошибки, видимо, закономерны в условиях острой конкуренции, но, допуская их, опытные спортсмены быстро подправляют себя в отличие от новичков, которые из-за пустяка впадают в панику. Те же Юхансон и Хадлер, допустив столь грубые просчеты, несмотря на чрезвычайно сильный состав участников первенства мира, попали в первую десятку.

Ну, а что можно сказать об ошибках третьей группы — периода спортивной зрелости? Честно говоря, мне еще трудно анализировать их, потому что сам я им еще не научился: начав поздно заниматься ориентированием, я лишь сейчас вхожу в пору зрелости. Но, как я уже начинаю замечать на собственном опыте, основная ошибка вполне сформировавшегося ориентировщика состоит в нарушении им еле уловимой границы между надежностью прохождения трассы и неоправданным риском. В конечном счете в пылу спортивной борьбы спортсмен начинает чуть меньше, чем необходимо, тратить времени на выбор пути между КП, а также на чтение карты меж-

ду контрольными пунктами и поэтому затрачивает на движение до каждого КП чуть больше времени, чем мог бы. Из мелких потерь на каждом отрезке и складывается затем общая сумма ущерба на трассе — в 5, 10, редко 15 минут.

При современном высоком (и в итоге почти одинаковом) уровне физической подготовленности ведущих ориентировщиков суммы их общих потерь на трассе также обычно близки. Недаром так возросла плотность результатов в группе ведущих. В этом легко убедиться, если просмотреть графики движения по КП на первенстве мира, а также сравнить на карте пути движения призеров. При различных вариантах движения время на отрезках между КП различается буквально на секунды, и редко когда разброс достигает 3—5 минут.

Таким образом, основная ошибка сильнейших ориентировщиков — мелкие потери от несколько поспешного выбора пути! И в то же время у опытных спортсменов случаются иногда такие провалы на трассе, которым могут «позавидовать» даже начинающие. Провалы эти по своим последствиям похожи на крупные оплошности новичков, но природа их совсем другая. Начинающий спортсмен преодолевает трассу в чрезвычайно напряженном состоянии: малейшая его ошибка ведет к растерянности и каким-то судорожным поступкам. У ориентировщиков провалы бывают как следствие усталости мозга в результате интенсивной его работы в условиях высокой физической нагрузки. Наблюдается своего рода «мертвая точка» в мыслительных функциях спортсмена. Вот тогда-то он и допускает «странные ошибки». В былые времена много писали о «мертвой точке» в физиологическом состоянии спортсмена, однако затем опытом ведущих спортсменов и путем исследований было доказано, что при высокой тренированности «мертвая точка» практически не наблюдается. Надо полагать, что со временем появятся такие методы умственной тренировки ориентировщиков, которые исключат «провалы» в сознании во время соревнований.

Теперь мне хочется ответить на вопрос, который, возможно, возник у читателя: какова техника получения статистики ошибок? Вопрос этот немаловажный, поскольку сразу вроде бы неясно, как можно установить, из-за какой именно ошибки произошла потеря времени, и осо-

бенно величину этой потери. Сомнительность же исходных данных бросает тень и на сделанные на основе их выводы.

Из-за какой именно ошибки допущена потеря времени в большинстве случаев, выяснить нетрудно: если с КП убежал, например, в противоположную сторону (в конце концов это понимаешь), ясно, что причина всего — излишняя спешка и суетливость на трассе. И когда, двигаясь с привязки, проскакиваешь КП, доходя до заднего ограничивающего ориентира, виновник тоже известен (если вдобавок еще убедишься, что КП стоит точно). Однако в некоторых случаях вид ошибки не совсем ясен — когда их делаешь сразу несколько. Например, идя по азимуту, уклоняешься в сторону или ищешь КП на горке, хотя по легенде он в ложбине на маленьком болотце; кроме того, упускаешь из виду, что этот КП последний и его можно взять от финиша по маркировке. Но такие «совмещенные» ошибки встречаются не часто, и без большой беды для выводов общую потерю во времени можно разделить между всеми ошибками поровну.

Сложнее с определением величины самой потери. Не произвольны ли цифры потерь времени, отнесенные на ту или иную ошибку? Ведь мы не ведем хронометрирования результатов своих ошибок. Действительно, большинство потерь, которые записаны в моем дневнике, определены без хронометрирования, «на глазок». Но дело в том, что глазок-то у нас, ориентировщиков, натренирован тем хронометрированием ошибок, которое мы иногда все же ведем, когда на соревнованиях пишем свои графики движения от КП до КП и, сопоставляя их друг с другом (и учитывая при этом ошибки), получаем весьма точные цифры потерь. И использованием часов на тренировках (при проверке различных путей движения между двумя точками). И знанием своей скорости в различных условиях — по дороге, густому лесу, болоту. Я несколько раз проводил сравнение потерь времени из-за разных ошибок, определенных различным способом (прикинутых вначале «на глазок», а затем вычисленных на основе судейских графиков движения), и почти всегда получал хорошее совпадение результатов. Поэтому своей статистике ошибок, отчасти строгой, отчасти интуитивной, я верю.

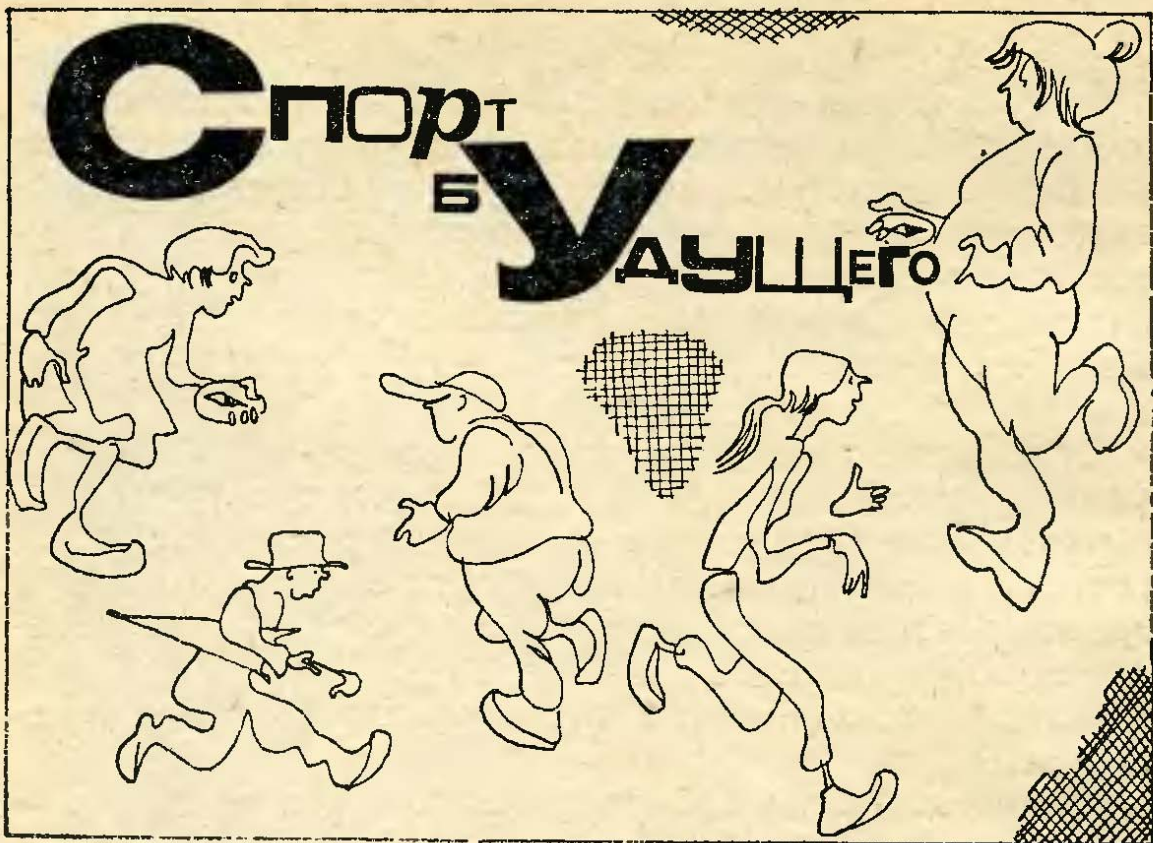
И еще один вопрос, тоже существенный: насколько

приведенная статистика ошибок и вытекающие из нее выводы имеют общий характер, т. е. относятся к другим спортсменам?

Конечно, ошибки во многом индивидуальны. Наклонности спортсмена, его темперамент, его возбудимость перед стартом и способность совладать со своими нервами во время прохождения трассы могут исказить соотношение разных видов ошибок в первый полный сезон, а также повлиять на изменение этого соотношения в последующие сезоны. Но все же общность в ошибках несомненна: кроме умозрительного соображения о том, что ориентировщики в той или иной степени наделены обыкновенными человеческими слабостями и в схожих ситуациях ведут себя примерно одинаково, меня убеждают в этом и бурные разговоры-раскаяния после соревнований и наблюдения за другими спортсменами на трассе.

Этот раздел книги, в котором описаны разнообразные достоинства спортивного ориентирования, я хочу предварить одним утверждением: *бег с картой и компасом в конце XX века станет ведущим видом спорта.*

Я сознаю всю ответственность моего утверждения и несколько сожалею, что не могу как статью в научном журнале, снабдить этот раздел книги грифом «В порядке обсуждения». Однако читатель дальше убедится, что именно в таком порядке задумана вся книга.

Понимаю также, что мое утверждение может показаться слишком опрометчивым, особенно в условиях, когда многие люди на земле (что там люди — целые страны) не имеют самых элементарных познаний об этом молодом виде спорта. И все же я настаиваю на своем утверждении, потому что располагаю, как мне кажется, достаточными аргументами для его защиты.

ГЛАВНЫЕ АРГУМЕНТЫ

Вначале несколько слов о спорте вообще.

Будущее спортивного движения, и не очень уж далекое, в мире в целом и в нашей стране мне представляется так.

Спорт, это «восьмое чудо света», как называют его журналисты, займет одно из главных мест в жизни человека, позволив ему наиболее легким и приятным способом устранить противоречия между все возрастающим удельным весом умственного труда и естественной потребностью в движении, в физической нагрузке. Потому что только спорт в состоянии применительно к миллионам людей сбалансировать умственную и физическую занятость человека, обеспечить его гармоническое развитие.

И, видимо, только спорт может предложить каждому человеку доступную и очень демократичную форму испытания своего характера и своих наклонностей. Эти качества делают спорт ярким общественным явлением, а ориентирование имеет серьезные шансы стать «подъявлением» номер один.

Каковы же его достоинства, позволяющие мне утверждать это?

Главное достоинство спортивного ориентирования — оно представляет собой такой вид целеустремленной деятельности, который отражает одну из основных тенденций современной человеческой культуры, — *органическое сочетание физического и умственного начал*. Причем эта деятельность не только целеустремленна, но и полезна: занимаясь ею, человек «производит» ценную продукцию — свое собственное гармоничное развитие. Цель достигается тем, что такое естественное, но несколько однообразное физическое упражнение, как бег, выполняется в непринужденной (хотя и интенсивной) мыслительно-игровой обстановке, когда по ходу дела решаются разнообразные задачи — по сличению карты с местностью, по оценке непрерывно меняющейся ситуации, по выбору оптимальных вариантов пути от КП до КП и масса других.

Сравним ориентирование в этом плане с другими массовыми видами спорта. (Хотелось бы отметить, что для подобного сравнения автор имеет некоторое право: занимаясь спортом с пятнадцати лет, он познал непосредственным опытом более десяти его видов, добравшись в некоторых из них, например в лыжной эстафете, до высот серебряного призера на первенстве страны. При этом «в поисках себя», а также в качестве тренировочных средств к основным своим спортивным увлечениям он «охватил» довольно представительный их ассорти-

мент — от бадминтона и стрельбы до легкой атлетики и лыжного двоеборья.)

Если начать с умственной составляющей, то спортивное ориентирование надо сравнивать прежде всего, видимо, с шахматами. Ориентировщики, как и шахматисты, тоже анализируют по вечерам свои и чужие «партии». А во время соревнований также непрерывно считают варианты «ходов», — правда, не с такой скоростью и не в таком объеме. И не удивительно, наши мозги слегка «угнетены» физическим напряжением бега. С точки зрения умственного начала шахматы, несомненно, превосходят ориентирование, но с точки зрения физической... Достаточно представить ссутуленную фигуру, склонившуюся над доской в течение четырех часов, чтобы этот вопрос уже больше не обсуждать.

Спортивные игры — например футбол, баскетбол.

В умственном отношении футбол — игра очень напряженная: игроку приходится непрерывно следить за перемещением других игроков, прогнозировать игровые ситуации, овладев мячом, мгновенно и остро мыслить. Футбол — игра умная, но ум футболиста «придавлен» высокой физической нагрузкой. В отношении же физическом футбол со своим «рваным» темпом уступает бегу с картой, который, подобно всякому продолжительному бегу, выполняется сравнительно равномерно.

Все, что сказано о футболе, можно повторить и в отношении баскетбола, подчеркнув лишь особую интенсивность и неравномерность его темпа.

Темповые (циклические) виды — легкая атлетика (бег на средние и длинные дистанции), лыжные гонки.

Безусловно, оба вида спорта при современной конкуренции и плотности результатов требуют серьезной мыслительной работы как в планировании тренировок, так и особенно в разработке и осуществлении тактических планов на соревнованиях. Но физическое начало здесь настолько значительно, что даже те хитроумные решения, которые принимают спортсмены в процессе борьбы на дистанции, выглядят карликами рядом с такими гигантами, как объем тренировок и предельное физическое напряжение в соревновании.

Речь шла об основных «конкурентах» спортивного ориентирования. Я предлагаю читателю на досуге самостоятельно сопоставить с ним (с точки зрения гармонич-

ности развития человека) такие, тоже массовые, виды спорта, как бокс, плавание, настольный теннис, городки.

Второе важное достоинство спортивного ориентирования — это *исключительный физкультурно-оздоровительный характер*. Разумеется, благотворное влияние на здоровье оказывают все массовые виды спорта. Но все же с оздоровительной точки зрения у ориентирования, видимо, нет равных. И прежде всего потому, что бег в нем осуществляется, как уже говорилось, с умеренной нагрузкой. Ориентировщик в принципе не может бежать в предельно высоком темпе, так как это неминуемо приведет к ошибкам и снижению результата. (В ориентировании есть даже правило — беги не быстрее, чем думает голова). Кроме того, соревнования в беге с картой и компасом проходят в «кислородной подушке» лесной растительности.

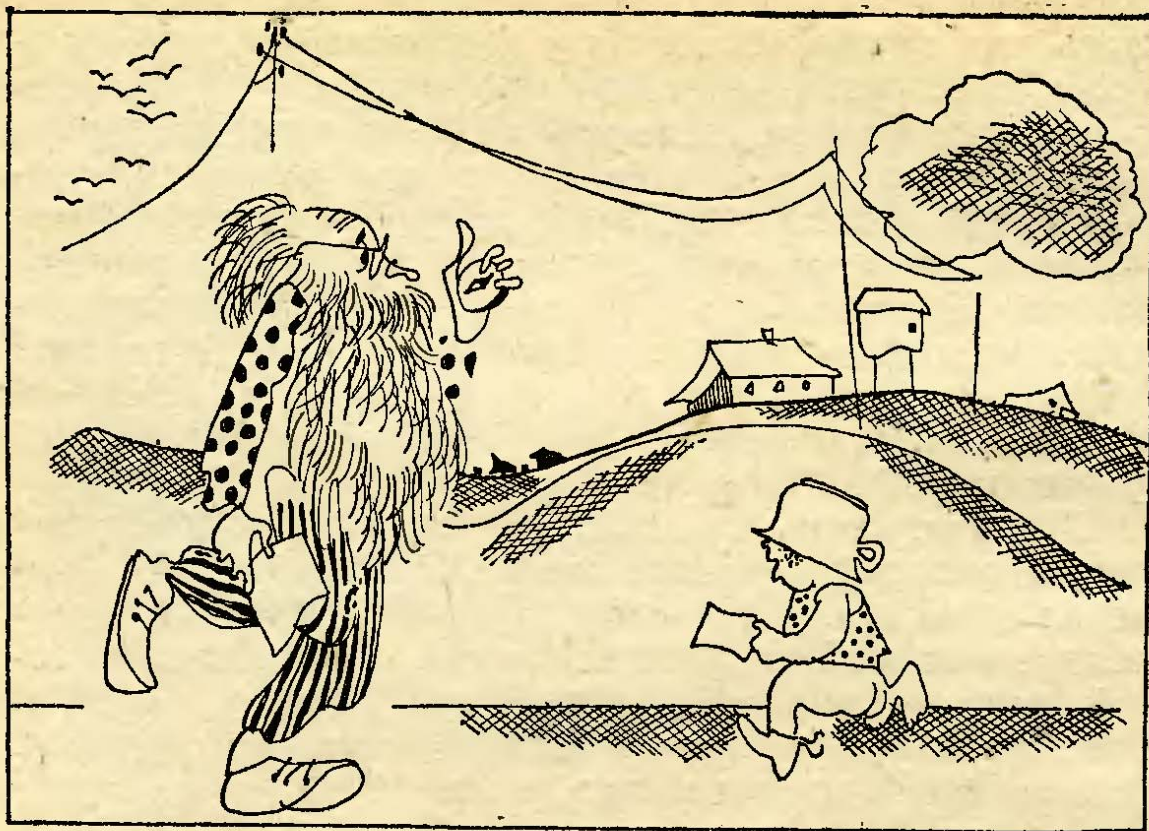
Возможно, некоторым читателям общие указания на чрезвычайные оздоровительные качества ориентирования покажутся неубедительными. Для подкрепления своих высказываний приведу два факта — прямого и косвенного сравнения ориентирования по благотворному влиянию на организм с другими видами спорта. Эти факты опубликованы в нашей печати, однако полезно здесь их повторить.

В 1970 году шведские физиологи, применив специальную аппаратуру и методы контроля готовности человека к высоким физическим нагрузкам, проверили ведущих представителей (членов сборной страны) ряда видов спорта. На первом месте по критерию работоспособности (а она связывалась в том тесте со способностью организма усваивать кислород в период нагрузки) оказались ориентировщики и лишь затем — легкоатлеты (марафонцы) и лыжники.

Еще один факт. В том же 1970 году первенство Скандинавских стран в классическом марафоне выиграл спортсмен, впервые выступивший в легкоатлетических соревнованиях, — шведский ориентировщик У. Хоканссон (кстати, далеко не самый сильный ориентировщик среди шведов, его лучший результат — шестнадцатое место на первенстве своей страны). А ведь в том марафоне участвовало много очень сильных стайеров.

Третье достоинство ориентирования заключается в том, что *в соревнованиях в беге с картой и компасом на*

равных и на серьезном уровне (в первенстве страны, чемпионате мира) могут соперничать спортсмены широкого возрастного диапазона — от 20 до 40, пожалуй, даже до 50 лет. Конечно, у ориентирования здесь есть конкуренты. Прежде всего стендовая стрельба, парусный и, безусловно, конный спорт (выездка). Но они далеко не массовые. Если же сопоставить с ориентированием только массовые виды (например, плавание или легкую атлетику), то станет ясно, что возрастной диапазон ориентирования существенно шире, чем у большинства других видов спорта.

Возраст и спорт — вопрос сложный и важный для спорта и для человеческого общества вообще. Дальше я остановлюсь на нем специально, а сейчас лишь замечу, что грустно бывает, когда прочтешь, как спортсмен в юношеском возрасте вдруг заявляет, что он устал и бросает спорт. Как было, например, с неоднократной рекордсменкой мира и олимпийской чемпионкой американской пловчихой Д. Майер, оставившей большой (и, видимо, всякий) спорт в... 19 лет.

Наконец, четвертое, основное, достоинство ориентирования. Благодаря своим особенностям оно может лучше, чем какой-либо другой вид спорта, *коренным образом ре-*

шить проблему привлечения к физической культуре людей всех возрастов — школьников и молодежи; взрослых и пожилых. Важное достоинство ориентирования и важная проблема сама по себе, потому что она является порождением нашего века, века электрификации, автоматизации и всяких прочих достижений земной цивилизации, которые, предоставляя человеку массу удобств, коварно заставляют его «по собственному желанию» лишать себя одного из главных удовольствий — быть в движении. Испытывать «мышечную радость», как сказал великий физиолог И. П. Павлов.

Конечно, цивилизация наряду с «ядом малоподвижности», который появился как побочный продукт стремления облегчить труд человека, вырабатывает и противоядие — методы и средства лечения различных болезней, вызванных малоподвижностью. Но эти методы и средства направлены на следствие, а не на причину. В то же время всем очевидно, что можно добиться значительно большего успеха в физическом оздоровлении человечества, если воздействовать на саму причину — заставить человека двигаться. Целеустремленно двигаться.

Такие усилия в нашей стране предпринимаются, но, к сожалению, лишь время от времени и приобретают форму кампаний, например кампания «Ветераны на старт», прошумевшая несколько лет назад в печати. Начинание, как и его лозунг, было хорошим, но не получило необходимого размаха и, главное, устойчивого продолжения. По ряду причин.

Прежде всего сам спорт, в современном понимании которого большая роль отводится такому фактору, как престиж (общества, города и т. п.), объективно не очень рад был возвращению в строй спортсменов, которые уже не могут (во всяком случае, в массовом масштабе) приумножить спортивную славу коллектива. А ветеранам подавай организаторов занятий, спортивный инвентарь, место в спортивном зале, время на спортплощадке, которых не хватает для хлынувшей в спорт молодежи, значительно более перспективной с точки зрения спортивной чести города, общества и т. п.

Не очень рвутся «назад в спорт» и ветераны, которые хотели бы соревноваться вновь лишь в равных условиях, т. е. среди ветеранов, а продуманной широкой системы возрастных групп и командного зачета, которая бы удов-

летворила и ветеранов и к чему-то обязывала руководителей спорта, создано не было.

Есть в движении «Ветераны на старт» и еще одно тормозящее обстоятельство, уже психологического свойства. Оно состоит в нежелании ветеранов, сознающих свою физическую ущербность в сравнении с молодыми, выставлять себя напоказ зрителю в спортивном зале, на беговой дорожке, на спортплощадке.

Впрочем, не все так уж безрадостно в спортивном движении ветеранов. Есть и приятные сдвиги. Например, в легкой атлетике, где все чаще, особенно на кроссовых дистанциях, проводятся забеги ветеранов. Даже по нескольким возрастным группам. Появилась у них и большая цель — добиться права участия в финале кросса на приз газеты «Правда». Проводятся крупные соревнования в группе ветеранов и в лыжных гонках, например на первенстве Москвы или на «Празднике Севера».

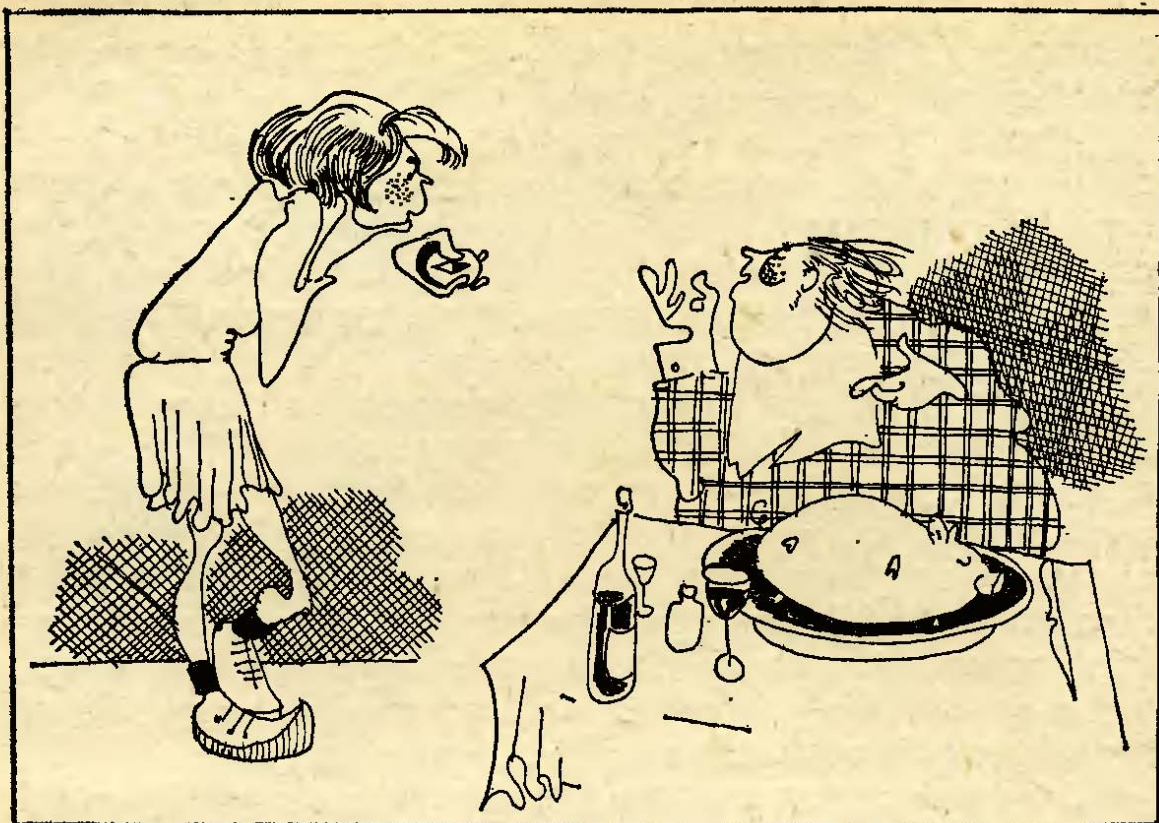
Сильным средством вовлечения трудящихся нашей страны в занятие физкультурой и спортом является новый комплекс ГТО. В числе пяти ступеней одна прямо относится к людям, отпраздновавшим свой сорокалетний юбилей. Тренируясь к сдаче разнообразных нормативов этой ступени и затем пытаюсь сдать свои «спортивные экзамены», т. е. по существу выступая в соревнованиях, миллионы людей получают теперь возможность еще долго поддерживать свой «физический потенциал».

В последние годы движение «Ветераны на старт» приобрело новую форму, которая уже удачнее разрешила большинство трудных вопросов, связанных с вовлечением бывших спортсменов и вообще всех людей, не находящихся в себе исключительных спортивных наклонностей, в систематическое занятие физкультурой. Речь идет о беге трусцой. О доступной всем форме оздоровительной деятельности, достаточно аргументированной с научной точки зрения и оснащенной такими привлекательными лозунгами, как «бег ради жизни» или «бегом от инфаркта».

Судя по увеличению числа бегущих трусцой по улицам и скверам наших городов, оздоровительный бег добился серьезных успехов в «овладении массами».

Все же и у этой формы оздоровительной деятельности есть «ахиллесова пята», препятствующая ее широкому распространению. Причина кроется в ... самом беге

трусой. Да, он действительно полезен, но... не увлекает. Нет-нет да и проскакивают высказывания, подтверждающие, что бег кажется скучным не зря. Например, такое: «Скажу откровенно, не всегда сам процесс бега, как утверждают и пишут многие, является удовольствием». Или: «Днем бежать тяжелее — один товарищ написал мне, что уснул во время бега. Верю ему, бегая монотонно свыше часа, я сам чуть не уснул однажды» («Советский спорт» от 5 сентября 1971 года. Из писем читателей).

Полезное средство — оздоровительный бег, но плохо, если некоторые прибегают к нему через насилие над собой, руководствуясь лишь принципом — «надо!». В этом смысле бег трусой можно сравнить с неким диетическим блюдом: все знают, что оно полезно, но многие, не задумываясь о последствиях, предпочитают то, что повкуснее. Разумеется, те, кто своим пристрастием к острой пище уже заработал язву желудка, яростно соблюдают диету, но разве главный смысл оздоровительного бега в том, чтобы дать возможность небольшому числу людей убежать от приближающегося к ним инфаркта? Конечно, нет, он прежде всего в том, чтобы позволить всем осталь-

ным, которых подавляющее большинство, никогда не знают сердечно-сосудистых заболеваний.

Иными словами, не надо делать ставку на исключительную заботу людей о собственном здоровье (в этом отношении они поразительно легкомысленны и неэгоистичны); нужно придумать им физическое занятие, которое было бы «вкусным» и полезным.

Читатель, конечно, догадывается, что таким блюдом автор считает спортивное ориентирование.

Дело в том, что ориентирование не только бег, но и захватывающая игра. С интригующим сюжетом и неясным исходом. Как всякая игра, оно непрерывно ставит перед участниками конкретные цели — непосредственные, живые и поэтому сильнее трогающие, чем просто забота о собственном здоровье. А эта последняя (в конце концов, наиболее важная цель) всегда достигается попутно.

Для иллюстрации особой занимательности спортивного ориентирования можно было бы рассказать немало забавных историй, происшедших на наших трассах. Я ограничусь лишь тем, что напомним читателю одно из процитированных мною писем в «Советский спорт» и попрошу его попытаться представить ориентировщика, даже на тренировке, несущегося по лесу с картой в руках и засыпающего на бегу...

Увлечательность и разнообразие доставляемых спортсменам увлечений — главное преимущество бега с картой и компасом (можно и трусцой, но обязательно с картой и компасом) перед монотонным оздоровительным бегом, но не единственное.

Бег всегда проходит среди природы, вдали от городского транспорта и промышленных предприятий. Поскольку вблизи нет «прохожих», нет нужды опасаться насмешек. «Интимность» спортивного ориентирования — немалое преимущество его перед любыми другими формами благородного движения «Ветераны на старт». Только скрывшись в лесу, ветераны смогут забыть о своей физической неполноценности и попытаться противостоять молодым в честной борьбе.

Подводя итог сказанному, я напомним те основные черты, которые выделяют спортивное ориентирование из числа других массовых видов спорта и которые призваны обеспечить ему особую роль:

1. Созвучное современности гармоничное сочетание физического и умственного начал в одном виде спорта.

2. Умеренная дозировка (вызванная сущностью самого этого спорта) физической нагрузки и благоприятная среда (по насыщенности кислородом и эмоциональности), в которой проходят соревнования с картой и компасом.

3. Широкий возрастной диапазон: каждому приверженцу ориентирования обеспечена большая продолжительность полноценной спортивной жизни.

4. Серьезное средство повышения интереса к занятию спортом и к оздоровительной деятельности у молодежи, у людей, не склонных к публичным выступлениям, а также у ветеранов спорта и вообще у всех людей среднего и пожилого возраста.

Ниже я расскажу о разнообразных дополнительных достоинствах спортивного ориентирования, но вначале остановлюсь более обстоятельно на важной проблеме «возраст и спорт» применительно к ориентированию.

ЕЩЕ РАЗ О ВОЗРАСТЕ

Спортивное состязание — праздник молодости. Молодым, сильным и стройным, бесстрашным и красивым отдают свои сердца болельщики. Однако в последние годы в симпатиях любителей спорта происходит заметный сдвиг — теперь их восхищают также и спортсмены, побеждающие не только соперников, но и себя. Свой возраст. Это и понятно: в спорте многие видят уже не только способ самовыражения и демонстрации своих способностей, но и возможность продлить юность, «забыть» про надвигающиеся годы увядания. Поэтому им так близки и дороги вдохновляющие примеры.

Их было немало, великих долгожителей спорта: советские спортсмены, вратарь Лев Яшин и конькобежец Евгений Гришин, алжирский бегун Алэн Мимун, финский лыжник Вейкко Хакулинен. И добрый десяток других. Немало, но и не очень много, если разделить их число на количество видов спорта. Получится всего по одному или по два на каждый вид, возвышающихся, как пики, среди, в общем-то, низких гор.

В ориентировании же высокие результаты ветеранов скорее правило, чем исключение.

Немного статистики, а также средних данных, наиболее показательных для общей характеристики возрастной картины.

В 1970 году на зимних всесоюзных соревнованиях в Горьком победу в мужской эстафете одержала команда москвичей, средний возраст которой был 36 лет.

В летнем первенстве страны по ориентированию 1971 года в группе А, где стартовали, по существу, лишь мастера спорта и кандидаты в мастера, мужчин в возрасте от 26 до 40 лет было почти две трети участников (41 человек), а женщин от 26 до 35 лет — больше половины (26 человек).

В 1972 году на Первых международных соревнованиях по лыжному ориентированию среди женских команд победили спортсменки Финляндии, причем на каждую из трех финнок «приходилось» в среднем по 36 лет.

Приведенные цифры говорят о том, что и не очень молодые спортсмены в ориентировании имеют серьезные шансы на успех. Они свидетельствуют также о том возрастном диапазоне, в котором у ориентировщиков наступает настоящая зрелость, когда они претендуют на высшие достижения. Но эти цифры, например возрастной состав участников летнего первенства страны в 1971 году, вовсе не отражают возрастного состава вообще всех занимающихся ориентированием. Ориентировщики в большинстве своем очень молодые люди: думаю, что средний возраст тех, кто более или менее регулярно участвует в соревнованиях в беге с картой и компасом, примерно 21—23 года. И это не считая школьников, приток которых в ориентирование в последние годы резко увеличился. Дальше я остановлюсь на роли и месте молодых и самых молодых в нашем виде спорта, а сейчас все же вернусь к ветеранам.

Выше были названы средние цифры, иллюстрирующие «долгожительство» спортсменов в ориентировании, а теперь три конкретных примера.

Бертиль Норман. Этот шведский спортсмен стал известен советским ориентировщикам с 1966 года, когда он в составе команды своей страны получил титул чемпиона в эстафете на первом мировом первенстве в Финляндии. Он бежал первый этап и показал второй результат, проиграв финну Кохвакка всего одну секунду. В 1970 году он победил в больших международных соревнованиях в

Швеции, собравших опытных ориентировщиков (в числе их были чемпион мира 1968 года К. Юханссон и чемпион мира 1966 года О. Хадлер). Тогда ему шел 41-й год.

Советским спортсменам, думаю, полезно будет узнать некоторые подробности об этом шведском ориентировщике, которого в Швеции называют Мистер Ориентирование. Добился он такого высокого титула не столько умением долго держаться на вершинах спорта, сколько суммой высоких результатов, которую набрал за годы своих выступлений.

Б. Норман родился в 1929 году. Ориентированием начал заниматься с 1943 года. В течение ряда лет выступал также в соревнованиях по лыжам и в велосипедных гонках. В 1947 году 18-летний спортсмен стал чемпионом Швеции среди ориентировщиков-юниоров. Интересно, что конкурентов у него было ровно 400 (и это в 1947 году!).

Первая, еще юношеская, победа определила спортивную судьбу Нормана. Дальнейшие годы стали годами овладения тонкостями ориентирования. Результаты были нестабильными. Норман так определяет причину этого: «Плохие карты, которые имелись в нашей стране, были трудны для понимания, что потребовало от меня длительного времени, прежде чем я приобрел соответствующую технику».

В 1952 году (какая далекая история — в ту пору в нашей стране только начинались соревнования по туристскому ориентированию, а до официального рождения спортивного надо было ждать еще десять лет!) Норман впервые стал чемпионом Швеции среди взрослых в эстафете и открыл список своих высших результатов. Вот «выжимки» из этого списка за период с 1952 по 1970 год.

Личные первенства Швеции (дневные и ночные) — 4 раза чемпион (в последний раз в 1969 году) и 6 раз призер.

Эстафеты на первенство Швеции. Команда, за которую выступал Норман, четырежды побеждала, а остальные годы почти всегда была в числе призеров.

Крупные международные соревнования — три личные победы и еще дважды в призовой тройке.

Первенство Европы 1964 года — второе место в личных соревнованиях.

Первенство мира 1966 года — чемпион в эстафете.

Б. Норман живет в небольшом городке Хедемора, находящемся в средней Швеции, недалеко от известного

всем лыжникам Фалуна. Тренируется по вечерам, после работы (по профессии он — воспитатель в школе, где обучаются дети 7—10 лет). Тренировки его в зимний (подготовительный) и весенне-летне-осенний (соревновательный) периоды существенно различаются.

Зимой Норман тренируется обычно 4—5 раз в неделю, используя в основном интервальный метод тренировки, пробегая в высоком темпе в сумме до 40—60 минут (вся тренировка с разминкой, с паузами между пробежками и заключительной частью, естественно, занимает более двух часов). Бегаёт прямо по снегу, избегая скользких и твердых дорог. Цель зимних тренировок — получить высокую физическую форму, развить гибкость и чувство равновесия на неровном грунте. В последние годы в зимние тренировки Норман стал включать бег на лыжах. Интересно, что, «реализуя» свою лыжную подготовку, Норман 5 раз выступал в знаменитой шведской гонке «Ваза-Лоппет» на 85 км и занимал такие места: 216, 160, 113, 120, 121-е. Очень высокие результаты для неспециалиста-лыжника, особенно если учесть, что в гонке участвуют обычно 6000—8000 человек и около 150 из них представляют лыжную элиту. Безусловно, Норману помогает в сверхдлинной лыжной гонке необычайно высокий уровень физической готовности, который он поддерживает в течение всего года.

В соревновательный период (весна, лето, осень) тренировки Нормана проходят практически ежедневно, но в это время они заметно меньше по нагрузкам. Основное внимание обращено на технику ориентирования: бег с компасом, чтение карты, счет шагов, технику бега в различной местности. В свои летние тренировки Норман включает также корректировку карт и постановку трасс для соревнований.

Много времени уделяет он и «домашним тренировкам» — изучению и анализу карт прошедших соревнований и карт вообще. «Дни, когда я не брал в руки карту и не изучал ее, — пишет Норман, — легко сосчитать».

Норман ведет большую общественную работу по ориентированию: он председатель секции в спортклубе своего города, а также тренер-консультант сборной страны.

В семье Нормана все ориентировщики — и жена, и школьники сын и дочь.

Второй из ориентировщиков, неподвластных возрасту,

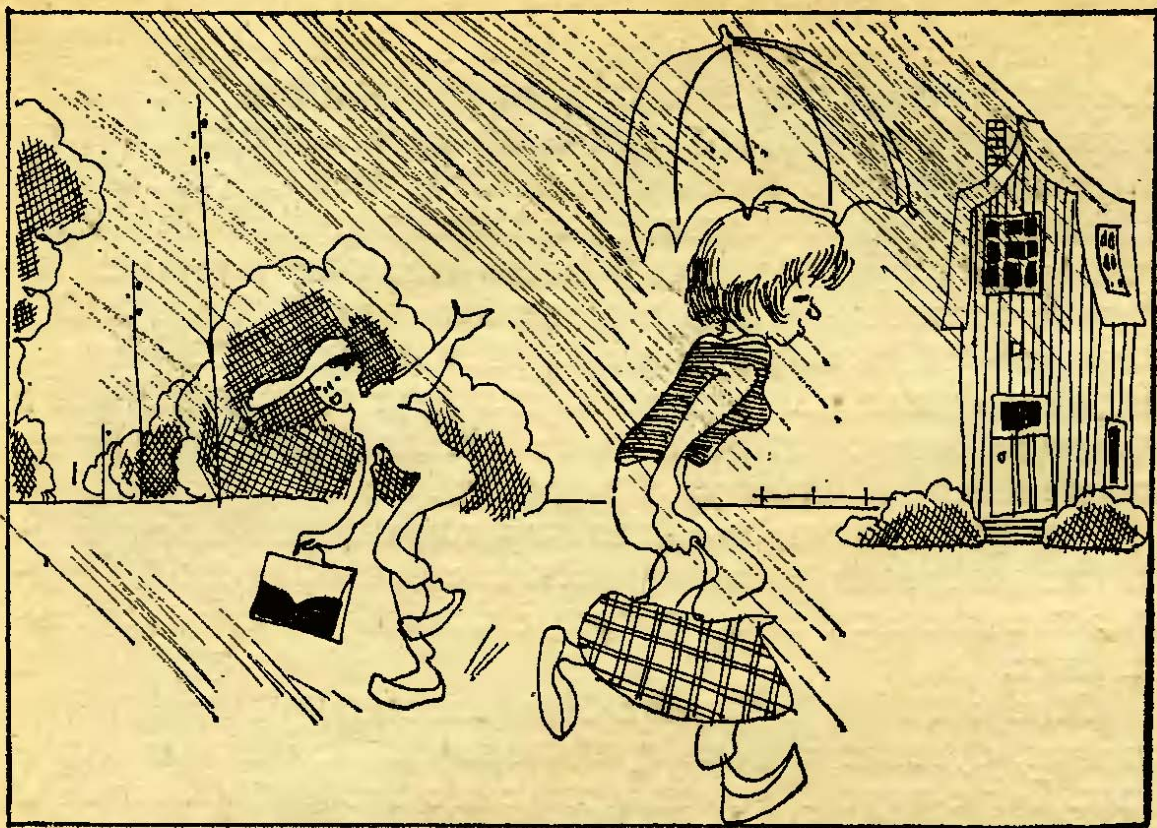

о котором я хочу рассказать, — Василий Бурцев. Советский ориентировщик. Подполковник. Кандидат технических наук. Родился он в 1928 году, а впервые взял в руки спортивный компас лишь в 1967 году. В возрасте 40 лет в составе сборной команды Московской области впервые выступал на зимнем первенстве страны по ориентированию. Результат его там был невысок — пятнадцатый в личных соревнованиях, но в последующие годы на всесоюзных соревнованиях по ориентированию на лыжах Бурцев неуклонно идет вверх: 1969 год — пятое место, 1970 год — второе место, 1972 год — третье место. В 1971 году становится победителем открытого первенства Москвы, а в 1972 году выигрывает чемпионат столицы.

Достижения Бурцева не так многочисленны и внушительны, как успехи его ровесника Нормана, но ведь и начал он их «копить» на 25 лет позже. Правда, в спорт вообще Бурцев пришел, видимо, одновременно со шведским ориентировщиком, однако в молодости занимался другими видами — лыжами, легкой атлетикой. Не имея достаточно времени для спорта (учеба в училище, военной академии, аспирантуре), он в отличие от Нормана не утолил в молодости жажду борьбы и побед и теперь, чуть освободившись, наверстывает.

Ирья Ниймела. Фамилия этой финской ориентировщицы привлекла внимание участников крупных международных соревнований по лыжному ориентированию, которые состоялись в Болгарии в марте 1972 года, прежде всего тем, что в заявочном листе рядом с ее фамилией стоял год рождения 1927-й. Все оценили упорство и сильный характер почти 45-летней спортсменки, но шансы ее на высокое место считались небольшими. Особенно в условиях высокогорья — ведь трассы в Болгарии были проложены на высотах 1600—1700 м. Однако на следующий день в тяжелейших погодных условиях (во время соревнований непрерывно валил мокрый снег) Ниймела заняла четвертое место, проиграв бронзовой призерке всего несколько секунд! Интересно, что трем призеркам этого соревнования, выигравшим у Ниймела, было от 24 до 27 лет — любая из них могла быть по возрасту ее дочерью. При этом соревнования были не из тех, в которых можно, не имея хорошей физической подготовки, взять опытом и хитростью. Просто Ниймела, как и ее соперницы, по-настоящему молода. Не по формальному признаку — возрасту, а

по своим возможностям. Нет никакого сомнения, что возраст ее, подобно волшебному эликсиру, «задержали» многолетние занятия ориентированием, связанные с умеренными нагрузками на чистом лесном воздухе.

Первый раз в соревнованиях с картой и компасом Ниймела стартовала в 1940 году. Была 5 раз чемпионкой Финляндии — в начале 50-х годов. Затем наступил продолжительный перерыв в занятиях спортом в связи с замужеством и рождением детей. Но она вернулась в спорт, с успехом продолжает им заниматься. В 1972 году И. Ниймела была включена в сборную Финляндии потому, что на первенстве своей страны заняла второе место, проиграв лишь Синике Кукконен, которая и в Болгарии, став победительницей соревнования, оказалась единственной выигравшей у нее соотечественницей.

Ниймела живет в пригороде Хельсинки и работает учительницей в школе. Тренируется в течение всего года 7(!) раз в неделю — это уже, по существу, не тренировка, а часть повседневной жизни, физически активная ее часть. Ну и, конечно, в семье Ниймела все ориентировщики — и ее муж, работник финской федерации ориентирования, и трое сыновей.

В заключение своего рассказа о трех выдающихся ориентировщиках-ветеранах я хочу обратить внимание читателя на то, что все они — активные пропагандисты ориентирования в своих семьях. Все очень просто и естественно. Семья выезжает в выходные дни на «лоно природы» отдохнуть. А почему бы им еще и не получить активное развлечение в виде соревнования в беге с картой и компасом? Каждый в своей возрастной группе. А можно, если есть силы, посоревноваться и друг с другом. Мать с дочерью, отец с сыном. В таких семьях общие увлечения, одни интересы, и потому это крепкие семьи.

Теперь, отдав по старшинству должное стойкости именитых ветеранов, выскажу несколько соображений о взаимоотношениях нашего спорта с молодыми его поклонниками.

Мне кажется, что в еще большей степени, чем для пожилых, ориентирование предназначено для самых молодых. Бег с картой и компасом с его неожиданностями и разнообразием, — увлекательная игра. Я очень люблю легкую атлетику и лыжные гонки, которым посвятил юность, но должен признать, что трудно найти двенадцатилетних мальчишек, которые бы день ото дня (пусть даже вперемежку с играми в мяч) с энтузиазмом набегали на дорожке стадиона свои «20 раз по 100 м», «10 раз по 400 м» ... Или в течение часа с палками в руках имитировали летом бег на лыжах.

Что может заставить еще не сформировавшегося, бесхарактерного человека делать все это систематически и с увлечением? Видимо, либо непомерное честолюбие, либо исключительный авторитет тренера. Но можно ли рассчитывать на то и другое в применении к миллионам детей?

Заставлять детей заниматься спортивным ориентированием нет необходимости, надо лишь чуть научить их и создать условия (поставить трассу). Недаром в Скандинавских странах этот вид спорта развит среди детей необычайно широко. В Финляндии, например, спортивное ориентирование (подчеркиваю, спортивное, а не обычное, на уровне туризма) в виде обязательного предмета, равноправного с такими, как математика, история, биология, введено в школьные программы.

Кроме внешней занимательности спортивное ориентирование привлекательно для подростков и чрезвычайной демократичностью. В нем не происходит такого резкого

и быстрого расслоения занимающихся на «одаренных» и «бесперспективных», как во многих других видах спорта. Здесь дети чувствуют себя равноправнее и увереннее, так как шансы показать высокий результат среди ровесников есть у всех, и эти шансы время от времени реализуются. Такое свойство ориентирования очень важно в психологическом смысле: уже в детстве у человека появляется чувство своей полноценности. Кроме того, оно может существенно сбалансировать всю систему школьного спорта. Дело тут связано с ранней спортивной специализацией детей.

Этот вопрос уже поднимался в нашей печати. Так, газета «Комсомольская правда» в статье «Слишком стар в 15 лет?» (от 8 января 1971 года) выражала тревогу по поводу того, что детей, выбывших в результате жесткого отбора (нужны только потенциальные рекордсмены и чемпионы) из разных секций — хоккея, гимнастики, самбо, акробатики, фигурного катания и др., — уже в старших классах школы, по существу, никуда (а именно в другие спортивные секции) не принимают, и они «болтаются во дворе». Не знаю, может быть, такая жестокость по отношению к не успевшим вовремя проявить способности в избранном виде спорта и неизбежна, но могу сказать лишь одно — ориентирование примет всех так называемых неодаренных. «Спортплощадок» и «стадионов» (т. е. лесов) для них достаточно. А у нас все они могут «выйти в люди». Я, например, не представляю физически здоровых юношу или девушку бесперспективными в спортивном ориентировании. При достаточной любви к спорту и трудолюбию у каждого может «прорезаться» талант ориентировщика. Даже через пять, через десять лет занятий этим видом спорта.

Однако спортивное ориентирование в состоянии привлечь к себе и одаренных физически детей, которые в сравнительно короткие сроки могут достичь больших высот и успешно конкурировать со взрослыми. Ведь наблюдающееся сейчас преобладание в рядах сильнейших ориентировщиков страны людей старше 26 лет — явление временное. Вызвано оно молодостью в нашей стране самого ориентирования, для достижения успехов в котором главное не возраст, а спортивный стаж.

В Скандинавских странах, где в этом спорте уже есть традиции и проводятся серьезные наблюдения за его раз-

витиём, считается, что для того чтобы претендовать на высокие достижения, ориентировщику требуется в среднем семилетний опыт регулярного участия в соревнованиях. Нетрудно подсчитать, что, начиная заниматься ориентированием в 11—12 лет (выступая сперва, естественно, на коротких и простых трассах), к 20 годам спортсмены могут стать зрелыми мастерами, как, например, норвежец О. Хадлер, который выиграл первенство мира в 22 года.

В нашей стране средний спортивный стаж молодых (в возрасте от 20 до 25 лет), видимо, всего 2—3 года. А у ориентировщиков постарше — несколько больше (у всех победителей крупных соревнований он обычно не менее 7 лет). Кроме того, немолодым помогает общий спортивный опыт (как правило, все великовозрастные ориентировщики в юности занимались другими видами спорта) и просто жизненный опыт, который, как известно, приучает к систематичности и упорству при стремлении к какой-либо цели.

Но наиболее одаренные ориентировщики нередко добиваются серьезных успехов в ранней молодости, не закончив еще своей семилетней стажировки. Назову несколько имен.

Эстонский спортсмен А. Кивикас. В 17 лет он стал третьим призером всесоюзных отборочных соревнований, в которых участвовали все сильнейшие ориентировщики страны.

Москвичка Т. Калашникова. В 20 лет выиграла личное первенство столицы, не имея и года стажа в ориентировании.

Рижанин В. Киселев. В возрасте 21 года уверенно «ворвался» в группу ведущих ориентировщиков страны и с тех пор играет в ней только главные роли.

Можно привести еще много имен спортсменов, которым лишь недавно исполнилось 20 лет, но чьи успехи уже известны всем ориентировщикам страны. Их, «молодых, да ранних», значительно больше, чем несдающихся ветеранов. И неудивительно: даже в ориентировании молодость имеет преимущества. Но важен не результат спора молодых с ветеранами, а сам факт, что спор ведется на равных. Согласитесь, что это яркая характеристика спорта, когда на пьедестале почета рядом стоят «отцы» и «дети». Вот примеры.

Всесоюзные зимние соревнования в Казани 1971 года: победитель — 42 года, второй призер — 33 года, третий — 18 лет.

Всесоюзные зимние соревнования в Туле 1972 года: победитель — 22 года, второй призер — 27 лет, третий — 44 года.

И никакой нет беды в том, что в ориентировании перемешиваются все возрасты и спортивная конкуренция становится острее. В главном, в продлении молодости и в утолении жажды борьбы, никто никому не мешает. Напротив, соперничество, одухотворенное дерзостью молодости и мудростью опыта, становится содержательнее.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДОСТОИНСТВА

Вы задумывались когда-либо над тем, сколько стоит каждый вид спорта? Во что обходится час или год занятий им одного человека? Какой из видов спорта дороже, а какой дешевле?

Все знают, что самый дорогой вид спорта (во всяком случае, из числа олимпийских) — бобслей. Известны внушительные цифры — только одна ледовая трасса в Саппоро стоила 1,5 миллиона долларов, а участвовали в соревнованиях человек сто. Самые же дешевые, наверное, шашки. Один раз истратив рубль на двоих, можно играть много лет. Играть, а также анализировать партии и решать шашечные задачи. Если рассматривать указанные виды (бобслей и шашки) в качестве двух крайних точек на некоторой условной «шкале стоимости» разных видов спорта, то спортивное ориентирование по этой шкале займет место где-то вблизи шашек. Правее (т. е. дороже) ориентирования будут почти все другие виды спорта — городки, лыжи, легкая атлетика (надо строить залы и специальные стадионы), велосипед, гимнастика, тяжелая атлетика. Еще правее — горные лыжи и коньки (искусственный лед).

Небольшая стоимость ориентирования вполне понятна — много ли нужно ориентировщику? Надежный жидкостный компас да плохонькая одежда, которую не жаль рвать по кустам. И легкая крепкая обувь. Всего на 20—25 рублей. Главное то, что «спортплощадка» всегда готова — участок местности. Правда, ее карту, отснятую топографами, нередко приходится уточнять, поскольку со временем появляются новые дороги, лесные посадки, вырубки. Кроме того, в ориентировании требования к насы-

ценности карты весьма высокие. Затем надо сделать фотоотпечаток карты. Но все это в пересчете на одного участника — мелочи. Особенно при массовом развитии ориентирования, когда затраты на одного участника составляют 30—40 рублей в год (т. е. примерно по 3 рубля в месяц). Не такая уж высокая плата за здоровье и удовольствие.

Все эти ориентировочные цифры — для высоких разрядов. Для новичков же и третьеразрядников, когда и компас может быть похуже и карта, уже использовавшаяся в других соревнованиях, годовые затраты сократятся, наверное, вдвое.

Нет, пожалуй, среди подвижных (а не сидячих, как шашки и шахматы) массовых видов спорта другого, такого же дешевого и доступного. Таково первое дополнительное достоинство ориентирования.

Очень ценное качество его — возможность проведения соревнований в беге с картой и компасом практически во всех странах земного шара.

Действительно, представления о возможных районах распространения спортивного ориентирования обычно связываются с наличием в таких районах леса. Недаром его часто называют лесным спортом. Однако в последние годы выяснилось, что бег с картой и компасом как вид спорта может развиваться и в безлесных районах, а также в районах, которые никак не отнесешь к поясу умеренного климата. Например, в Африке, в таких странах, как Камерун, Уганда, Алжир, где теперь проводятся соревнования по ориентированию. В нашей стране быстрее, чем в лесах Архангельской области, ориентирование развивается, как уже говорилось, в плавнях и полупустынях вблизи Астрахани, где вместо леса лишь фруктовые сады да колючие кусты по берегам бесчисленных рукавов Волги.

Оказалось, что для соревнований по ориентированию не так нужен лес, как просто местность с большим количеством ориентиров. И лучше, если они отражают рельеф местности — складки, бугорки, впадины, овражки и т. п. А таких мест очень много. И если они слишком открыты, то соревнования в ориентировании можно проводить на маркированной трассе. Или ночные. Или в заданном направлении, но с увеличенным стартовым интервалом. Когда переберешь все мыслимые варианты сорев-

нований с картой и компасом, то приходишь к выводу, что их можно организовать практически на всем земном шаре. В любой стране. И в этом смысле ориентирование универсальнее, например, многих зимних видов спорта.

И вот еще что важно: соревнования по ориентированию можно проводить совсем рядом с большими городами и даже в городских парках. Так, в Москве уже несколько лет устраиваются соревнования на приз телевидения, год от года привлекающие все больше участников. В 1970 году, например, когда в Измайловском парке столицы состоялись первые такие соревнования, в них выступили 200 человек, в 1971 году на Ленинских горах — 400, а в 1972 году в Сокольническом парке — уже около 1000.

Несколько лет назад я написал статью для журнала «Турист», в которой поделился с читателем мыслью о таком недостатке нашего спорта, как его незрелищность. Озабоченный проблемой дальнейшего распространения ориентирования, я тогда писал, что незрелищность — одна из причин того, что об ориентировании знает мало людей. Мне казалось, что, используя достижения науки и техники, наши спрятанные в лесах соревнования можно будет когда-нибудь демонстрировать широкому зрителю. Я описывал, как нечто уже существующее, огромный экран с изображенной на нем цветной картой соревнований, по которой со скоростью, соответствующей истинному передвижению спортсменов на местности, ползут и петляют разноцветные огоньки — принимаемые и непрерывно «накладываемые» на эту карту радиосигналы от миниатюрных передатчиков всех участников. И тысячи зрителей видят, какой путь выбирает каждый спортсмен между КП и как он рыщет в поисках контрольного пункта. Видят и переживают...

Теперь я более сдержан в таких мечтаниях. И не потому, что все это нереально: для подобной демонстрации соревнований по ориентированию уже сейчас нет принципиальных трудностей, есть лишь (и то небольшие) трудности технические. Просто думаю о том, что такая демонстрация нам не нужна. Незрелищность — огромное достоинство ориентирования, и надо надеяться, что оно нескоро будет его лишено.

Модернизированная таким техническим средством, как телевидение, зрелищность уже сейчас разъедает, как ржавчина, многие виды спорта, и прежде всего его «коро-

леву» — легкую атлетику. Миллионы людей, прильнув к мягким креслам, получают такие же мягкие и удобные ощущения «якобы бега», «якобы прыжка». И это вместо того чтобы прийти на стадион и, окунувшись в атмосферу непосредственной борьбы, самому попробовать противостоять времени, расстоянию, силам земного притяжения. Какое счастье, что соревнования в беге с картой и компасом нельзя смотреть по телевизору! Никаких эрзац-ощущений и якобы-действий, только непосредственное участие в самом соревновании может передать человеку весь комплекс переживаний.

Это достоинство ориентирования особенно эффективно может быть использовано для того, чтобы по выходным дням и каникулам оттаскивать от телевизора школьников. И пусть незрелищность нашего спорта лишает его такого источника массовой информации, как телевизор, зато она обеспечивает ему не сидячую армию болельщиков, а устойчивые ряды активных приверженцев.

Обычно тысячи горожан в выходные дни и по праздникам устремляются в пригороды, на природу. Прекрасное средство удовлетворения такого стремления — личный автомобиль. Благодаря ему природа становится для многих доступнее. Появляется и проблема — как интереснее и полезнее для здоровья провести на природе выходной день? У каждого человека есть свои вкусы и привычки, но потребность в активных движениях, желание сбросить лишний «жирок» многих приведут на старт соревнований в беге с картой и компасом. Мне кажется, именно благодаря широкому распространению личного автомобиля в Швеции, одной из наиболее благополучных (в силу ряда исторических условий) стран мира, ориентирование получило необычайное развитие. Там, например, ежегодно проводятся пятидневные соревнования, которые по массовости уже превзошли даже знаменитую лыжную гонку «Ваза-Лоппет»: в 1972 году в них приняли участие около 9000 человек (естественно, не на одной трассе — по возрасту и квалификации все участники были разделены на 52 группы: у женщин — 14, у мужчин — 38). Разве можно было бы провести такие соревнования — каждый день пятидневки в разном месте — только с помощью общественного транспорта?

Я не сомневаюсь, что в скором времени подобные массовые соревнования будут проводиться и в нашей стране — и именно благодаря широкому распространению личного автомобиля.

Любой спорт — конкурс. Конкурс способностей. Поэтому в каждом виде спорта есть элита — группа ведущих спортсменов, выделяющихся среди других именно своими способностями. Есть элита и в ориентировании, но ее состав в отличие от других видов спорта очень широк. И кроме того, никогда нельзя утверждать, что первые пять обыграют пять последних из элиты, если, например, провести между ними командную встречу. И эта особенность ориентирования связана с тем, что в нем большое значение имеет еще один конкурс — удачливости. Конечно, соревнования в беге с картой и компасом далеко не спортлото, но все же здесь немало зависит от Фортуны. А в ориентировании она очень демократична.

Но вот вопрос: достоинство это или недостаток? Я думаю, что если бы пришлось голосовать, то, несомненно, большинство ответили бы — достоинство. Когда неизвестен победитель и даже не ясно, кто попадает в десятку, борьба приобретает глубокий смысл для многих. Тогда решают характер спортсмена, собранность, вдохновение. А что это за спорт, когда в нем кто-то резко выделяется?

Подчеркну одну тонкость — демократичность спортивного ориентирования не столько в том, что каждый может выиграть, сколько в том, что каждый, даже признанный лидер, легко может проиграть. Это очень воспитывает самокритичность и уважение к соперникам.

Убедиться в том, что затажной «абсолютизм» ориентированию не грозит, можно пролистав протоколы крупных соревнований, наших и международных. Имена там от соревнования к соревнованию перемешаны, как карты в разных колодах. Правда, если внимательно присмотреться, то можно выделить и тех, кто все время находится в верхних строчках, и тех, кто всегда внизу протокола. Средними результатами большого числа стартов и определяется в ориентировании класс спортсмена.

Говоря об умеренности физических нагрузок в ориентировании, а также о том, что оно может принять и «вы-

вести в люди» всех детей, не сумевших или не успевших в раннем возрасте проявить ярко выраженные спортивные склонности, я не хочу, чтобы у читателя, новичка в делах ориентирования, сложилось впечатление, что наш спорт «легковесен». Чем-то сродни туризму. Да, спортивное ориентирование в нашей стране и, пожалуй, вообще в мире действительно родилось в недрах туризма. Но оно взяло у туризма (под туризмом здесь и выше я понимаю лишь массовый, общедоступный туризм, а не сложные путешествия, которые являются самостоятельным видом спорта и с туризмом в обычном понимании общего имеют мало) лишь одну его, лучшую, черту — общение с природой. А все остальное, характер и форму серьезного занятия, ориентирование взяло у спорта. И прежде всего регулярность и большой объем тренировок. И частое выступление в соревнованиях. Спортивную основательность ориентирования я проиллюстрирую некоторыми цифрами и фактами.

Ориентировщики первого разряда и выше тренируются 5—7 раз в неделю. Каждая тренировка занимает не менее двух часов. Кроме того, спортсмены много работают с картами в домашних условиях.

Ежегодно ориентировщики высших разрядов участвуют в 40—50 соревнованиях (далеко не все ведущие лыжники, легкоатлеты-стайеры, а тем более марафонцы имеют столько стартов).

Физический (беговой) потенциал ведущих ориентировщиков таков. Регулярно выступает в соревнованиях по марафонскому бегу член сборной Финляндии по ориентированию М. Салминен. Причем в довольно представительных марафонах, например в Бостонском, где он занимал высокие места. И результаты в беге на 42 км 195 м Салминен показывает вполне солидные — от 2 часов 16 минут до 2 часов 24 минут.

Хорошие результаты в легкоатлетических соревнованиях на стадионах имеют и сильнейшие шведские ориентировщики (например, Гердеруд в беге на 1500 м — 3 минуты 45 секунд, Фрилен в беге на 3000 м — 8 минут 14,8 секунды).

Советский ориентировщик эстонец Я. Мильян, победитель личного первенства страны 1971 года, в том же году выиграл забег по шоссе на 10 км у сильнейших легкоатлетов Таллина.

Хочу подчеркнуть, что все ориентировщики, результаты которых я привел, над техникой «гладкого» бега, как правило, не работают, специальной подготовки к «гладким» дистанциям не проводят, а тренируются в лесу, готовясь лишь к соревнованиям по ориентированию. И названные мной результаты — попутные, т. е. показанные в контрольных и тренировочных (для ориентировщиков) забегах.

В соревнованиях же по ориентированию все они, конечно, бегут не в таком темпе; высокая беговая подготовка — тот запас, который сильнейшие ориентировщики на лесных трассах «превращают» в точное ориентирование. И это также своеобразное качество бега с картой и компасом — физическое напряжение в момент соревнования всегда ниже, чем на тренировках.

Еще одно замечательное свойство ориентирования — его творческая сущность. Разумеется, все виды спорта, в особенности игровые, требуют от спортсменов творчества и импровизации в момент соревнования. В некоторых видах, правда, значительная доля «тяжести» творчества перекладывается на плечи тренеров (например, в гимнастике, легкой атлетике, футболе). В ориентировании же, где соревнования всегда проходят на разных участках местности разных не только по своему конкретному облику, но и по характеру, число игровых ситуаций неисчислимо. В этих условиях трудно создать какие-то каноны, регламентирующие точный порядок действий во всех случаях (для спортсмена — на дистанции, для ее постановщика — при корректировке карты и планировании трассы). Закономерности в спортивном ориентировании, конечно, есть, но вскрыть их все и сформулировать просто невозможно одному-двум теоретикам. Творчество здесь принимает всеобщий характер.

Мне кажется, что именно благодаря такому свойству ориентирования спортсмен в нем, как правило, и сам себе тренер. И чем выше его класс, тем менее нужна ему постоянная посторонняя помощь — настолько индивидуально его личное восприятие процесса соревновательного ориентирования, так глубоко его интуитивное проникновение в законы этого процесса.

Творческое начало в ориентировании привлекает

большое количество людей, мыслящих серьезно, нестандартно и посвящающих свободное время тому, чтобы свое понимание ориентирования выразить в карте реальной местности, в трассе, поставленной на ней. Или в трассе, являющейся некоторым отвлеченным продуктом творчества, — в «настольных» соревнованиях по композиции дистанции.

Задумываясь над тем, какое множество творческих произведений в виде карт и трасс создано в нашей стране и в других странах, я прихожу к выводу, что спортивное ориентирование, видимо, никогда не будет таким видом спорта, в котором решающее слово произносится профессиональными работниками — тренерами, методистами. Нуждаясь и в тренерах и в методистах для упорядочения процесса своего роста, ориентирование всегда будет опираться на коллективное творчество всех спортсменов.

Это свойство ориентирования также делает его весьма демократичным видом спорта.

И, наконец, еще об одном достоинстве ориентирования. Этот вид спорта не ставит перед спортсменом проблему однозначного выбора в своих спортивных привязанностях. Совсем напротив, он может мирно сосуществовать и с боксом, и с плаванием, и с лыжами, обслуживая их как вспомогательный вид. Такая роль уготована ориентированию всем опытом развития спорта и в какой-то мере аналогична той роли, которую уже играют бег и гимнастические упражнения.

Современный спорт нуждается в резком повышении интеллектуального уровня спортсменов, воспитании в них высокой степени самостоятельности, необходимой для решения сложных, непрерывно меняющихся тактических задач. Без этого уже, видимо, не может быть сделан очередной крупный шаг в дальнейшем развитии спорта. Средством, способным внести серьезный вклад в формирование спортсмена-интеллектуала, может стать ориентирование — «умственная гимнастика», максимально приближенная к условиям соревнований во многих видах спорта с их психологической насыщенностью, высокой физической нагрузкой и с требованием уметь быстро ориентироваться в изменяющейся обстановке соревнова-

ний. Как вспомогательный вид спорта ориентирование может одновременно выполнять тренировочную роль бега и разминочных упражнений, являясь «гимнастикой мускульной». Но то лишь побочное назначение ориентирования как тренировочного средства, главное — в «гимнастике умственной».

Кроме того, в тренировочном процессе представителей разных видов спорта соревнования в беге с картой и компасом могут быть использованы для повышения волевой подготовки. В этом ориентирование может сыграть особую роль, так как оно приучает спортсмена, несмотря на неудачу в начальной части трассы, вести борьбу до самого финиша.

Использование ориентирования в качестве тренировочного средства для спортсменов других специальностей имеет еще и тот смысл, что таким образом они могут заранее подготовить себе «тылы», когда, уступая молодым, вынуждены будут оставить свой спорт. К этому времени у них будет уже новое спортивное увлечение, которое позволит на 15—20 лет продлить полноценную жизнь в спорте. И даже после того как большие победы в ориентировании станут для них нереальными, они еще долго смогут выступать в соревнованиях, утоляя жажду борьбы и испытывая переживания, к которым привыкли в юности.

В ориентировании уже много их, «бывших». Это прежде всего лыжники и легкоатлеты. Из последних к бегу с картой и компасом особенно равнодушны специалисты в стипль-чезе (наверное, потому, что наш бег — тоже с препятствиями, и нам также приходится перепрыгивать через «яму с водой»). В числе их есть и два очень именитых — чемпион Мельбурнской олимпиады англичанин К. Брэйшер и советский бегун на 3000 м с препятствиями экс-рекордсмен мира и многократный чемпион страны С. Ржищин.

Нет никакого сомнения, что в будущем число спортсменов, открывших для себя второй спортивный мир в ориентировании, резко возрастет.

В этом разделе книги я изложу ряд соображений по поводу нерешенных проблем ориентирования. Речь пойдет не об организационных «болячках» (создании секции, обеспечении снаряжением, административном статусе ориентирования и др.), а о вопросах формирования ориентирования как вида спорта.

Возможно, некоторые затронутые вопросы потребуют от читателя определенной квалификации, тем не менее я обращаюсь не только к опытным ориентировщикам, но и к начинающим. Потому что каждый человек уже с первых шагов в нашем спорте должен относиться к нему творчески. Ничего не принимая на веру, а все постигая своим умом и своим опытом. Только тогда он вправе рассчитывать на серьезные и устойчивые успехи в соревнованиях и сможет принести наибольшую пользу в развитии ориентирования.

Что же касается формирования нашего спорта, то размышлять и спорить на эту тему сейчас необходимо, так как процесс кристаллизации ориентирования еще далеко не закончен, и от того, как каждый, кто в нем активно участвует, будет трактовать ориентирование в ближайшие годы, зависит зрелое содержание нашего спорта.

А также сроки достижения этой зрелости в устремлении ориентирования к своей далекой и еще невидимой цели.

РАВНОВЕСИЕ УМА И СИЛЫ

Этот принцип, явившийся, на мой взгляд, глубинной первопричиной возникновения нашего вида спорта, в той или иной форме отражен в различных основополагающих материалах по ориентированию в нашей стране и за рубежом, а также в материалах Международной федерации ориентирования. Как исходный, принцип этот должен быть принят к исполнению, т. е. в соответствии с ним следует создавать карты и трассы, используемые в соревнованиях. Однако такое исполнение осложняется тем, что нет строгой меры соотношения умственного (под «умом» надо понимать мыслительные функции спортсмена во всем их многообразии) и физического начал нашего двуединого вида спорта. Меры универсальной, подходящей для каждого конкретного случая — конкретной местности и конкретной трассы. В таких условиях каждый начальник дистанции с помощью корректировки карты и постановки трассы, по существу, «произносит слово» в непрерывной и необъявленной дискуссии о том, как уравновесить в ориентировании начало умственное и начало физическое. Всем без ограничения предоставлена полная свобода в таких высказываниях. В связи с этим я хочу предложить читателям пример из другого спорта, который чем-то сродни ориентированию, — из биатлона.

Существует определенное расстояние до мишеней на всех рубежах, где выполняют стрельбу биатлонисты, и определенный размер мишени. Эти постоянные величины наряду с длиной лыжной трассы биатлонистов определяют требуемые соотношения между лыжной и стрелковой подготовкой спортсменов. И вдруг судьи, желая приспособиться к конкретным метеорологическим условиям (снегопад, яркое солнце и т. п.), начинают менять размеры мишеней...

Трудно представить себе подобное. Потому что в биатлоне все строго: и дистанция стрельбы, и калибр винтовок, и мишени приведены в такое соответствие друг с другом, которое установлено многолетней практикой соревнований.

В ориентировании же размеры «мишеней» меняют, как кому покажется необходимым.

Приводя этот пример в качестве некоторой аналогии, я вовсе не возражаю против свободы творчества при постановке трасс в ориентировании. Этим примером я как раз хочу подчеркнуть феноменальное своеобразие ориентирования — необходимость в свободе обращения с «размерами» мишеней вызвана неповторимостью условий разных соревнований.

Однако свобода эта должна быть известным образом ограничена. Что я понимаю под «ограниченной свободой» и в чем должно состоять ее «ограничение»?

Собственно говоря, ограничения для постановщиков дистанций уже существуют в виде двух методик оценки трасс (одна — для летних соревнований заданного направления, другая — для зимней «маркировки»). Цель методик наряду с оценкой трасс и работы их создателей — повышение качества трасс. Методики содержат подробнейшее перечисление ошибок, которые нельзя допускать при корректировке карт и планировке трасс, а также приводят выраженные в цифрах штрафы за ошибки. Не буду останавливаться на конкретных положениях методик, которые кажутся мне недостаточно верными (их я коснусь дальше), а выскажусь о методиках в целом и только в связи с затронутым вопросом — как системы ограничения безудержной «свободы творчества», а также средства борьбы против попыток «малой кровью» провести соревнования высокого ранга.

На первом этапе развития ориентирования, пока невысок общий уровень культуры корректировки карт и постановки трасс (а этот этап еще не закончился, особенно для отдаленных областных секций, в которых ориентирование только начало развиваться по-настоящему и не накопило необходимого опыта), такие методики, безусловно, полезны. Прежде всего как учебные пособия. И как строгое указание о необходимости создания спортивных (и равных для всех участников) условий борьбы на трассе. И как систематический свод вопросов, на которые следует обращать внимание при постановке трасс.

Однако методики, будучи инструментом оценки трасс и отвечая на вопрос, какая из них хороша, а какая плоха, невольно (и сознательно тоже) влияют на коллективное понимание идеалов ориентирования, на направле-

ния, в которых должна идти практика подготовки трасс. А вот для такой роли методики, на мой взгляд, не подходят. И прежде всего потому, что пытаются все многообразие факторов, влияющих на качество трасс, и все взаимосвязи этих факторов выразить формально. «Только так и ни в коем случае не наоборот» — требуют методики. «Как угодно, если необходимо, то и наоборот, лишь бы достигалась цель» — требует творчество. Мне кажется, последнее требование вполне определяет то единственное ограничение, которое может быть наложено на творческий процесс постановки трасс. Достижение поставленной цели.

А цель трассы в спортивном ориентировании ясна — создать равные для всех спортсменов условия, в которых бы они, соревнуясь друг с другом в умении бегать с картой и компасом, в одинаковой степени смогли проявить свою физическую и техническую (т. е. умственную) подготовку.

Подчеркиваю еще раз: нет и, видимо, никогда не будет строгой меры, которая позволит проверять соотношение «ума» и «силы» на каждой конкретной трассе и устанавливать их равновесие. Мера лишь одна: чувство меры у тех, кто творит новое произведение — трассу. В этом состоит и ограничение в работе постановщиков трасс и их свобода.

В условиях принципиальной невозможности «предварительного взвешивания» двух начал ориентирования в каждой трассе особенное значение получили те материализованные высказывания (то есть сами трассы), которые делают постановщики дистанции, озабоченные стремлением предъявить с помощью трассы сбалансированные требования к разным сторонам подготовки спортсменов. Важный смысл таких высказываний состоит прежде всего в том, что в этом процессе взаимообучения (постановщики трассы узнают мнение спортсменов, а спортсмены на других соревнованиях сами могут выступать в роли начальников дистанции) происходит повышение общей культуры ориентирования, а также формирование единого взгляда на то, какой должна быть идеальная трасса в различной местности и для спортсменов разной квалификации.

Но одних высказываний в виде трасс для правильного развития ориентирования еще недостаточно. Дело в том,

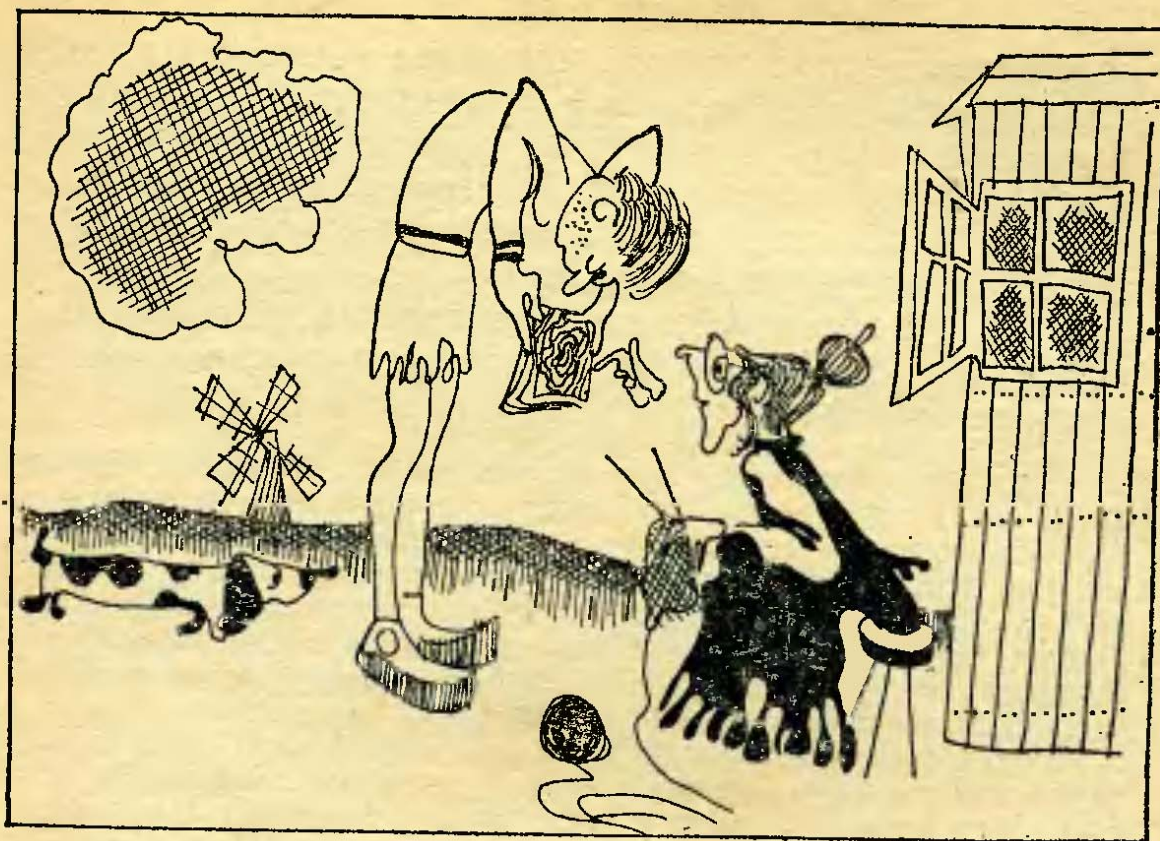
что взаимообучение с помощью трасс ограничено прежде всего по сфере своего воздействия: постановщик трассы может высказываться лишь перед участниками данных соревнований. Ограниченность каждого такого высказывания состоит также и в том, что оно, относящееся к конкретной местности, носит слишком частный характер. Необходимы регулярные обобщения наиболее значительного опыта постановки трасс, чтобы устанавливать общие закономерности и управлять всем процессом формирования ориентирования, который во многом зависит от трасс.

Такие обобщения, видимо, должны делать прежде всего ведущие постановщики трасс, и надо надеяться, что в скором времени они появятся. Однако полезны и размышления о трассах на основе чисто спортивного их восприятия. Ниже я попытаюсь высказать несколько таких соображений, используя лишь одну, на мой взгляд, не подлежащую пересмотру «точку опоры» — трассы спортивного ориентирования должны обеспечивать равновесие «ума» и «силы».

На соотношение физического и умственного начал в спортивном ориентировании основное влияние оказывают насыщенность карты (т. е. число нанесенных на нее ориентиров, приходящееся на единицу площади ее рабочей части) и планирование трассы.

Насыщенность карты. Принято считать, что чем на ней больше ориентиров, тем важнее «умственная» составляющая подготовки спортсмена. Действительно, чем насыщеннее карта, тем, казалось бы, спортсмен чаще должен обращаться к ней, сличая ее с местностью. И тем больше вероятность, что он ошибется, приняв один ориентир за аналогичный другой, также изображенный на карте. Частое обращение к карте и непрерывный анализ всей информации, получаемой спортсменом от карты и от местности, требует большого умственного напряжения. В связи с этим можно предположить, что карта с предельно насыщенными условными знаками дает возможность поставить наиболее техническую трассу, а карта с невысокой плотностью ориентиров — дистанцию, пригодную лишь для проверки физической подготовленности спортсменов. Однако такое предположение не всегда справедливо.

Высокая плотность условных знаков имеет смысл лишь тогда, когда знаки, изображающие различные ориентиры, необходимы спортсмену, преодолевающему трассу (чтобы выбрать наиболее быстрый путь на очередной КП или чтобы знать свое местоположение в каждый момент). Однако местность может лишить большинство нанесенных на карту ориентиров их полезности для спортсмена. В первом случае (когда условные знаки, по замыслу творца трассы, предназначены прежде всего для выбора пути между КП) местность, позволяющая достаточно быстро передвигаться по азимуту — легкопроходимый лес, отсутствие высоких гор, болот и других рассеивающих ориентиров, — дает возможность спортсмену, не вчитываясь в карту, двигаться напрямик в район КП с расчетом подправить себя на каком-либо характерном сочетании ориентиров непосредственно перед КП. И во втором случае (очевидных, пригодных для движения линейных ориентиров нет, но зато есть много мелких) все определяет местность. Начальник дистанции надеется, что, стремясь точно выйти к очередному КП, спортсмены будут кропотливо проводить себя по мелким ориентирам, непрерывно проверяя свое местоположение. Однако если

местность легкопроходима, выгоднее (быстрее) преодолеть большой отрезок лишь с помощью компаса, контролируя расстояние счетом шагом до какого-либо заметного ориентира поблизости от КП (его всегда можно найти, даже в «россыпи» мелких ориентиров), и только оттуда двигаться, вчитываясь в карту.

Есть два примера постановки трасс, которые, по моему, хорошо подчеркивают, что решающее слово принадлежит местности.

1969 год. IV всесоюзные соревнования под Брянском. Служба дистанции этих соревнований провела исключительную работу по корректировке карты, и она получилась столь насыщенной, что на образец, который выдали накануне соревнований, было страшно смотреть. Постановщики трасс, безусловно, рассчитывали, что спортсменам, чтобы «проглотить» содержащуюся на карте информацию, придется долго ее «жевать». Однако победитель соревнований у мужчин латвийский спортсмен Р. Славиньш прошел трассу с неожиданно высокой средней скоростью. Как выяснилось, он не тратил много времени на чтение карты, а шел напрямик в район КП и там «привязывался» по линейным ориентирам. Последних было достаточно, местность же, вопреки карте, усеянной болотами и мшаниками, оказалась легкопроходимой.

1971 год. Матч СССР — Болгария под Псковом. Карта, как и брянская, была насыщенной, а в районе начала мужской трассы буквально испещрена линейными ориентирами — дорожками и тропами разного класса. И именно на этом участке трасса оказалась наиболее интересной, так как на отрезке КП 1—КП 2 длиной свыше 4 км спортсмены вынуждены были непрерывно обращаться к карте, чтобы не запутаться в паутине дорог и тропок. А бег напрямик по захламленному, заросшему лесу был явно проигрышным. Не было двух спортсменов, которые бы прошли отрезок КП 1 — КП 2 одинаковым путем, а время на этом отрезке у ориентировщиков, вошедших в итоговом протоколе в первую десятку, не укладывалось и в пятиминутный диапазон.

Как видно из примеров, высокая насыщенность карты сама по себе не обязательный признак сложности трассы. Вместе с тем можно привести примеры (далее я их приведу), которые показывают, что не всякая трасса, поставленная на карте с невысокой плотностью ориентиров («пустой»), предъявляет к спортсменам единственное требование, которое можно выразить известной фразой: «Сила есть — ума не надо» (словом «пустая» я называю здесь и далее карту скорректированную, безусловно точную, но такую, на которой опущены несущественные, мелкие, детали, особенно в середине больших отрезков между КП, а вовсе не полную карту местности, бедной ориентирами). На «пустых» картах, как показы-

вают опыт, можно ставить разные по сложности дистанции, и опять-таки решающее слово здесь принадлежит местности.

На легкопроходимой местности насыщенная и «пустая» карты как бы сближаются, особенно на длинных отрезках трассы. Спортсмены решительно идут напрямик в район КП. А так как карта «пустая», то и при движении непосредственно к КП они получают немного умственной нагрузки — такая трасса действительно требует только физической подготовки.

Но если местность средне- или труднопроходимая, каждому есть над чем подумать и в чем проявить свои способности и интуицию. При движении между КП спортсмену будут встречаться не нанесенные на карту еле заметные (поэтому они и опущены) тропы или заброшенные дороги, попадутся и прогалы в лесу — кое-что из всего этого окажется почти попутным и будет заманивать участников соревнований, а, заманив, уводить в сторону. Вот тут-то и потребуются умение «подхватить» нужную тропу и интуитивно оценить, если тропа петляет или уводит в сторону, свое продвижение вперед и свой «боковой снос». Умение вовремя сойти с тропы, чтобы проложить бег через лес.

В связи со всем сказанным по поводу «пустых» карт мне хочется подчеркнуть два момента.

Во-первых, снимать что-то с карты надо с умом. Недопустимо, например, не показывать на карте хорошо заметную и удобную для бега тропу, проходящую через большой участок труднопроходимой растительности или через заваленную сучьями вырубку. Однако в легкопроходимой местности, видимо, можно не показывать и старую дорогу, если она не является ключевым ориентиром у КП. То есть следует учитывать не только класс ориентиров (в данном случае — класс дорог), но и то, как они «звучат» на конкретном участке местности. Осуществляя такой индивидуальный подход к разного рода ориентирам, относительно которых следует решить вопрос, быть или не быть им на карте, безусловно, надо прежде всего стремиться исключить возможность существенного влияния случайностей на результаты спортсменов, а уж затем заботиться об усложнении трассы.

Во-вторых, хочу обратить внимание читателя на то, что, описывая процесс ориентирования на «пустой» кар-

те, я обращался к интуиции спортсмена. Некоторые полагают, что интуиция — качество, которое было необходимо ориентировщикам в «каменном веке» нашего спорта, а сейчас, в век насыщенных карт, надо обладать уже другим — высокой техникой чтения карты на бегу и сличения ее с местностью.

Не могу согласиться с таким унижением интуиции. Это только кажется, что спортсмены-ориентировщики, полагаясь на свою технику чтения карты, обходятся теперь без интуиции. На самом же деле как бы ни был велик масштаб, как бы ни была насыщена карта, на местности останутся ориентиры, которые не влезут в карту (мелкий рельеф, микрополянки, болотца и т. п.), и спортсмену придется домысливать ее, используя интуицию. Больше того, преодолевая трассу при высоком умственном напряжении, спортсмен постоянно и интуитивно должен решать, какую встречающуюся на пути информацию карты ему необходимо «разжевать до последней косточки», а какую «проглотить», чтобы дать отдохнуть глазам и голове. Все это делает интуицию сильным оружием ориентировщика в его борьбе с соперниками. Зачем же тогда отвергать это оружие, отдавая предпочтение технике чтения карты и технике ее сличения с местностью? А не ставить на протяжении той же самой трассы в том числе (а не только!) и такие задачи, удачно решить которые без развитой интуиции просто невозможно?

В беседах о значении интуиции в соревнованиях по ориентированию мне приходилось слышать такое возражение: ориентирование — это бег с картой и компасом, а не бег по интуиции. Странное утверждение — будто «бег по интуиции» исключает использование карты и компаса. Совсем напротив: интуиция непременно предполагает обращение спортсмена к тому и другому (без этого его восприятие местности повисло бы в воздухе). Но опирается интуиция на значительно более тонкие и многочисленные (хотя и менее определенные) связи между прочитанным на карте и замеченным на местности, чем непосредственное сличение карты с местностью.

Интуитивное восприятие местности — та же мыслительная работа, но более высокого порядка, чем прямое сличение карты с местностью.

Со своим пристрастием к различным сравнениям я бы поставил бег на основе непосредственного сопоставления

карты и местности в один ряд с арифметикой, а бег с помощью карты и с опорой на интуицию — вровень с теорией вероятностей. Кстати, в самой природе интуитивного восприятия есть что-то от вероятностного описания реальности. Мне кажется, что любое интуитивное решение «вычисляется» человеком как математическое ожидание всех рассмотренных им решений с возможными их исходами.

Возвращаясь к вопросу о «пустых» участках на картах современных соревнований, хочу сказать, что они мне кажутся вполне правомерными. В сознательном ненасыщении карт некоторыми второстепенными деталями заключены серьезные резервы повышения доли умственной составляющей ориентирования и увеличения его многообразия. Эта мысль приходит мне в голову, когда я задумываюсь над трассами москвича В. Игнатенко, одного из пионеров советского спортивного ориентирования.

Игнатенко ставит трассы только на картах, изготовляемых им самим. Обычно он рисует их «с нуля», заботясь больше о том, чтобы была подходящая местность, а не крупномасштабная карта-основа. За 12—15 лет жизни в ориентировании Игнатенко нарисовал немало карт, но полнее всего свое понимание этого спорта и свое картографическое кредо выразил, пожалуй, в тех трассах и картах, по которым ежегодно вот уже несколько лет проводит соревнования в годовщину своей свадьбы. Устраивает он соревнования по личному поводу, видимо, потому, что его привлекает свобода в требованиях к карте, которую он может себе позволить на таких «неофициальных» соревнованиях.

Свободу эту Игнатенко использует в полной мере. Просеки с карты, как правило, снимает, чтоб не портили трассу. Дороги рисует только основные. Поляны наносит лишь те, размер которых на карте не менее 2×2 мм. Никогда не рисует сетки узких прорубок в лесу. В общем, во всем нарушает методические рекомендации по подготовке трасс высоких групп, но достигает того, что любой спортсмен, обладающий нормальным зрением, карты эти легко читает невооруженным глазом на расстоянии вытянутой руки. Конечно, официальные соревнования по таким картам никогда бы не получили и третьей группы, но трассы Игнатенко всегда интересны, по-на-

стоящему технически сложны, требуют от участников серьезного умственного напряжения. Происходит так потому, что много внимания уделяется планированию трасс.

У читателя может возникнуть предположение, что трассы Игнатенко кажутся интересными лишь автору, а другие ориентировщики могут дать им иную оценку, о вкусах ведь не спорят. Да, мнения могут быть разными, но есть и объективный судья — статистика. Небольшая, но достаточно многозначительная. Так вот, в пяти прошедших соревнованиях на этих трассах в число призеров на мужской дистанции не пробился ни один перворазрядник, ими были только мастера и кандидаты в мастера. Победителем почти все годы был В. Мохов — не самый быстроногий из московских ориентировщиков, но, безусловно, наиболее опытный и техничный.

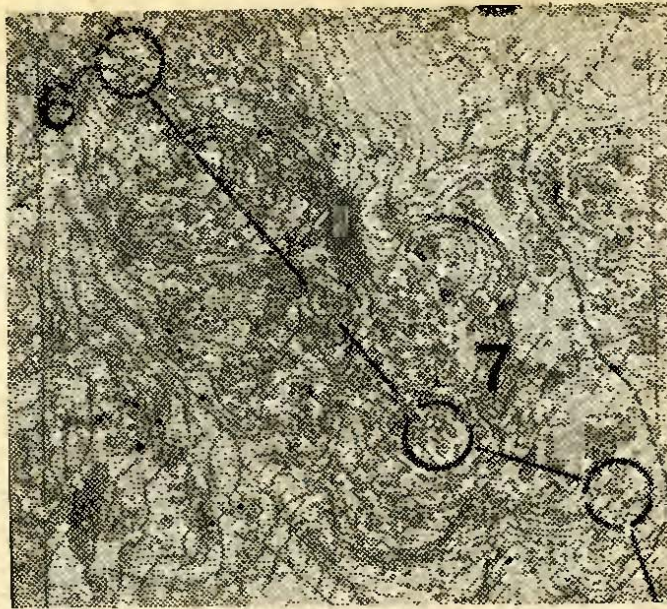
Противники использования в серьезных соревнованиях «пустых» карт обычно заявляют: «Соревнования по ним — лотерея. Одному повезет — попадетя попутная тропа, а другой, несчастливый, будет ломиться через лес вдоль не указанной на карте дороги».

Вроде бы логичный довод, но у него два слабых места. Во-первых, в направлении старых заросших дорог и троп есть закономерности, которые наблюдательный и размышляющий спортсмен знает и это знание использует в соревнованиях. Например, то, что тропы обычно тянутся по долинам ручьев (или, напротив, по сухим гривам), соединяют вырубки или поляны, идут в седловинах между буграми, в обход болот и больших холмов.

Во-вторых, если даже считать расположение на местности и направление дорог и троп совершенно случайными, то надо признать следующее: нормальная трасса достаточно велика по длине и числу КП, кроме того, после каждого КП происходит новый «розыгрыш лотереи»; в этих условиях (т. е. при большом количестве «испытаний») уже начинают проявляться вероятностные закономерности. В соответствии с одной из таких закономерностей общий выигрыш на всей трассе за счет всех случайных удач на отдельных отрезках трассы у всех спортсменов примерно одинаков.

Карты типа тех, что создает Игнатенко, отражают одну, крайнюю, точку зрения на то, какова должна быть насыщенность карт (а с помощью этой насыщенности они выражают и определенное, тоже крайнее, понимание

Схема 11

сущности спортивного ориентирования). Полезно познакомиться с другой, противоположной, точкой зрения на желательную насыщенность карт и с противоположным пониманием ориентирования, также высказанным с помощью конкретной карты. Я имею в виду карту первенства Северных стран, проводившегося летом 1971 года в Швеции (сокращенно NOM-71).

Перед вами характерный кусочек карты NOM-71 в натуральную величину (масштаб 1:20000) с отрезком женской трассы. Точками, как и по нашей системе условных знаков, показаны внемасштабные бугорки (схема 11).

Комментарии, как говорится, излишни: читать эту карту на ходу невозможно. Ее нельзя с необходимой тщательностью прочесть даже стоя, если не пользоваться лупой.

Как писала после соревнования газета финских ориентировщиков «Суунистая», карта NOM-71 была настолько полной, содержала так много изображений мелких предметов, что были нарушены международные и шведские нормы, регламентирующие размеры деталей местности, которые следует наносить на карту. Все это привело к тому, что соревнования, по существу, оказались испорченными. Спортсмены блуждали среди бесчисленных

микробугорков и микроямок и удивлялись точности и полноте карты, когда им удавалось определить свое местоположение. Среди «жертв» карты оказался один из сильнейших шведских ориентировщиков Б. Фрилен, который в начале дистанции там, где карта была более или менее нормальной плотности, лидировал, а затем среди «загогулин» и «завитушек» карты растерял все свое преимущество.

С честью из поединка с картой вышел лишь победитель соревнований — знаменитый норвежский спортсмен О. Хадлер. Этому удалось ему добиться с помощью тактики, применявшейся в давние времена, когда были по-настоящему пустые карты, а КП ставились довольно неопределенно. Игнорируя всю «мелочь», Хадлер двигался, используя в качестве промежуточных привязок только крупные ориентиры, преимущественно болота, а непосредственно на КП часто выходил по азимуту, контролируя расстояние счетом шагов. Словом, Хадлер перехитрил постановщиков трассы, как в 1969 году под Брянском перехитрил их наш Славиныш. И тот и другой проявили высшее искусство ориентирования — выбрали наиболее целесообразную в условиях данных соревнований тактику, но разве только ради этой задачи постановщики трасс тратили массу времени на подробнейшую корректировку карт?!

Итак, насколько можно судить по самой карте НОМ-71 и ее анализу в финской газете, с картой получилась любопытная трансформация: задуманная в качестве карты, которая бы серьезно повысила требования к технической подготовленности спортсменов, она, по существу, превратилась в свою противоположность. В «пустую» карту. Больше того, она стала хуже обычной «пустой» карты, ведь на последней, как, например, на картах Игнатенко, КП стоят в четких точках, и ориентирование сводится к выбору и осуществлению пути, а на трассе НОМ-71 все свелось к поиску контрольных пунктов, которые стояли довольно далеко от хорошо читаемых ориентиров, т. е. с позиций «пустой» карты — в «молоке».

Таковы две крайние точки зрения на желательную насыщенность карт, и обе они, видимо, вышли из области допустимого. Карты и трассы Игнатенко требуют от участников в основном умения правильно выбирать путь движения на КП. Большая роль отводится также интуи-

ции спортсмена при осуществлении выбранного пути. Однако они полностью игнорируют проверку такого элемента техники ориентировщика, как чтение на бегу насыщенных участков карты. Карта NOM-71 (во всяком случае, на участке, приведенном на рисунке) все ориентирование, по существу, сводит к кропотливому чтению карты (обязательно с помощью лупы) и сличению ее с местностью.

Мне кажется, что тут следует придерживаться «золотой середины». В качестве примера я бы привел карту и трассу первенства мира 1968 года, также подготовленную шведами, которую мы уже рассматривали по отрезкам. Единственное замечание по поводу той карты — насыщенность ее равномерна по всему полю, отчего все разнообразие трассы достигается в основном за счет ее планирования. Но тут виной местность, имеющая более или менее одинаковый характер. Естественно, что в районах с примыкающими друг к другу и различными по характеру (рельефа, растительности, линейных ориентиров) участками легче сделать и карту с неравномерной насыщенностью, и трассу с разнообразными задачами.

Что касается карты NOM-71, то ее скорее можно рассматривать как несколько рискованный опыт, в котором экспериментаторы перескочили через одну-две ступени в развитии ориентирования, исходя из предположения, что развитие это будет идти по пути дальнейшего насыщения карт. Неизвестно, однако, долго ли оно сможет идти по такому пути: трудно рассчитывать на столь стремительную эволюцию человеческого зрения, а использование дополнительных устройств для быстрого чтения карт вряд ли целесообразно для нашего массового спорта.

В том, что карта NOM-71 лишь эпизод в шведском ориентировании, можно убедиться, взглянув на несколько самых насыщенных фрагментов других шведских карт, использованных в том же 1971 году на первенствах Швеции: в марафонском ориентировании (схема 12), в ориентировании среди мужчин (схема 13) и среди женщин (схема 14). Все эти карты можно (правда, с некоторым напряжением) читать и невооруженным глазом. И даже на бегу. Три последние карты, как и карта NOM-71, в натуральном своем исполнении имеют масштаб 1 : 20000, однако здесь, на схемах, они на 10—15% увеличены. Основная идея их сопоставления (показать, что карта NOM-71

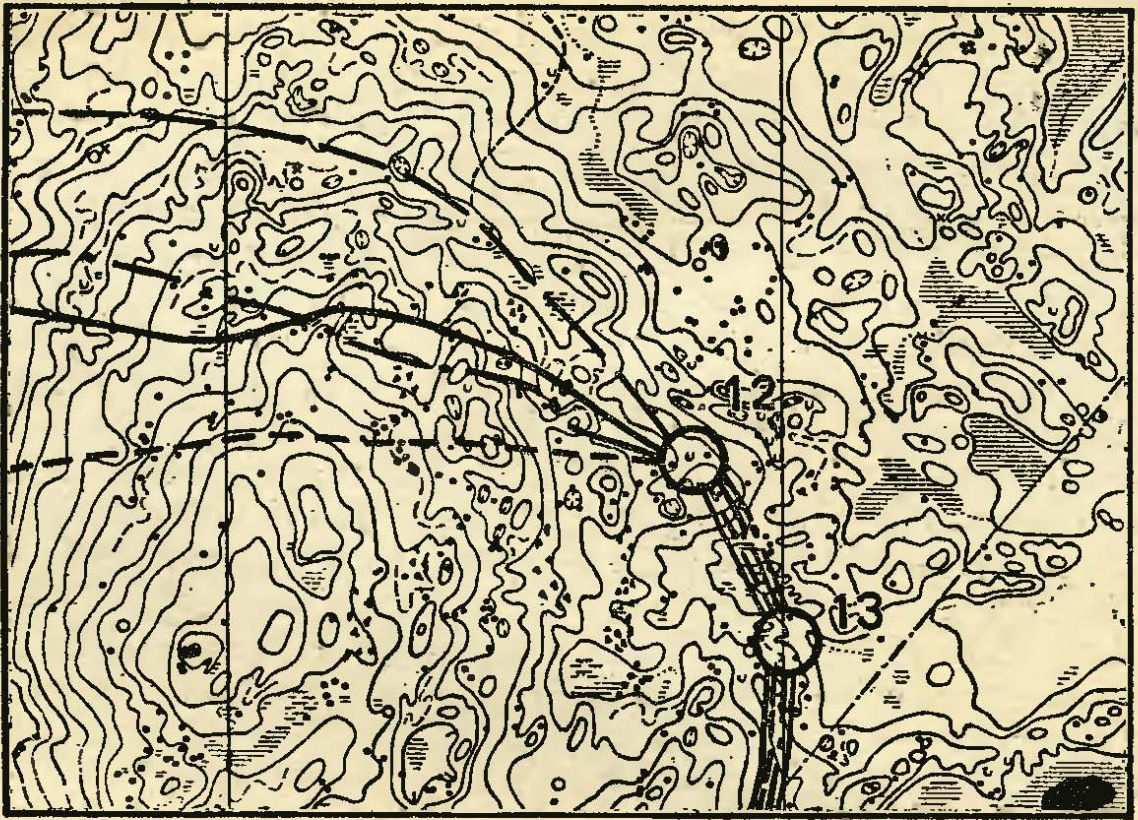

Схема 12

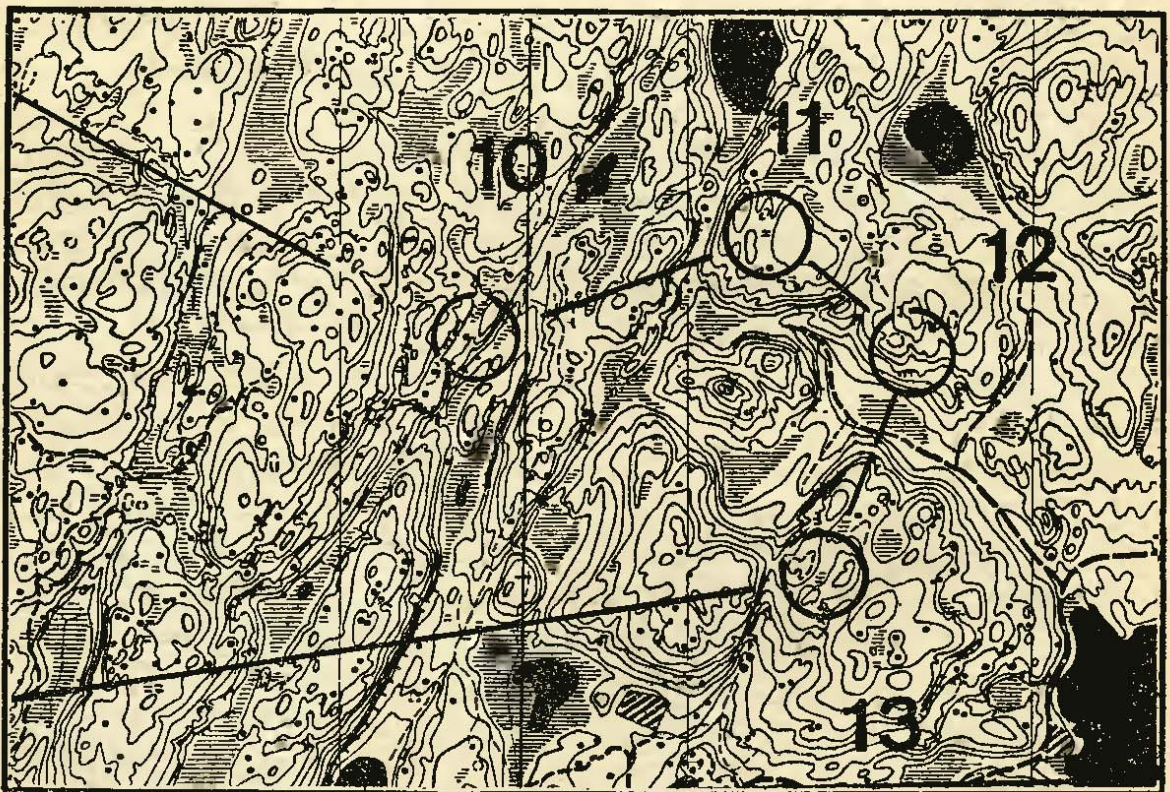

Схема 13

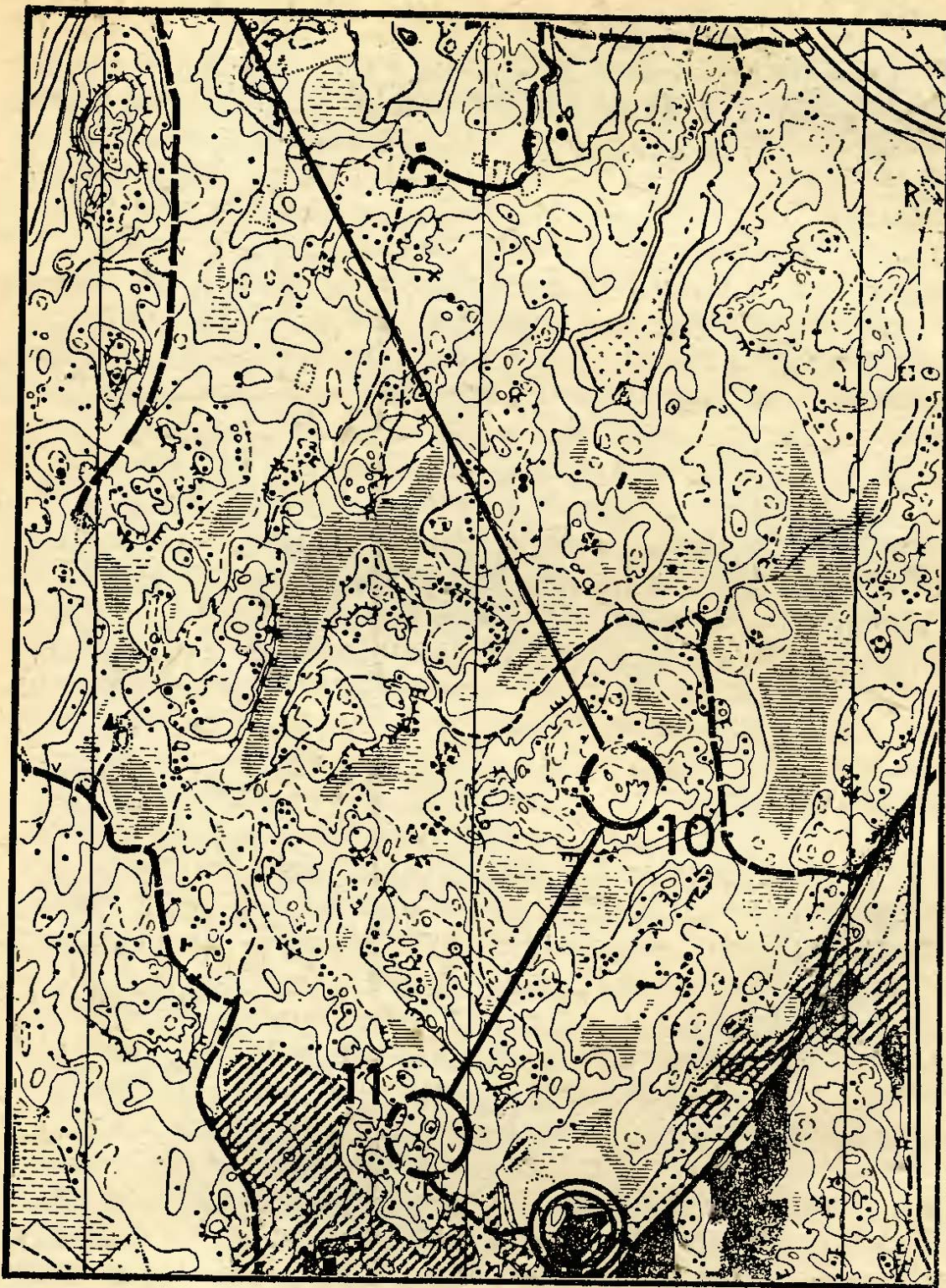

Схема 14

существенно насыщеннее других) от этого, по мнению автора, не пострадает, зато советские ориентировщики, изготовители карт, смогут заодно полнее ознакомиться с разными вариантами современной манеры рисовки спортивных карт в Швеции.

Хорошая читаемость — важное требование, сдерживающее увеличение насыщенности карт, но оно не единственное. Ограничением максимально допустимой насыщенности должна быть и объективность в отражении на карте мелких ориентиров: микрополянок, болотцев, небольших просветов в лесу, похожих на редколесье, вкрапленений лесных пород друг в друга. Все эти ориентиры, а также «зыбкие» формы рельефа (полувыступы, полужобины, полочки на склоне и т. п.) воспринимаются корректировщиками карт по-разному и различно изображаются. Субъективность в рисовке карты может внести существенную случайность в результаты соревнований.

В инструктивных разработках по изготовлению карт для спортивного ориентирования есть указания на то, какие минимальные ориентиры допустимо наносить на карту. Поляны, например, могут быть размером 1 мм^2 (на карте масштаба 1:25000) и даже $0,5 \text{ мм}^2$ в густом лесу. Можно ли при таких рекомендациях всю россыпь полян в «полянном» лесу двум разным корректировщикам изобразить на карте одинаково?

Итак, два фактора (читаемость карты и объективность изображения на ней всякой «мелкоты») должны ограничивать максимальную насыщенность карты.

Ограничения по минимальной насыщенности для вдумчивого постановщика трассы вообще не должно быть. Его уже ограничивает обязательное требование — обеспечить равновесие между «умом» и «силой», а также создать равные условия для всех спортсменов, чтобы можно было объективно выявить сильнейшего. Познакомившись с местностью (а еще лучше, внимательно подобрав местность), он уже сам решит, какими вспомогательными средствами достичь цели: кропотливым ли насыщением карт всякой мелочью, или нестандартным планированием трассы, или «обыгрыванием» слабовыраженных на местности линейных ориентиров, которые, не нарушая строгости в постановке трассы, можно не наносить на карту. Наверное, в большинстве случаев будет выбираться насыщение карты. Оно более трудоемко, но позволяет в определенной степени искусство заменить трудом.

Не ставя барьера для минимальной насыщенности карты, я думаю, не стоит опасаться, что постановщик трассы, уважающий спортсменов и заботящийся о своем

добром имени, предложит участникам вместо карты белый лист бумаги. Если он будет стремиться своей картой создать равенство условий для всех спортсменов, уравновесить требования, предъявляемые к физической и технической подготовке участников, проверить их умение выбирать путь, читать насыщенные отрезки карты, запоминать ее и делить все указанное на карте на ненужное и на то, чем можно воспользоваться, то карта получится и достаточно насыщенная, и хорошо читаемая, и, кроме того, будет неплохая, нестандартная трасса.

Может показаться, что всеми этими высказываниями я покушаюсь на «святая святых» в мире постановки трасс — на методики их оценки, предлагающие заодно и общие рецепты постановки. Нет, не покушаюсь. Просто я придаю им значение важного учебного пособия, использование которого можно рекомендовать тем постановщикам трассы, которые недостаточно опытные и не могут взять на себя ответственность творить самостоятельно. Добросовестно используя методики, очень плохую трассу поставить практически невозможно. А вот чтобы поставить очень хорошую трассу, методики не нужны. Нужны только время, жгучее желание и талант. Как во всяком искусстве.

Возникает несколько вопросов.

Не приведет ли такая, почти неограниченная свобода в работе постановщиков трасс к тому, что каждый из них, возомнив себя творцом, будет предлагать ориентировщикам неспелые плоды своих «поисков»? Думаю, что этого бояться не следует. Самоконтроль и ответственность каждого из нас перед многочисленными приверженцами ориентирования — серьезные силы. Ради же поисков можно устраивать специальные соревнования.

А вдруг постановщик трассы ошибется. Как же тогда, отвлекаясь от насыщенности карты и всех других факторов, которые оговорены в методиках, оценить, насколько интересной и технически сложной получилась трасса?

По-моему, можно. Дальше я приведу возможные способы такого контроля, а сейчас остановлюсь еще на вопросе, имеющем для установления равновесия между «умом» и «силой» важное значение, — *на планировании трасс.*

При подготовке серьезной трассы обычно намечаются различные задачи для спортсменов, но большинство по-

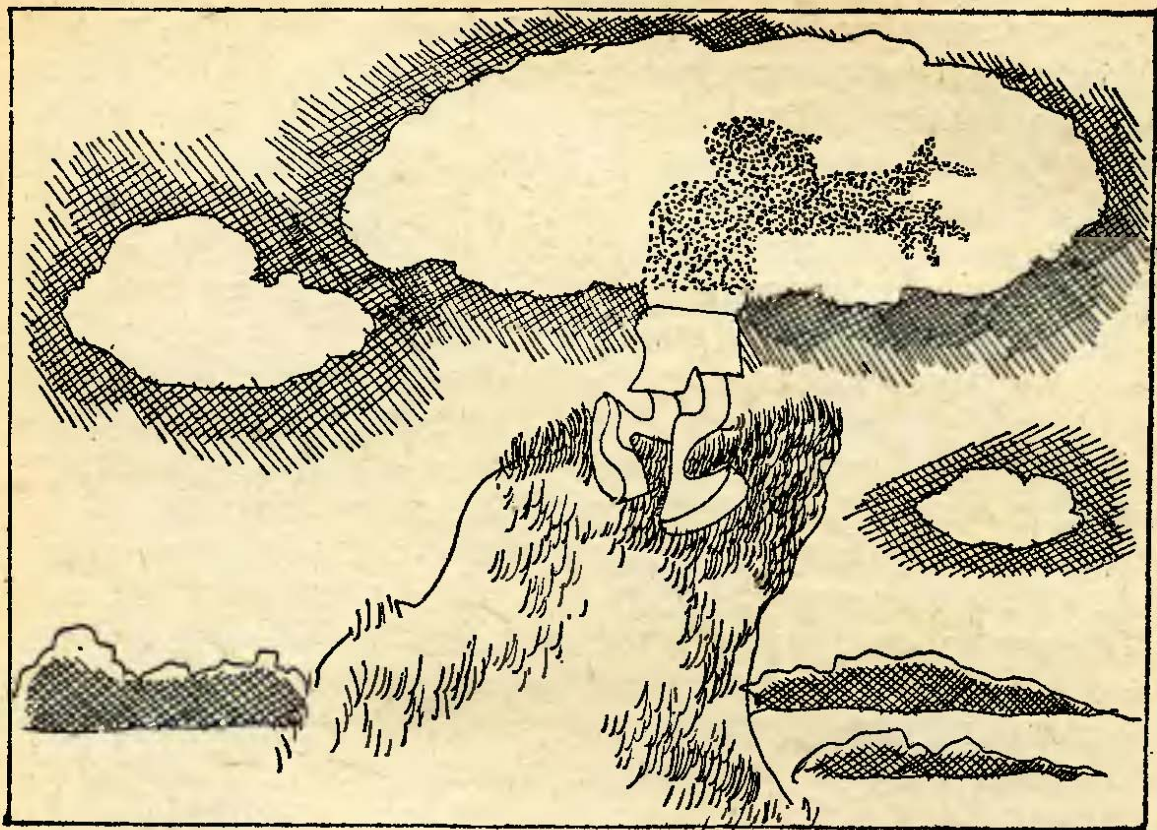
становщиков главную цель видят в том, чтобы заставить спортсмена непрерывно на протяжении всей трассы обращаться к карте, сличая ее с местностью. Такое положение наиболее определенно выражено в «Правилах и методике судейства заочных соревнований начальников дистанций» (1972 год), в которых за чтение карты назначается самая высокая оценка — 7 баллов. А в качестве разъяснения записано: «Полностью они даются, если на протяжении всего этапа спортсмен внимательно следит за мелкими ориентирами. При этом на каждую седьмую часть этапа условно приходится один балл». (Замечу, между прочим, что по той же методике в качестве штрафа, за то, что «разумный вариант пути лежит за обрезом карты», также назначается всего один балл).

Конечно, к методике судейства заочных соревнований по композиции дистанции надо относиться по-особому; не выразив числовыми оценками различных признаков, влияющих на качество трасс, вообще нельзя проводить такие соревнования. Но тезис «читать всегда, читать везде» красной нитью проходит и через другие методические материалы. И все они вместе с «Методикой судейства заочных соревнований» формируют взгляд на то, к чему следует стремиться при подготовке трасс и на местности (а не только на бумаге), формируют понимание спортивного ориентирования.

Стремление авторов карты и постановщиков трассы привлечь особое внимание к своей работе можно понять, но все же такой взгляд на главную задачу планирования трассы, как и увлечение насыщенностью карт, сужает ориентирование как вид спорта. Кто и когда доказал, что спортивное ориентирование — соревнование в умении ориентироваться непрерывно? На самом деле это соревнование лишь в одном — в умении ориентироваться. Или, точнее, — ориентироваться вовремя. И совершенно очевидно, что ориентироваться в непостоянных, резко меняющихся условиях труднее, чем в некотором «стационарном режиме» (отсюда и общепринятая трактовка понятия «сориентироваться» — найти верное решение в изменившейся и необычной обстановке).

Конечно, и тогда, когда спортсмен на трассе непрерывно обращается к карте, он каждый раз сталкивается с изменившейся обстановкой (новой местностью, новым куском карты), но сам режим его «работы» более или

менее стабилен и потому привычен. Другое дело, когда постановщик трассы заставляет передвигаться в «рваном» темпе: где-то, отвлекая от карты, разгоняет на однозначных путях, открытых пространствах, просеках, а где-то и придерживает, вталкивая в гущу мелких ориентиров и заставляя впиваться глазами в карту. В таком случае ориентироваться значительно труднее, потому что от повышенного темпа бега, неволью нарастающего на пустых отрезках, «закипают мозги», и чтобы в нужный момент найти верное решение, необходимы сообразительность и умение сдерживать себя в предчувствии изменения характера трассы (как биатлонисту на подходе к стрельбищу).

Напротив, когда трасса проходит по сложной местности, насыщенной ориентирами (обозначенными на карте), и вблизи нет линейных ориентиров, спортсменов постепенно втягивается в кропотливое ориентирование, подбирает соответствующий карте темп движения и спокойно (а может, даже и немного нудно, если карта предельно насыщенная) «разжевывает» тонкости трассы.

Повышенная сложность немонотонной дистанции особенно хорошо заметна зимой, на маркированной трассе.

Лыжня, идущая по открытым пространствам, словно подстегивает спортсмена, разгоняет его, заставляя затем делать ошибки в таких местах, где, равномерно передвигаясь, он их никогда бы не сделал. Летом в заданном направлении — то же самое. Таким образом, только искусно распределенным набором технических и беговых участков постановщик трассы может добиться того, что ему часто бывает тяжелее достичь кропотливым насыщением карты мелкими деталями, а именно превратить ориентирование на трассе в дело технически непростое.

Принцип «читать карту всегда и всюду» в методиках оценки летних и зимних трасс воплощен уже тем, что основой получения общей оценки в них является раздельная оценка каждого отрезка трассы (по различным показателям — пригодности для ориентирования, числу вариантов путей между КП, разнообразию в месте установки знака КП и т. п.). Общая оценка трассы, т. е. выраженное в баллах суждение о ее спортивном качестве, получается в итоге как сумма отдельных, поэтапных, оценок (к этой сумме кое-что добавляется и в целом от всей трассы, например оценки за систему отметки на КП и др.). Такой подход к оценке трассы, утверждающий независимость одного ее отрезка от остальных, — очередное и, пожалуй, самое удивительное сужение смысла спортивного ориентирования. Удивительное потому, что любой опытный ориентировщик (а все постановщики трасс высокой квалификации обычно и опытные спортсмены) прекрасно знает, что соревнование на трассе с десятью КП — это не сумма десяти соревнований (от старта до КП 1, от КП 1 до КП 2 и т. д.), а одно неразрывное соревнование. Тут же выходит одна цена трассе, что «оптом», что «в розницу».

...Пример. На трассе есть отрезок КП 3 — КП 4. Элементарнейший отрезок — 700 м азимутом по ровному однородному лесу до большой поляны, в углу которой и стоит КП 4. За такой отрезок по методике оценки трасс полагаются штрафные очки, потому что нет на нем ни выбора пути перед началом движения, ни чтения карты потом. Правда, имеется обходный путь — по дороге от КП 3 до КП 4, но она делает такой крюк, что по ней побежит лишь пугливый новичок. Новичок и... расчетливый мастер, который где-то раньше на трассе, выбрав момент, окинул взглядом всю карту и заметил, что в средней ча-

сти трассы между КП 5 и КП 6 большое расстояние и много вариантов путей движения. Ясно, что если там поспешишь с выбором пути, потеряешь 5 минут, а то и все 10. И спортсмен решает пройти участок КП 3 по дороге — пожертвовать здесь 40—50 секунд, но зато спокойно рассмотреть карту (в лесу при движении азимутом не очень-то ее изучишь) и обеспечить себе на отрезке КП 5—КП 6 одно из наиболее правильных решений. Спрашивается: такой ли уж лишний для проверки мастерства спортсменов «пустой» отрезок КП 3—КП 4?

...Между КП 1 и КП 2—400 м, и рядом с прямой, соединяющей эти КП, проходит просека. Естественно, все участники выбирают путь по ней. Анализ трассы только по карте требует штрафа за такую ее планировку (особенно если КП 1—КП 2 не носит вспомогательного характера, например не является разворотным). Однако в результате непосредственного (а не по карте) ознакомления со всей трассой можно прийти к противоположному выводу. Например, если выяснится такая тонкость: просека между КП 1 и КП 2—старая, заросшая, бежать по ней хуже, чем рядом, просто по лесу. Единственно для чего она нужна: на просеке вблизи КП 2 есть хорошая привязка—глубокая яма. Однако заросшая просека будет иметь еще раз отношение к трассе (в этом-то и состоит тонкость) там, где она на длинном перегоне КП 8—КП 9 «напрашивается» как существенная (около 2 км) часть наиболее естественного пути между контрольными пунктами. И тот, кто предпочтет путь с просекой всем другим (а на длинном отрезке их, как правило, немало), видимо, будет в проигрыше, так как логично предположить, что просека заросла по всей длине, а не кусками. В проигрыше, но по своей вине: не понял «намек» начальника трассы, не использовал дополнительную информацию о местности, предоставляемую всем участникам уже в ходе соревнований.

Таковы только два простых примера, иллюстрирующих несостоятельность поэтапной оценки спортивного качества трасс и содержащегося в этой системе оценки косвенного указания, по какому направлению следует идти, чтобы повысить качество трасс.

Важно, что этот изъян методик—принципиальный. Можно, конечно, пытаться как-то оговаривать его в примечаниях к методикам, но легче предложить совершенно

иной подход к оценке трасс. Я не хочу категорически утверждать, что такой изъян никогда не будет устранен. Замечу лишь, что отразить формально все сложные взаимосвязи между отдельными отрезками трассы с учетом индивидуальных особенностей всех конкретных местностей, где возможно проведение соревнований по ориентированию, неизмеримо труднее, чем, например, разработать программу для ЭВМ, которая бы играла в шахматы лучше гроссмейстера.

Еще один неустоявшийся вопрос, связанный с постановкой трасс, — количество контрольных пунктов (точнее, среднее расстояние между ними). Разумеется, на количество КП определенной трассы влияет ряд конкретных факторов: наличие на местности упорядоченных линейных ориентиров (например, системы просек), насыщенность карты, проходимость местности. Однако можно заметить и определенную закономерность в изменении со временем общего взгляда на этот вопрос. Так, в 1965—1968 годах среди ориентировщиков нашей страны было распространено мнение, что на дистанции не должно быть очень много КП. Средняя длина одного отрезка обычно составляла в ту пору от 1,2 до 1,5 км. Предполагалось, что небольшое количество КП ставит прежде всего задачи по выбору пути, умение решать которые считалось в то время главным в искусстве ориентирования. Мнение это нашло отражение в «Правилах соревнований 1969 года».

Однако уже в летнем сезоне 1969 года, следовавшем за сезоном первенства мира в Швеции, на котором в качестве наблюдателей побывала группа советских ориентировщиков, стали проводиться соревнования на трассах со средним расстоянием между КП менее километра. «Шведская линия» постепенно распространялась у нас, достигнув своей вершины в 1970 году в двух турах Прибалтийской многодневки — в эстонском и ленинградском. В Эстонии, например, в первый день многодневки на мужской трассе длиной 10,5 км стояло 23 КП, а во второй на 14,4 км — 28! И хотя большое количество КП постановщики трасс объясняли стремлением исключить возможность бега по лугам и посевам, вклинивавшимся узкими полосами в лесные массивы, а также рассматривали как своего рода эксперимент, нельзя было не заметить в такой густоте КП и определенную линию —

заставить спортсменов все время читать карту. Уже тогда большинство участников этих соревнований критиковали такую линию в постановке дистанции.

Приводились следующие доводы.

Задачи ориентирования при большом количестве КП и равномерном расстоянии между ними становятся однообразными.

К концу трассы у многих спортсменов наблюдается большая умственная усталость.

Большое количество КП, как правило, делает соревнование неравным по условиям для спортсменов, стартовавших в начале и в конце. Последний довод особого свойства, я на нем останавлиюсь позже, а сейчас хочу обратить внимание на два первых, поскольку они имеют непосредственное отношение к планировке трассы.

Действительно, на дистанции с небольшим средним расстоянием между КП и их равномерным расположением у спортсмена одна задача — двигаясь, сличать карту с местностью. Расстояния между КП так коротки, что обычно невыгодно тратить время на выбор пути (не считая тех редких случаев, когда между двумя близкими КП какое-либо естественное препятствие — гора, болото или озеро — «поставлено» так, что трудно решить быстро, как обходить препятствие, слева или справа). Спортсмен движется по прямой или близко к ней и, постоянно сличая карту с местностью, стремится все время знать свое точное местоположение. Так поступает он между пунктом выдачи карт и КП 1, между КП 1 и КП 2, так он делает на протяжении всей трассы. Неудивительно, что у него в конце концов начинает болеть голова. Думаю, что это вызывается не столько напряжением умственным, сколько зрительным, которого требует непрерывное и тщательное разглядывание карты (аналогичные последствия бывают от чтения книги при недостаточном освещении).

Более широки и гибки, как признают теперь даже сторонники большого числа КП, все же классические идеи постановки дистанций, требующие гармонично чередовать короткие отрезки трассы, где необходимо читать карту, с длинными этапами, на которых проверяется умение спортсмена в определенные моменты и в им самим регулируемое время принимать ответственные решения по выбору пути. А также проверяется умение, лишь

эпизодически обращаясь к карте, контролировать прохождение пути в основном по памяти.

Нужно сказать, что оба основных фактора (насыщенность карты и планировка трассы), которые влияют на соотношение технической и физической составляющих трассы, безусловно, на каждой трассе глубоко взаимосвязаны. Также переплетаются между собой две современные тенденции в развитии ориентирования — увеличение насыщенности карт и уменьшение среднего расстояния между КП. Несколько упрощенно последнюю связь можно объяснить тем, что постановщику трассы, много времени потратившему на корректировку карты и вырисовывание всех ее деталей, просто жалко свою работу, он хочет выжать из нее максимум и использовать для трассы всю карту.

Мне кажется, что увлеченные работой по корректировке карты постановщики трассы иногда забывают, что корректировка карты и планировка трассы имеют общую и единственную цель: создать условия, в которых бы все участники могли объективно сравниться друг с другом в двух неразрывных умениях — бегать и на бегу работать с картой и компасом. Эта цель в большинстве случаев может быть достигнута наилучшим (для участников) и наиболее экономным (по затрате времени для постановщика трассы) образом, если ни корректировке карты, ни планировке трассы не будет отдаваться предпочтения, а обе составляющие будут равноправными. Я это подчеркиваю потому, что по многим соревнованиям последних лет заметил, что служба дистанции основное внимание уделяет корректировке карты, а планировке трассы времени отводит немного (вернее, его не остается).

Чтобы добиться равноправности карты и рисунка трассы в будущей дистанции, которая воспринимается участниками как нечто целое, видимо, необходимо и корректировку карты, и планировку трассы с самого начала делать одновременно (особенно если есть удовлетворительная карта-основа).

После подробного осмотра всей площади района соревнований можно уже вчерне наметить трассу и несколько раз (разными путями) пробежать ее в темпе, приближающемся к соревновательному, еще до начала корректировки карты. Цель первой «прокатки» трассы —

выяснить, на каких участках карты, кроме районов КП, требуется наиболее тщательная корректировка, а также проверить, как смотрятся с подходов и на скорости выбранные точки КП.

Следующий этап работы — корректировка карты в «коридорах» возможных путей движения и в районе каждого КП. Затем — вторая «прокатка» трассы (преодоление ее опять-таки разными путями с контролем времени на вариантах движения). И лишь после этого — окончательная расстановка КП, уточнение и дополнение карты в наиболее «горячих» местах трассы. Окончательная, если не потребуется после второй «прокатки» существенно изменять саму трассу.

Такой способ подготовки карты и дистанции особенно удобен для постановщиков трасс, являющихся активными спортсменами. При этом они чередуют свои тренировки с работой по корректировке карты (которую частично можно выполнять и сразу же после контрольных пробегов по трассе). Однако если всю работу по подготовке дистанции делают ориентировщики, специализирующиеся преимущественно на постановке трасс и редко выступающие на соревнованиях, то в качестве дополнительных «бегающих инспекторов» своих трасс они могут приглашать активных спортсменов, которые не будут выступать в этих соревнованиях.

Основное достоинство описанного способа работы над дистанцией в том, что он позволяет не делать лишней работы, а наносить на карту только то, что существенно для конкретной трассы (или трасс, если на карте планируется не одна дистанция, а больше).

Можно предположить и ряд возражений против такого способа постановки трасс. Одно из них будет, очевидно, таким: карта откорректирована неодинаково по всему полю, что может сбить с толку спортсменов: где-то они будут находить на карте каждую встреченную тропку, а оказавшись за пределами «коридора» между КП, не увидят и дороги. Такие случайности могут повлиять на их результаты.

Все верно относительно того, что где-то что-то заметят или не заметят. Но что касается случайности, то в качестве контрвозражения можно задать вопрос: правила соревнований допускают постановку КП в 250 м от обреза карты; если спортсмен как раз там и «выбежит

из карты», то «карта», на которой он окажется (т. е. пустота), во всех деталях будет соответствовать местности? «Пусть не выбегает», — может быть ответ. Тогда пусть спортсмен не выбегает и из достаточно широких коридоров, в которых идут наиболее вероятные пути движения. В конце концов, постановщик трассы имеет право, выдерживая установленные правилами допуски, заклеить неоткорректированные куски карты, поместив на их месте разные атрибуты оформления карты, например таблицу условных знаков.

Второе возможное возражение. Такую «специализированную» карту полноценно можно использовать лишь в соревнованиях, для которых она готовится.

Ну и что же? Появится необходимость на данной местности провести еще одни соревнования, «хозяева» карты наметят новую трассу, причем такую, на которой КП будут стоять на прежде слабо откорректированных участках карты, а затем в соответствии с характером трассы и рангом соревнований дополнят карту полезными деталями вблизи КП и вдоль новых путей движения. В конце концов, после нескольких соревнований и корректировок карта станет настолько насыщенной, точной и... закатанной, что ее можно будет спокойно «отправить на пенсию», т. е. отвести карту и местность для тренировочного полигона или для соревнований новичков.

Третье возражение. Где гарантия, что после осмотра местности, пусть даже продолжительного и тщательного, можно наметить лучшую для нее трассу?

Гарантии, конечно, нет, но все же можно утверждать, что опытный ориентировщик после серьезного осмотра местности обычно настолько хорошо и в деталях «видит» ее всю, что имеет большие шансы наметить один из наиболее удачных вариантов трассы и дальше работать лишь ради него. Разумеется, один спортсмен, выступая как постановщик трассы, видит будущую трассу лучше, другой — хуже, но кто сказал, что постановка трассы — труд механический, не требующий от того, кто им занимается, «искры божией»?

Кроме того, если вначале будет выбран и откорректирован не лучший вариант трассы, кто мешает «хозяину» местности и карты наметить для других соревнований более удачную дистанцию и, доведя ее до кондиции, создать, по существу, новую карту?

Я мог бы придумать еще несколько возражений, но не буду больше утруждать читателя, а на все возражения, высказанные и мыслимые, попробую сформулировать общий ответ.

Если есть возможность, почти не теряя качества, подготовить для соревнований существенно больше трасс достаточно высокого уровня (по крайней мере, второй и третьей группы), то непременно надо это делать. Надо же все-таки учитывать, что спортивное ориентирование в нашей стране, развиваясь интенсивно лишь последние 5—7 лет, еще не сформировалось окончательно и не обзавелось в нужной мере всеми вспомогательными службами, в частности узкими специалистами, энтузиастами постановки новых трасс; несовершенны и наши технические средства корректировки и изготовления карт. Поэтому карты и дистанции еще вынуждены делать действующие спортсмены (больше того, такое занятие зачастую — и справедливо, так как другого выхода нет, — вменяется им в обязанность, без выполнения которой они не могут быть включены в ту или иную сборную команду). В условиях же острого дефицита соревнований на новых картах и на свежих по идеям трассах вряд ли целесообразно заниматься насыщением карты ненужными деталями лишь ради того, чтобы она «гляделась» по всей площади.

В заключение я подведу некоторые итоги своим высказываниям и по возможности четко сформулирую те положения, которые пытался отстаивать.

Основная задача при постановке трассы по спортивному ориентированию — обеспечить равенство условий для всех участников, а также добиться равновесия «ума» и «силы». Применение «ума», разумеется, должно быть направлено на искусство ориентирования.

Это искусство состоит как минимум из трех равноправных и неразрывных умений: выбирать пути движения между КП и на отдельных отрезках трассы, читать на бегу достаточно насыщенные куски, интуитивно чувствовать местность, основные ориентиры и себя среди них. Все умения должна проверять трасса. Однако что именно в первую очередь она должна проверить и в какой мере сделает упор на проверку того или иного умения, зависит от конкретной местности и замысла постановщика трассы. Постановка трасс — процесс сугубо творче-

ский, никаких жестких рекомендаций не выносящий (конечно, кроме тех, которые относятся к имеющей смысловую точности карт, к точности установки КП и созданию равных условий для всех участников).

САМИ СЕБЕ СУДЬИ

По современной разрядной системе норматив мастера спорта по спортивному ориентированию может быть выполнен лишь на соревнованиях всесоюзных, высшей, первой и второй групп. Ранг каждого из них определяется его масштабом и составом участников (в основном, количеством выступающих в нем мастеров спорта). Кроме того, на соревновании каждого ранга должны быть удовлетворены соответствующие требования, предъявляемые к карте и трассе.

Это последнее условие, по моему глубокому убеждению, является временным, так как оно, по существу, выражает недоверие к постановщикам трассы, к их способности самостоятельно, без контроля со стороны, подготовить карту и дистанцию, которые соответствовали бы соревнованиям определенного ранга. В будущем, надо надеяться недалеко, группа соревнований, очевидно, будет определяться только составом (квалификацией) участников и квалификацией постановщиков трассы, однако пока в ряде областных и республиканских секций еще нет достаточного количества опытных судей; какая-то проверка качества работы над картой и трассой все же целесообразна.

Существующая система проверки трасс и присвоения соревнования той или иной группы достаточно сложна, кроме того, она непрерывно видоизменяется. Поэтому я не буду описывать ее обстоятельно, а остановлюсь лишь на основном в ней, что, по-видимому, в ближайшие год-два сохранится.

Основное же состоит в том, что группу каждого соревнования в конечном счете определяет инспектор трассы — квалифицированный спортсмен или судья, назначаемый секцией, проводящей соревнования.

В обязанности инспектора входит прежде всего проверка соответствия карты местности, в особенности вблизи КП и вдоль вероятных путей движения участников, а также проверка точности постановки КП. Инспектор мо-

жет предотвратить срыв соревнований из-за небрежности постановщика трассы. Однако уже сама необходимость в инспектировании говорит о том, что у нас пока недостаточно высок уровень корректировки карты и постановки трассы. Но в перспективе надобность в контролировании постановщиков трасс, видимо, так же будет отпадать, как отпадает в производстве надобность в техническом контроле продукции высококвалифицированных и хорошо зарекомендовавших себя рабочих. (В конце концов, над картой соревнований обычно работают несколько постановщиков, и, если каждый из них не верит себе, кто мешает им проверить друг друга?)

Но контроль соответствия и точности не единственное занятие инспектора. Он производит также оценку трасс, руководствуясь при этом методикой оценки и своим общим впечатлением.

Такая система оценки трасс обладает, на мой взгляд, двумя серьезными недостатками.

Во-первых, она почти полностью опирается на методики оценки дистанции, которые, пытаясь отразить все важнейшие факторы, влияющие на качество трасс, содержат положения как спорные (за бег по линейным ориентирам — штраф, за тормозящий ориентир ближе 150 м позади КП — штраф), так и просто неверные (раздельная оценка отрезков между КП, исходящая из независимости их друг от друга). Но главная слабость методик, пожалуй, в том, что они все рассматриваемые факторы оценивают количественно и назначают им произвольные, ничем не обоснованные оценки (точнее, штрафные баллы). Например, за то, что КП установлен не на точечном ориентире, полагается штрафной балл, а за то, что среднее количество ориентиров 1 км² карты масштаба 1 : 25000 — от 54 до 57, начисляется 4 штрафных балла (все цифры взяты из летней методики по состоянию ее к середине 1972 года). А почему не наоборот? Почему, далее, свое общее впечатление о трассе инспектор может выразить лишь оценкой в 5 баллов?

В своих количественных рекомендациях методики часто расплывчаты: например, штраф за «планирование трассы с равномерной длиной этапов» составляет от 0,5 до 1,5 (когда сколько?).

Второй принципиальный недостаток состоит в том, что трассу оценивает один человек. Правда, потом эту

оценку должен утвердить и даже может изменить так называемый территориальный инспектор — лицо, ответственное за всю систему инспектирования дистанций в данной республике или области. Но он если и бывает на местности соревнований и знаком непосредственно с условиями их проведения и с трассами, то конкретная осведомленность его обо всем этом неизмеримо меньше, чем простого инспектора.

Затратив много времени на проверку соответствия карты местности и точности установки КП, инспектор, как правило, не проводит глубокого анализа планировки трассы и оценки трассы в целом — оценки соответствия ее характеру местности и рангу соревнований. Но если бы он даже все это и сделал, все его оценки, как и формальный (но, как было уже отмечено, неоднозначный) счет штрафных баллов по методике, отразили бы лишь его, инспектора, субъективное мнение.

В то же время можно в качестве некоторого приближения к идеалу представить такую схему инспектирования трассы.

- Десять инспекторов, являющихся одновременно квалифицированными постановщиками дистанций и действующими спортсменами, заранее (не менее чем за одну-две недели до основных соревнований) пробегает трассу в виде маленького предварительного соревнования. Каждый из них дает оценку трассе, и общее мнение о ней опирается на среднюю из десяти частных оценок. Заодно выясняются неточности в карте и в постановке КП, которые могут быть дополнительно проверены и затем исправлены.

Возникает вопрос: почему десять, а не один, как обычно? А потому, что чем больше мнений, тем полнее некая их «золотая середина» отражает объективную истину. Помилуйте, скажет читатель, где же взять такое количество инспекторов, если даже одного найти не всегда просто?

Есть где взять. Только это не инспектора-спортсмены, а спортсмены-инспектора. Сами участники оцениваемых соревнований. Разве может кто-нибудь сравниться с ними в глубине знакомства с трассой, если они прошли ее на высоком эмоциональном накале, прочувствовали каждым своим нервом, каждой клеточкой мозга? Разве может кто-нибудь более квалифицированно, чем участники со-

ревнования (все вместе!), сказать, в какой мере было (я это слово подчеркиваю и к нему еще вернусь) соблюдено равновесие между «умом» и «силой»?

Это утверждение, я надеюсь, не обидит ни инспекторов, ни членов спортивно-технической комиссии (которым и до сих пор иногда приходится участвовать в оценке трасс), если они примут во внимание два обстоятельства. Во-первых, речь идет о соревнованиях высшей, первой, второй и третьей групп, в которых участвуют десятки мастеров спорта, кандидатов в мастера и опытных первоурядников с очень высокой «суммой квалификации». А во-вторых, имеется в виду конкретная квалификация, т. е. способность дать правильную оценку именно данной трассе, а не трассам вообще.

Несколько слов о том, что участники при такой «самооценке» будут оценивать, по существу, не то, что оценивает сейчас инспектор.

При существующей системе инспектирования и оценки трасс инспектор основное время тратит на проверку трассы до соревнований — на анализ точности карты, точности постановки КП, на устранение всяких огрехов в работе постановщика. Тогда же инспектор формирует и свое мнение о предполагаемой группе соревнований. Далее, считается, что инспектор присутствует на трассе в момент соревнований и на этом основании в акте о сдаче дистанции проставляет окончательную оценку (группу) соревнованиям. Вроде бы все предусмотрено, и в конце концов «звучит» лишь мнение инспектора о том, какой трасса оказалась в момент соревнований.

Однако не все так просто. Во-первых, инспектор не всегда присутствует на трассе в момент соревнований; во-вторых, он один и подчас просто не в состоянии достаточно полно охватить всего, что происходит на трассе; в-третьих, на инспекторе висит груз его же предварительного мнения о группе соревнований, которое также должно быть занесено в акт о сдаче дистанции, и груз воспоминаний о выявленных им недочетах в работе постановщика трассы.

Участникам же соревнований нет дела до того, какие огрехи в карте и на трассе были обнаружены и кто их исправил. Им важно лишь, какой в результате оказалась трасса. Участники (и только они) могут судить, насколько справедливой и технически сложной была трасса

в реальных условиях соревнований (погода, стартовый интервал, роль встречного бега и т. п.).

Так что же важнее знать для оценки дистанции прошедших соревнований: какой она может быть или какой оказалась в действительности?

Высказываясь за использование мнения о трассе самих участников в качестве основного (а может быть, и единственного) звена оценки соответствия технического уровня соревнования составу спортсменов, я предвижу главное возражение: мнение это необъективно, так как принадлежит заинтересованной стороне.

Да, участники необъективны (как, впрочем, иногда и инспектор, например из-за особых взаимоотношений с постановщиком трассы). Они заинтересованы в том, чтобы поднять категорию соревнований: тогда мастерские нормативы выполнит и подтвердит большее число стартовавших. И кандидатские тоже. Но ведь мнение участников о трассе можно существенно очистить от необъективности.

Правомерно предположить, что необъективные оценки трасс будут давать прежде всего неудачники данной дистанции и ее герои. Неудачники, оценивая соответствие сложности трассы заявленной группе и рангу соревнований, которые определяются составом участников, будут склонны, видимо, преуменьшать сложность, сваливая всю «вину» за свое неудачное выступление на неправильную постановку КП или неточности в карте. Призеры же, скорее всего, наоборот, дадут завышенные оценки. Чтобы избавить коллективную оценку соревнований от подобных «эмоциональных всплесков», можно поступить так. Выписать все оценки соответствия трассы заявленному рангу соревнований (подчеркиваю, оценки соответствия, а не сложности), которые дали ей все закончившие трассу участники, в порядке их убывания (или возрастания). Затем какую-то часть оценок, например 20%, отбросить сверху колонки цифр и снизу — поровну с каждой стороны. Или, если есть основание считать, что какая-то из групп (неудачники или герои) особенно необъективна, отбросить большую часть оценок именно с ее стороны.

В действительности формирование и использование системы самооценок может проходить следующим образом.

Каждый из финиширующих спортсменов, сдав свою карту, тут же в огороженной флажками зоне, заполняет

такую карточку (которая может быть просто другой стороной карточки участника):

Фамилия, и., о. _____

№ _____

Разряд _____

Достаточно ли корректна трасса	Оценка соответствия трассы заявленной группе	Замеченные случаи совместного бега

Первая графа охватывает всю совокупность факторов, влияющих на справедливость результатов соревнования: точность постановки КП, точность карты в существенных местах трассы, роль встречного бега для взятия КП в целом на всей трассе и т. п. Как обобщение всего этого, в графе должно быть записано положительное или отрицательное мнение участника: «да» или «нет». Во второй графе дается оценка трассы, в виде целого числа от 1 до 10, в третьей — либо прочерк, либо краткая запись примерно такого содержания: «№ 77 и № 81 на дороге между КП 3 и КП 4».

Заполненные всеми участниками соревнований карточки обрабатываются судьями. В первую очередь проверяется первая графа. И если сумма отрицательных ответов в ней превысит, например, 10% общего числа опросных карточек (или 5% — эту цифру можно установить путем экспериментов), то личные (с точки зрения разрядов, баллов в ранговую таблицу и т. п.) результаты соревнования после проверки обоснованности отрицательных ответов должны быть аннулированы, и анализ других граф может производиться лишь ради «спортивного интереса». При благоприятном исходе «референдума» по первой графе можно переходить к обработке следующей. Допустим, финишировали и уложились в контрольное время (а, видимо, только они должны иметь право участвовать в ответах) сто человек. Пять из них в качестве соответствия сложности трассы заявленной группе поставили число 10, а многие другие — 9. Недовольных трассой также оказалось немало, и они поставили 7 «двоек» и 5 «троек». Такой разнобой маловероятен, но как пример право на существование имеет. Если отбросить по

десять оценок с каждой стороны, то «десяток» и «двоек» в дальнейших расчетах не будет совсем, а «девяток» и «троек» станет меньше соответственно на 5 и на 3. Оставшиеся числа суммируются, и вычисляется средняя оценка. Если она больше, например 7, заявленная категория трассы сохраняется, если меньше 4 (цифры здесь, естественно, условные), группа соревнования снижается на две единицы, если же средняя оценка участников будет между этими крайними значениями, — лишь на одну.

Третья графа карточки опроса. Тут все ясно, и судьи должны поступать в соответствии с правилами соревнований: если какая-либо «парочка» участников будет упомянута в графе дважды (на разных отрезках трассы), результаты каждого из них должны быть аннулированы с соответствующими дисциплинарными последствиями для любителей совместного бега.

Описанное — лишь вариант формы «референдума». Можно предложить и другие варианты, особенно для второй графы карточки опроса: например, оценивать соответствие трассы той или иной группе не количественно (числом от 1 до 10), а в принципе, т. е. словами «да» или «нет».

Форма опроса несущественна, она может быть установлена в результате экспериментов, важно, чтобы обработанные результаты опроса участников соревнований служили решающим основанием для оценки трассы. В дальнейшем «проголосованная» оценка должна быть проконтролирована территориальным инспектором или членами спортивно-технической комиссии (СТК). Сохранить эту последнюю инстанцию утверждения соревнований высшей, первой и второй групп целесообразно не столько по соображениям контроля наиболее значительных соревнований, сколько (да простят меня уважаемые члены СТК) для постоянного повышения их собственной квалификации и осведомленности об изменениях в коллективном взгляде на спортивное ориентирование. Ведь именно развитие нашего вида спорта, а не разработка способов присвоения разрядов и званий — главное в любой системе оценки трасс. (Я думаю, что, когда все разряды и звания мы будем присваивать только исходя из ранга соревнований, т. е. учитывая *лишь состав* участников, любая система «самооценки» трасс будет давать особенно полезную информацию, поскольку тогда участ-

ников соревнования, выставляющих оценки, нельзя будет обвинять в необъективности.)

Разумеется, совершенствуя свое понимание ориентирования, члены СТК и центральной секции вовсе не должны слепо прислуживать такому выраженному в цифрах общественному мнению о желаемом направлении развития ориентирования. На то они и находятся в месте концентрации всех взглядов и всей информации, чтобы вовремя замечать и ликвидировать перекосы в развитии ориентирования.

Может возникнуть вопрос: не останется ли инспектор не у дел при такой системе контроля и оценки трассы? Нет, конечно. Его главная обязанность — проверять точность карты и установки КП до соревнований, когда все еще можно исправить. Ведь проскочившая мимо инспектора неточность может вообще сорвать соревнования. Кстати, первая графа в приведенном выше варианте карточки опроса имеет смысл инспектирования самого инспектора и подчеркивает безусловное главенство точности карты, точности установки КП и создания равных условий для всех спортсменов перед техническим совершенством трассы и другими подобными ее свойствами.

Еще вопрос: нужна ли тогда будет методика оценки трасс? Нет, не нужна. Точнее, почти не нужна: ее может использовать инспектор для вычисления количественной оценки трассы, чтобы сформулировать предварительное мнение о предполагаемой группе соревнований, соответствие которой и должно быть установлено «референдумом». Однако опытный инспектор это в состоянии сделать и без методики. Для последней же есть другое, на мой взгляд более подходящее назначение — служить памяткой для постановщиков трасс. Можно сохранить и систему штрафных баллов, но тогда она будет иметь смысл системы «важностей» учета различных факторов, влияющих на планировку трассы. Что же касается числовых оценок за различные неточности, то их из такой памятки следует изъять. Точность карты, точность установки, обеспечение равных условий для всех спортсменов — категории высшего порядка, и просто неправильно (если хотите, непедагогично) измерять их в тех же единицах, что и факторы, влияющие на планирование трассы. Все, что связано с точностью, должно строго (с минимальными отклонениями) выполняться. Это — ос-

нова спортивного ориентирования, которое, вопреки своему названию, в принципе не выносит ничего ориентировочного (в карте, в постановке КП и т. п.).

И последнее, связанное с такой системой самооценки: должны ли ее выводы иметь, так сказать, юридическую силу или же на более высоких инстанциях можно с ними не согласиться и изменить?

Думаю, что за территориальным инспектором и за СТК следует оставить такое право, которым они в исключительных случаях могут воспользоваться. Но обязательно с серьезной (и письменной) аргументацией своего несогласия с оценкой, полученной в результате опроса спортсменов. И лучше, если аргументация будет подкреплена дополнительным инспектированием трассы при участии членов СТК или ее полномочных представителей. С аргументацией должны быть, разумеется, ознакомлены и участники того соревнования, самооценка которого вызвала протест.

Для профилактики разнобоя в оценках трассы участниками, с одной стороны, и более высокими инстанциями — с другой, полезно периодическое специальное инспектирование соревнований, проводимых в секциях, которые на примете у СТК. Лучше, если такое инспектирование будут проводить не члены СТК, хорошо известные всем, а их представители, соответствующим образом замаскированные, чтобы не влиять на результаты опроса участников известием о том, что «к нам приехал ревизор».

Приведенный выше образец карточки опроса, пояснения к ней и все рассуждения, связанные с системой самооценки, не предложение, а только идея. И если она вызовет интерес, то на первых порах (может быть, целый сезон) ее осуществление должно носить характер эксперимента. И уж затем, когда появится опыт и будут ясны некоторые цифры (прежде всего проценты «отсечения» высоких и низких оценок), следует подумать о введении этой, на мой взгляд более надежной и справедливой, системы оценки трасс.

Хочу еще раз и очень определенно подчеркнуть основное в ней. Оценка, выраженная, например, цифрой, которую каждый участник должен проставить во второй графе опросной карточки,— это оценка не сложности трассы, а ее соответствия заявленной группе соревнований. Слишком сложная в техническом отношении трасса на сорев-

нованиях второй группы должна получать пониженную оценку, как и слишком простая на соревнованиях высшей группы. Например, соревнования второй группы, проведенные по карте, подобной NOM-71, должны быть оценены объективными участниками третьей или даже четвертой группой. И никакого парадокса здесь нет. Можно ли считать соревнования соответствующими данной группе, если они проходили по карте, которая для большинства участников была «пустой», а КП стояли «в молоке»?

Идея «референдума» среди спортсменов по важным вопросам ориентирования сама по себе не нова, и это понятно: ориентирование — настолько многообразный, тонкий и скрытый от глаз наблюдателей вид спорта, что просто неправильно ответственность суждения о важных его сторонах и желательных путях развития возлагать на отдельных людей, пусть даже очень квалифицированных. Необходимо знать мнение многих.

В числе инициаторов общественного опроса ориентировщиков можно назвать В. Алешина, одного из ведущих наших теоретиков и практиков в постановке дистанций. Составляя специальные, довольно обширные по числу вопросов анкеты, он раздавал их на крупных соревнованиях ведущим спортсменам. Полученные ответы были любопытны, а порой даже неожиданны. Упоминание об анкетах Алешина я привел здесь в качестве призыва к организаторам и судьям следить за глубинными процессами в ориентировании глазами его основных действующих лиц — спортсменов. Это позволит наиболее правильно и гармонично развивать его.

После разговора о картах, трассах и способах их оценки приведу карту с нанесенной на ней трассой (схема 15). И карту, и трассу я вовсе не собираюсь рекомендовать в качестве образцовых, а рассматриваю лишь как иллюстрацию к некоторым своим высказываниям. Мне кажется, что карта и трасса очень подходят для этой цели по двум причинам.

Во-первых, они обладают отрицательными качествами и с точки зрения методики оценки трасс могут быть оштрафованы. В методике есть более 20 пунктов, по которым можно начислять штрафные баллы, пользу-

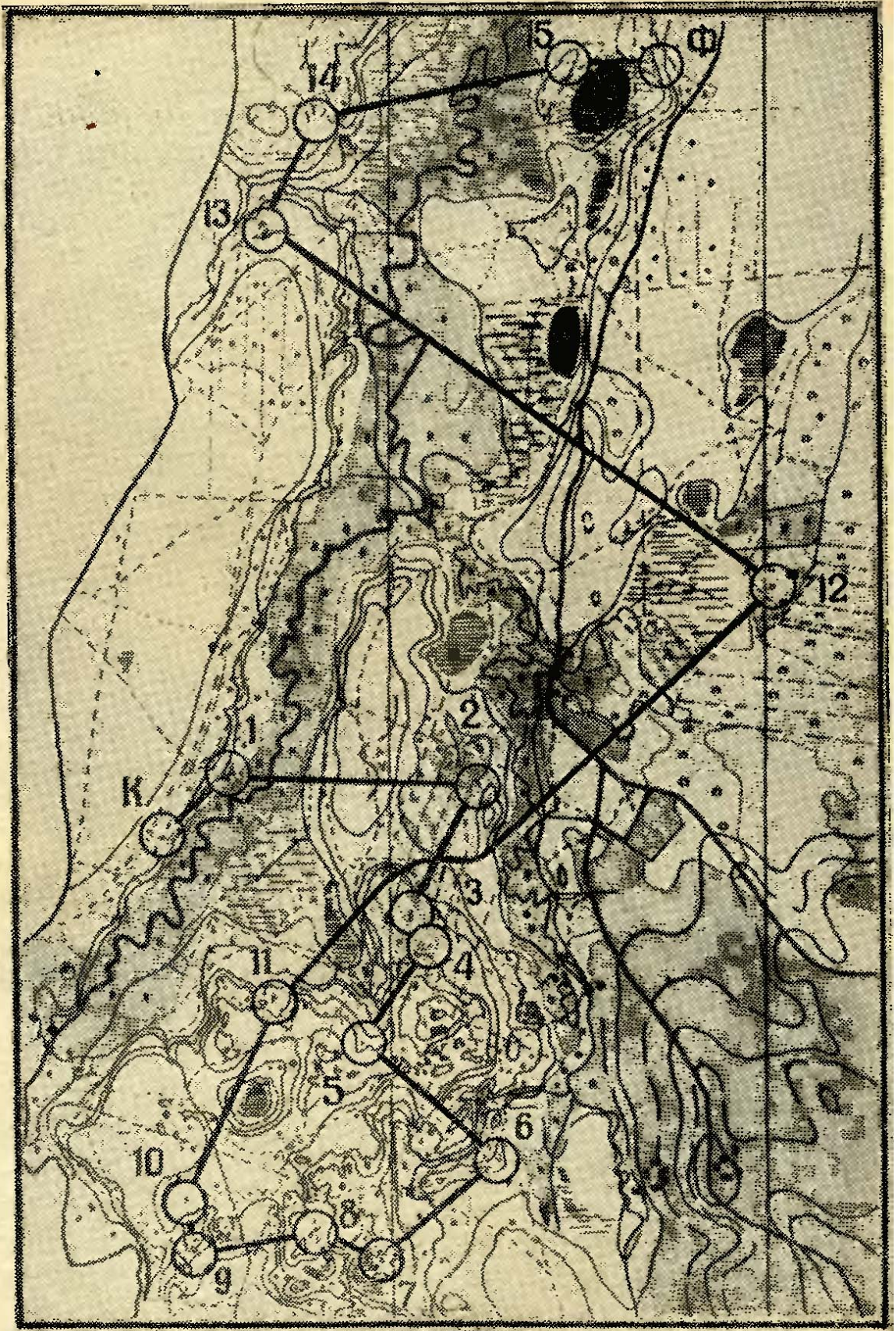

Схема 15

ясь лишь картой, не побывав на местности и не проверив всю трассу и условия проведения соревнований. Я не буду этим заниматься, а лишь укажу на ряд «методических минусов» трассы и карты.

Некоторые отрезки, например КП 1 — КП 2 и КП 14—КП 15, не имеют вариантов путей движения, а преодолеваются напрямик, по азимуту. За контрольными пунктами, находящимися на концах этих отрезков (КП 2, КП 15), а также за некоторыми другими четкие ограничивающие ориентиры (большие поляны, канавы, озеро) находятся ближе 150 м. Ряд КП (1, 2, 6 и др.) берется на встречном беге.

На длинных отрезках трассы (КП 11 — КП 12 и КП 12 — КП 13) наиболее выгодные пути в основном проходят по линейным ориентирам (дорогам, просекам и тропам — в обоих случаях севернее прямых, соединяющих КП), движение по которым на отдельных отрезках длиной до 800 м не требует чтения карты.

Видимость ряда контрольных пунктов (4, 5, 7, 8, 11-го и некоторых других) была менее 5 м — по карте этот факт установить нельзя, я отмечаю его как участник тех соревнований.

Наконец («наконец» не потому, что минусов больше нет, а просто их уже и так набралось достаточно, при необходимости «изъянов» трассы можно назвать еще столько же), средняя насыщенность карты по сравнению с современными картами низка, особенно в северной ее части, в районе трех последних отрезков, хотя в южной части, там, где поставлено большинство контрольных пунктов, плотность местами значительна.

Все эти минусы (а также другие, не указанные) приводят к тому, что трасса, просчитанная по методике оценки дистанций, получает от 25 до 35 штрафных баллов (смотря по тому, как считать) и «набирает» либо вторую, либо третью группу.

Во-вторых, приведенная карта с трассой является, на мой взгляд, неплохим подтверждением того, что «внешность» (карты и трассы) обманчива.

Мне, например, не часто приходилось бегать по трассе даже первой группы, которая была бы лучше описываемой. Больше того, это вообще одна из лучших трасс, на которых мне довелось выступать в период 1967—1971 годов (а в упомянутый период я участвовал почти во всех на-

ших крупных соревнованиях). На этой трассе, думаю, не стыдно было бы провести и чемпионат страны.

Чем же понравилась мне трасса?

Прежде всего тем, что первый контрольный пункт находится близко, стоит на конце единственной в районе канавы. Есть лишь один вариант пути к нему — по лугу вдоль реки «до упора» в канаву. Взятие КП 1 облегчается, ибо на подходе к нему видно, как пересекает луг, двигаясь в сторону КП 2, предыдущий участник (встречный бег здесь, вопреки общепринятому мнению, не является недостатком).

Все перечисленное хорошо потому, что на первом отрезке постановщик трассы не устраивает решительной проверки мастерства спортсменов, а дает им возможность снять предстартовое напряжение, чтобы затем потребовать более высокого спортивного достижения. Используются все средства, чтобы соревнования начались от КП 1, а не от точки К (пункт выдачи карт).

Но вот соревнования начались. Обрадованные, что так все легко получилось на КП 1, участники, взглянув на свои карты, видят, что на отрезке КП 1 — КП 2 лишь один вариант — азимутный бег. И они смело устремляются вперед, с расчетом «стукнуться», в конце концов, об один из ярко выраженных бугров и отскочить в сторону КП 2. Лес тут редкий, разогнаться есть где. Видимо, все ориентировщики прошли отрезок без крупных ошибок.

На отрезке КП 2 — КП 3 тоже все просто, надо лишь вернуться немного назад (опять встречный бег?!) и дальше по границе между полосами посадок, не думая, двигаться до КП 3.

Все просто, скорость нарастает, и вот тут-то начинается... КП 3 — КП 4 — отрезок в каких-нибудь 100 м. Но их надо пройти исключительно точно, чтобы выйти по азимуту к небольшой яме, где стоит знак КП 4. Надеяться, что этот КП будет взят «по спинам» или на встречном беге, не приходится: в лесу есть хоть и не очень густой, но непроницаемый для взгляда сосновый подлесок. Мне кажется, многие здесь ошиблись. Впрочем, наказание было несуровым, так как сразу за КП 4 дорога останавливала всех и давала возможность взять КП с другой стороны.

Неожиданная (но несокрушительная) задержка только распалила, и спортсмены бросились отыгрываться —

по азимуту на КП 5. И тут слишком нетерпеливым был нанесен сильный удар, так как отрезок КП 4 — КП 5 и сам пятый контрольный пункт оказались очень сложными. Ложбина между КП поросла густым сосновым подлеском, и надежный заход на КП 5 был, по-видимому, только с просеки западнее его. Но кто же на таком коротком отрезке будет подбираться к КП с «тыла»?

Я не буду подробно описывать достоинства последующей серии коротких и средних отрезков. Замечу лишь, что на отрезке КП 5 — КП 6, по-моему, была дана возможность неудачникам прийти в себя, а дальше опять продолжалось сложное ориентирование, требующее ювелирной точности на подходе к контрольным пунктам. В этой части трассы всюду вблизи КП густой подлесок и видимость минимальная, но скопления участников не происходило, поскольку каждый, найдя КП, крадучись, уходил дальше на трассу.

Первый длинный отрезок интересен тем, что наиболее очевидный путь (кратчайший выход на поле, и от него через редкие кусты на лугу азимутом до труднопроходимого треугольника, внутри которого расположена полянка с контрольным пунктом) вовсе не оптимальный. На нем очень зыбкие привязки у КП — многочисленные сухие канавы (на карте показаны пунктиром). А наиболее надежно этот пункт брался с севера, от угла большой поляны. Путь туда по просеке и по тропам (мимо болота в центре карты) был хоть и длинным, но скоростным.

Второй длинный отрезок КП 12 — КП 13 — тоже крепкий орешек. Обширные заболоченные пространства между КП отбивают желание двигаться напрямик, и большинство участников шли на север, на обходной дорожный вариант, но с той стороны (с востока) на подходе к КП 13 очень нечеткие привязки.

Отрезок КП 14 — КП 15 вроде бы немудрый: на восток, через болото до озера, а там влево по тропе, на которой стоит контрольный пункт. Но у него и задача такая — подбросить «гирьку» на ту чашу весов, где написано «сила». Ведь ум участников и так был проверен достаточно.

Таковы достоинства этой трассы, вернее, мое понимание ее достоинств. Я не расспрашивал подробно постановщика о его замыслах, но думаю, что не все, что я на ней увидел, он заранее продумал. Просто так полу-

чилось, потому что постановщик чувствовал: именно так будет лучше. Я умышленно говорю о постановке трассы в столь неопределенных словах, чтобы подчеркнуть ее творческую природу. Как и всякое искусство, трасса ориентирования должна быть не только от «ума», но и от «внутреннего света» ее автора, и не всегда она разбирается «по косточкам».

Мне остается раскрыть инкогнито карты — в августе 1969 года по ней были разыграны личные призовые соревнования сильнейших ориентировщиков Эстонии. Интересно, что соревнования, в которых участвовала чуть ли не половина сильнейших мужчин-ориентировщиков страны, дали такой разброс результатов: победитель — 1 час 20 минут, второй призер — 1 час 32 минуты, третий — 1 час 48 минут (далее результаты плотные). И это при безукоризненной точности карты и постановки КП.

Карту, располагая очень плохой картой-основой, за сравнительно короткий срок откорректировал один (подчеркиваю, один) человек — О. Кярнер. Правда, ему помогали благоприятствующие обстоятельства: местность находится недалеко от его дома, здесь он обычно и тренировался до того, как стал ставить трассу. Это, как

нетрудно заметить, нашло отражение и на карте, которая откорректирована не по всему полю, а только под трассу.

Несколько слов о самом творце карты и трассы. Кярнер не является теоретиком в области постановки трасс, он «всего-навсего» сильный спортсмен, одержавший две личные победы в летних всесоюзных соревнованиях. Причем в разные эпохи корректировки карт и планировки трасс — в 1965 и 1970 годах.

СПОРТИВНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Понятие это довольно общее, и, чтобы сделать разговор более направленным, необходимо выделить три вопроса: 1) создание условий, в которых бы ориентирование не являлось лотереей; 2) создание равных условий для всех участников; 3) утверждение принципа «честная борьба важнее любого результата».

Первый из перечисленных вопросов находится в тесной связи с точностью карт и точностью постановки контрольных пунктов. Требования к точности должны иметь безусловное преимущество перед любыми другими требованиями и пожеланиями к картам и трассам (быть подробными, разнообразными, сложными и т. п.). Достаточно судьям допустить лишь одну принципиальную неточность в карте или постановке КП, чтобы участники (даже один из них) имели основание ставить вопрос об аннулировании всех результатов соревнований (во всяком случае, личных). В качестве примера таких принципиальных неточностей можно назвать: изображение условным знаком «редкий лес» большого, играющего важную роль на трассе труднопроходимого пространства; или установку контрольного пункта в скрытом месте (в ямке) совсем не на том берегу ручья, на котором он стоит на контрольных картах. Неточностей второстепенных (дорога от просеки отходит заметно не в том направлении, холм явно не той высоты и т. п.) требуется также не очень много, чтобы полностью испортить самую разынтересную трассу.

Вопрос о неточности карт и судейских ошибках, в общем-то, ясен. Главное здесь, как мне кажется, разработать разумные и в то же время достаточно жесткие правила поведения судейской бригады на случай появления подобных ошибок. Разрабатывая такие правила, на-

до учитывать специфику каждой разновидности ориентирования. На маркированной трассе, например, ошибка в постановке КП (или, что то же самое, — в нанесении его местоположения на контрольную карту), видимо, может вообще не оказать влияния на результаты соревнований, особенно если она грубая. Дело, во-первых, в том, что ошибка в постановке КП на «маркировке» не нарушает условий и ритма работы участников соревнований на трассе: они идут по разметке и наносят КП там, где видят их на своей карте. Во-вторых, ошибка на «маркировке» может быть легко обнаружена. Финишируя, спортсмены смотрят на контрольную карту и заявляют, что КП стоит не там. Если таких заявлений достаточно много, то ясно, что КП указан неправильно. Кстати, именно так произошло в 1969 году на зимнем матче ориентировщиков Ленинграда и Москвы. После финиша выяснилось, что на КП 5 мужской трассы штрафа не получил лишь один участник, а вся «рота шла не в ногу». Повели тогда начальника дистанции в район этого КП, и он там же, на месте, признал свою ошибку.

А вот неточности на трассах заданного направления, где происходит поиск знака КП, — совсем другое дело.

Вопрос равенства условий для всех участников соревнований уже сложнее, потому что зависит от различных факторов — как организационных, так и связанных с планированием трассы и выбором местности для нее. Попробую отделить эти факторы один от другого, причем буду говорить только о летних трассах в заданном направлении. На «маркировке» вопрос создания равных условий для всех спортсменов (при достаточной корректности трассы) состоит лишь в подготовке хорошо накатанной лыжни.

Раздельный старт на соревнованиях в заданном направлении служит для того, чтобы предоставить каждому участнику возможность самостоятельно решать все возникающие перед ним задачи в ориентировании. При чем продемонстрировать свое умение, а не использовать умение других спортсменов. Эта цель, видимо, полностью была бы достигнута, если бы удалось осуществить стартовый интервал, при котором спортсмены практически не могли бы увидеть друг друга на трассе, например, полчаса. Однако даже при небольшом числе участников (20—30 человек) такой стартовый интервал растянул бы

соревнования на два-три дня и сделал бы их вообще невозможными или, во всяком случае, полностью нарушил бы сам принцип равенства условий (кто стартовал утром, кто вечером, кто в дождь). Приходится сокращать интервал старта, доводя его, например, до минуты. А при таком интервале условия для стартующих в начале и в конце явно неравны: «задние» имеют больше шансов, чем «передние», встретить участников вблизи КП, в этих точках концентрации спортсменов, и в результате в среднем тратят меньше времени на поиск контрольных пунктов.

Радикальное средство против этого — постановка нескольких трасс и распределение по ним всех ориентировщиков в соответствии с их квалификацией. При том же времени, необходимом для старта участников, это позволяет увеличить стартовый интервал до 2—3 минут. Однако если постановка нескольких трасс затруднительна по каким-либо техническим причинам и все стартуют по одной трассе, следует идти по пути выравнивания условий для спортсменов приблизительно одинаковой квалификации. А именно создать несколько групп стартующих, например сильнейшую, средней квалификации и слабую. Естественно, наиболее равные условия должны быть обеспечены сильнейшей, хотя бы потому, что справедливое отражение ее подготовки в результатах важно для формирования различных сборных команд, составления ранговой таблицы и других подобных целей.

В каком же месте среди всех стартующих должна размещаться группа сильнейших?

Обычно ее ставят вначале. Вряд ли это самое подходящее для нее место: ведь у стартующего первым в группе сильнейших впереди нет ни одного участника, и если он не сделает на трассе грубых ошибок, то у него практически нет никаких шансов взять какой-либо КП с помощью других спортсменов. А вот у стартующего в конце группы сильнейших шансы «подхватить» КП на встречном беге уже немалые.

В самом конце — тоже не лучшее место для группы сильнейших, так как это может вызвать при большом числе стартующих чрезмерную задержку старта сильнейших. Кроме того, если неудачно выбрана местность, могут появиться слишком заметные тропы вблизи КП, и тогда резко упростится само ориентирование.

Таким образом, лучшее место для сильнейших, видимо, где-то в середине стартового протокола, точнее, в «начале середины».

Организация старта — лишь одна, причем далеко не основная, мера из тех, с помощью которых можно обеспечить примерно равные условия хотя бы для части стартующих. Значительно более эффективно и демократично (для всех участников соревнований, а не только для элиты) пытаться уравнивать условия подбором местности для соревнований и планированием трассы.

Взаимоотношения между характером местности и стартовым номером спортсмена ясны. Чем больше стартовый номер, тем спортсмену выгоднее, например, в редком лесу без подлеска, на местности с большим количеством открытых пространств, с редкой сетью дорог и просек (во всех таких случаях задние бегут «по спинам» передних). А также при наличии в лесу, особенно поблизости от КП, густой травы или участков с заболоченной глинистой почвой (ориентировщики оставляют следы, которые для задних уже превращаются в тропы, особенно заметные на начальных отрезках движения с одного КП на следующий).

Из всего сказанного очевиден вывод: чтобы стартующие в середине и в конце не получали преимущества перед стартующими вначале, надо стараться не проводить соревнования на местности, обладающей перечисленными выше свойствами, т. е. являющейся легкопроходимой напрямик. Степень проходимости следует связывать не только с густотой подлеска или наличием завалов, ее определяют также рельеф местности, состояние почвы под ногами, камни, болота и т. п.

С другой стороны, важно, чтобы местность не была безнадежно непроходимой, т. е. чтобы в качестве рассеивающих ориентиров служили не только озера, огороженные забором садовые участки или неубранные посевы. Ведь, обходя их, спортсмены будут концентрироваться в двух крайних точках этих ориентиров, и задние номера опять окажутся в более выгодной позиции. Рассеивающие ориентиры должны в полном смысле слова «рассеивать»: очень осторожных — отталкивать и заставлять двигаться в обход, а предпочитающих рисковать — «затягивать» и пропускать сквозь разные свои «отверстия» и «перешейки». Таким ориентиром могут оказаться изобра-

женный на карте густой подлесок (хорошо, если площадь, занятая им, имеет причудливую форму и рассечена полосами легкопроходимого леса), или средней высоты распластанные холмы, или моховые болота с плоскими островками — гривками.

В местности с большим количеством рассеивающих ориентиров, умело вписанных в трассу, участники идут разнообразными путями, и преимущество заднего номера, по существу, исчезает.

Таково значение характера местности в выравнивании условий соперничества для спортсменов, оказавшихся в разных частях стартового списка. Но есть и еще один важный фактор — сама трасса, ее планировка.

Выше я приводил серьезный, на мой взгляд, аргумент против увлечения большим количеством КП на трассе: оно ведет к однообразному по характеру и тактике ориентированию (т. е. к ориентированию по принципу «как можно чаще обращаясь к карте, сличать ее с местностью»). Я допускаю, что не все будут согласны с моим возражением против такой трактовки ориентирования — все дело в понимании сущности нашего вида спорта, которое как общепризнанное еще не сформировалось и имеет много «персональных» оттенков. Но здесь я хочу подчеркнуть еще один довод против большого числа равномерно расставленных на трассе контрольных пунктов, довод, который трудно подвергнуть сомнению. При такой расстановке нарушается равенство условий, так как уменьшение среднего расстояния между КП выгодно прежде всего задним номерам. На коротких отрезках, как правило, нет смысла тратить время на выбор пути, выгоднее идти напрямик на КП, посмотрев лишь, где именно пункт, и контролируя расстояние счетом шагов. В такой ситуации задние номера имеют значительно больше шансов проходить от КП до КП «по спинам» бегущих впереди. А если местность травянистая и много мокрых участков, то задние бегут просто по тропам, натоптанным теми, кто стартовал раньше. Где уж тут равенство условий.

Хороший пример, иллюстрирующий влияние большого числа КП на результаты, — соревнования эстонского этапа многодневки в августе 1970 года, которые я уже упоминал в связи с вопросом планировки трасс. В первый день этапа на мужской трассе длиной 10,5 км стояло 23 КП, а на женской — на 7,5 км их было 17. Соревнования всех групп у мужчин и у женщин проводились на одной

трассе. Вначале стартовала группа «А» (мастера и кандидаты), затем — группа «Б» (перворазрядники). Естественно, при такой густоте контрольных пунктов группа «Б» бежала уже по тропам, набитым спортсменами, стартовавшими в группе «А». И вот результаты: победительница в группе «Б» показала абсолютно лучшее время, победитель на мужской трассе в группе «Б» — третий результат среди всех стартовавших. А ведь в группе «А» у мужчин и женщин стартовало примерно по 20 мастеров спорта...

На трассах со средними и длинными отрезками самостоятельности значительно больше, так как на длинных отрезках каждый старается выбрать самый выгодный вариант пути и, затратив усилия и время на такой выбор, вовсе не склонен бросаться за подвернувшимся на КП соперником, если с ним не по дороге.

Подведу итог соображениям по планированию трассы с точки зрения создания всем спортсменам равных условий: чем разнообразнее спланирована трасса, чем меньше на ней «цепочек» из коротких отрезков, тем более равными (в среднем) становятся условия для всех спортсменов.

Наконец, третий из числа главных вопросов в проблеме спортивной справедливости — честность в борьбе на трассе. Вопрос этот особый, он больше из области морали и этики, но я тем не менее хочу коснуться его здесь, так как он также связан и с выбором местности, и с планированием трассы.

Нарушений условий честной борьбы на трассе можно назвать несколько: прохождение трассы заданного направления не в указанном, а в произвольном, более выгодном, порядке (когда порядок прохождения КП не регистрируется системой отметки на контрольных пунктах), заглядывание на КП в карту соперника (на маркированной трассе) и т. п. Эти нарушения и подобные им встречаются в практике соревнований очень редко, и на них, как на каких-то нерешенных вопросах, не стоит останавливаться. Есть лишь один вид нарушения принципа честной борьбы, встречающийся сравнительно часто и требующий внимания, — совместный бег на трассах заданного направления.

Вопрос этот важен еще и потому, что некоторые спортсмены подводят под совместный бег «теоретическую» подкладку — непосредственный контакт и прямое соперничество участников на трассе, говорят они, обогащают такти-

ческий рисунок соревнования, делают их напряженнее и психологичнее.

Несостоятельность такого рода рассуждений вполне очевидна. На соревнованиях обычно и дается отдельный старт, чтобы заставить каждого спортсмена самостоятельно решать возникающие перед ним задачи по ориентированию. В противном случае почему бы не устраивать на каждом соревновании общий старт? Вот уж где было бы раздолье для любителей тонких «тактических» действий и «психологических» приемов. (Кстати, такие «приемы» нередко можно наблюдать в эстафетах, когда слабая команда ставит на первый этап сильного бегуна и, не требуя от него умения ориентироваться, снабжает таким «тонким» тактическим заданием: «Не отпускаяй ни на шаг парня с номером семь!» И вот носятся по лесу парочки-связки — спортсмен и «прилипала».)

Несостоятельность попыток подвести теоретическую базу под совместный бег очевидна, и именно поэтому на самых крупных соревнованиях устраивается стартовый интервал в 3 минуты, т. е. существенно больший, чем, например, в лыжных гонках. А в эстафетах на первенствах мира дается отдельный старт.

Отношение к совместному бегу как к недопустимому поведению спортсменов отражено в правилах соревнований по ориентированию в различных странах. Казалось бы, все ясно. И все-таки он существует, злополучный совместный бег.

И потому требует к себе внимания.

В начале 1972 года в болгарской газете «Эхо» была проведена дискуссия о совместном беге. В одной из статей известный болгарский ориентировщик М. Галов приводит своего рода классификацию совместного бега. Все нарушители условия честного и самостоятельного продвижения по трассе разделяются им на три категории:

1) новички, бегающие, «взявшись за руки», в основном из-за боязни в одиночку запутаться в затейливой паутине карты;

2) спортсмены средней квалификации — второго, а иногда и первого разрядов, добившиеся их на легких с технической точки зрения трассах благодаря высокому уровню своей физической подготовки (часто бывшие легкоатлеты-стайеры или лыжники). Представители этой категории — откровенные преследователи. Цель у

них одна—приложить к своим быстрым ногам чужую умную голову и при помощи такой «комбинации» подняться повыше в таблице результатов;

3) спортсмены высших разрядов (сильные перворазрядники, кандидаты и мастера). Совместный бег для них, по существу, сотрудничество, и рассматривают они его как тактический прием, позволяющий в условиях острой конкуренции улучшить свой результат.

На первых двух категориях любителей совместного бега я останавливаться не буду, там все ясно: «неразлучные» новички на совести тех воспитателей или тренеров, которые выпускают на трассу неподготовленных спортсменов; «преследователи» же до того откровенны в своих действиях, что их нарушения могут быть легко установлены и наказаны (либо общественным осуждением, либо аннулированием результата). А вот сотрудничество сильных, безусловно, самая серьезная часть проблемы совместного бега.

Первая причина. Сотрудничество на «высшем уровне» обычно нарушает условия честной спортивной борьбы

именно там, где это наиболее чувствительно, — в верхних строках протокола результатов.

Вторая причина. Против сотрудничества сильных спортсменов нелегко бороться, так как они настолько умело это делают, что отличить случаи сотрудничества от случаев соперничества бывает обычно сложно.

В связи с последним соображением хочу заметить, что, строго говоря, на трассе сотрудничают все опытные спортсмены. Опишу типичную ситуацию.

Два спортсмена, двигаясь к точке, где стоит контрольный пункт от разных привязок, заметили друг друга на подходе к КП. С этого момента, особенно если контрольный пункт поставлен достаточно скрытно (например, в ямке среди ровного леса), каждый не только ищет ямку, но краем глаза наблюдает за другим спортсменом, допуская, что тот найдет КП раньше. Таким образом, спортсмены ведут поиск КП, по существу, совместно, т. е. сотрудничают, благодаря чему на данном участке трассы получают преимущество перед соперниками, которые подходят к КП в одиночестве.

Повторяю: так поступают все спортсмены, и поведение их в какой-то степени вынужденное, пожалуй, даже инстинктивное. Ведь выход на КП — один из самых волнующих моментов на трассе. Каждому спортсмену просто интересно, где находится знак КП, и вести себя в таком случае по-другому (например, стараться удалиться от соперника и искать КП не там, где нужно, — лишь бы не нарушить правила) — значит быть по-человечески неестественным. Даже нелепым. В конце концов, если так ведут себя вблизи КП все, то большой беды в этом нет. Те описанные двое получают маленькое преимущество от встречи на трассе, например вблизи КП-2, другая случайная «парочка» — на КП 7. А кто-то еще где-то. Трасса большая, и все спортсмены в итоге выравниваются в своих мелких «приобретениях». Сотрудничество же сознательное, крупное и потому нечестное состоит в другом. Чтобы его пояснить, я продолжу описание встречи у КП.

... Один спортсмен заметил ямку и КП в ней раньше другого, но не попытался скрыть от соперника этот факт — незаметно отметить и уйти дальше на трассу. Напротив, он откровенно и резко направился к знаку, по пути даже громко хрустнул, наступив на сучок, — в общем, сделал все, чтобы соперник, рыскающий по лесу

где-то в 30—50 м от него, тоже вышел на КП. Больше того, он (первый обнаруживший КП), отметившись, не бросился сразу к следующему контрольному пункту, а, отбежав несколько шагов в сторону, углубился в «изучение карты» (хотя путь на следующий КП уже выбрал где-то раньше). И только убедившись, что тот, другой, тоже вышел на КП и готов продолжать движение, начинает бег сам. Конечно, дольше 10—15 секунд ждать другого он не будет и уйдет на трассу, но когда спортсмены на подходе к КП зорко «караулят» друг друга, столько времени ждать обычно и не требуется.

... И снова бегут по лесу двое. Не рядом и, конечно, не разговаривая друг с другом,— так примитивно бегают лишь новички в делах сотрудничества. Двое бегут будто и не замечая один другого, но каждый чувствует напарника и не собирается от него отрываться, понимая, что совместный бег каждому сулит немалые выгоды. Не только при поиске КП, но и в промежутке между контрольными пунктами, когда, поглядывая друг на друга, соперники утверждают в правильности выбранного пути, когда задний, подрезая зигзаги первого, экономно бежит по густому лесу. Где-то, словно бы произвольно, они меняются местами, и тогда больше преимуществ от сотрудничества получает другой. В «искусстве» сотрудничества много тонкостей, но несомненно и главное: с момента встречи в лесу оба сотрудничающих проходят дистанцию в среднем значительно быстрее, чем проходил бы каждый из них, двигаясь самостоятельно.

В этом и состоит нечестно присвоенное ими преимущество перед всеми остальными спортсменами, преодолевающими трассу в одиночку.

Как же поступать спортсменам, если они действительно одновременно вышли на КП и, отметившись, почти одновременно начинают движение к следующему пункту? Что же им разбежаться друг от друга в разные стороны?

Да, разбежаться. Но не надо думать, что спортсмены, не признающие сотрудничества в принципе, ведут себя так нелепо — бегут сразу куда глаза глядят, лишь бы не оказаться рядом. Ведь встретившиеся у КП не начинают дальнейшего движения одновременно: один уходит чуть раньше, другой — на секунду-другую позже. И если между КП несколько примерно равнозначных путей, то спортсмен, оказавшийся позади, может «отдать» первому его

вариант движения, а себе выбрать иной. Если уж очень хочется двигаться по пути, которым начал бежать первый спортсмен, можно слегка сбавить темп и отпустить соперника, используя участок замедленного бега, чтобы осмотреть карту на следующем отрезке трассы или просто слегка отдохнуть. В общем, есть много способов, с помощью которых, практически не теряя времени (скажу точнее — не ухудшая своего общего результата), спортсмены могут расстаться друг с другом.

Конечно, подобные способы бессмысленно применять на отрезках, где нет вариантов в выборе путей, — на разного рода коротких и вспомогательных (например, разворотных) отрезках. В таких случаях совместный бег не может ни самим спортсменом, ни судьями рассматриваться как неэтичное поведение.

Своим убеждением в том, что ориентировщики, встретившись на трассе, должны затем стремиться разойтись друг с другом, я как-то поделился с одним сильным спортсменом. И он ответил, что считает всякое проявление подчеркнутой самостоятельности на дистанции излишним, поскольку оно мешает в достижении главной цели — наивысшего результата. Разумеется, нельзя согласиться с таким определением цели занятия спортом вообще. Главное не победа. И не участие, хотя последнее звучит по-олимпийски. Главное — честная борьба. Только тогда имеет подлинную ценность победа. И все, кто влияют на развитие ориентирования («идеологи» и организаторы этого вида спорта, а также сами спортсмены), должны позаботиться, чтобы каждая победа, каждый результат на лесных трассах были честными, т. е. самостоятельными.

Способов борьбы против совместного бега ориентировщиков на высших уровнях конкуренции можно предложить много, но я назову лишь три основных, которые в ближайшее время могут практически снять всю проблему. (Нашей заботой должно быть именно ближайшее время. В отдаленном будущем, например лет через десять, возможность сознательного совместного бега спортсменов будет, по крайней мере на крупных соревнованиях, полностью устранена радиоконтролем тех сигналов, которые непрерывно посылают в эфир миниатюрные радиопередатчики, «вмонтированные» на старте в каждого спортсмена.)

Итак, современные меры борьбы против совместного бега:

1. Подбор местности для соревнований и планирование трасс таким образом, чтобы не только наиболее полно выявить комплексное («ум» и «сила») мастерство ориентировщиков, но и создать условия, препятствующие их сотрудничеству.

2. Четкая формулировка в правилах соревнований случаев поведения спортсменов, которые могут быть квалифицированы как сотрудничество. Безусловное осуществление наказаний, предусмотренных в правилах за их нарушение в этой части.

3. Создание атмосферы нетерпимости к сотрудничеству спортсменов на трассе.

Необходимо разъяснить эти меры.

Подбор местности и планирование трассы. Выше в связи с вопросом о подготовке трассы, которая предъявляет разнообразные требования к технике ориентирования, я обращал внимание на то, что в легкопроходимой местности трудно поставить такую трассу: тщательному выбору пути спортсмены будут предпочитать прямое движение с контролем его по встречающимся крупным ориентирам. Но то не единственный минус легкопроходимой местности. Оказывается, она еще и активная «сводня» для спортсменов, злоупотребляющих на дистанции совместным бегом. Легкопроходимая местность — обычно и легкопросматриваемая, а в подобных условиях ориентировщики, бегущие на расстоянии даже 100 м друг от друга, по существу, бегут вместе (во всяком случае, задний пользуется «услугами» переднего). Кроме того, прямое движение от КП до КП увеличивает вероятность встреч спортсменов на трассе.

Выше с помощью рассуждений и ссылок на конкретные примеры соревнований, я пытался также показать, что слишком большое число контрольных пунктов на трассе обедняет ориентирование, делая его однообразным. Хочу подчеркнуть и другую отрицательную сторону большого количества КП — оно создает благоприятную почву для сотрудничества. Во-первых, спортсмены получают возможность чаще встречаться у КП — этих точек концентрации участников, точек, вблизи которых любители совместного бега наиболее крепко «сцепляются» друг с другом. Во-вторых, короткие отрезки могут

предложить, как правило, меньше вариантов путей между КП: в результате, как и в легкопроходимой местности, спортсмены чаще будут идти напрямик, и сотрудничество в подобном случае легче оправдать — ведь внешне оно выглядит уже не как совместное преодоление трассы, а как вынужденный бег в одном направлении.

Вывод из этих двух замечаний ясен и состоит в следующем.

Чтобы затруднить спортсменам сотрудничество, соревнования предпочтительно проводить в местности с достаточным количеством труднопроходимых рассеивающих участков, трассы планировать с большим числом вариантов путей между КП. А также избегать большого количества контрольных пунктов на трассе.

Легко заметить, что этот вывод полностью согласуется с высказанными ранее пожеланиями о таком подборе местности и таком планировании трассы, которые делают более разнообразным и интересным само ориентирование.

В качестве второго направления борьбы против сотрудничества спортсменов я назвал *меры организационно-правового характера* — формулировка соответствующих пунктов правил и наказаний за их нарушение. Разумеется, такие меры нужны, поскольку только подбором местности и планированием трассы нельзя полностью исключить случаи сотрудничества: большие любители совместного бега, встретившись на трассе, смогут, не теряя из виду друг друга, перемещаться и в густом лесу. И тем более на замысловатом пути по тропкам и дорогам.

Надо сказать, что «выловить» всех нарушителей правил в ориентировании очень не просто. И все же можно достаточно четко сформулировать условия, в которых действие двух (или более) ориентировщиков следует квалифицировать как сотрудничество. Для этого есть разные средства: наблюдение судей, находящихся на трассе или сидящих на КП, заявления участников соревнований, сопоставление времени прохождения спортсменами контрольных пунктов (если таковое каким-либо образом регистрируется).

Перечисленные средства отражены в правилах, разработанных Всесоюзной секцией ориентирования в 1972 году.

В правилах записано, что достаточным основанием

для обвинения спортсменов в содружестве является совпадение времени прохождения ими контрольных пунктов на том количестве КП, которое превышает половину общего их числа, или более чем на половине длины трассы. В этом пункте, сформулированном вполне определенно, затронута деликатная сторона ориентирования. Ведь совпадение времени — чисто формальный признак содружества спортсменов. Можно допустить, что два спортсмена больше половины трассы прошли в одно время, но совершенно разными путями, встречаясь лишь на КП. Совпадение времени тогда случайное.

На появление подобной случайности, очевидно, рассчитаны шведские правила. «Совпадение времени участников на некоторых отрезках дистанции, записано в них, может рассматриваться как улика, но не является доказательством совместного бега». С правовой точки зрения — все правильно (не пойман — не вор). Но если вы попытаете вычислить вероятность несправедливого обвинения спортсменов в содружестве, то убедитесь, что она исключительно мала. Я, например, пробовал это делать — для некоторой условной «модели» соревнований (трасса 14 км, число КП также 14, и расположены они по трассе равномерно). Не проводя специального статистического анализа большого количества графиков движения спортсменов по КП, я, естественно, в своих расчетах должен был пойти на ряд упрощений, интуитивных предположений. В результате получилось, что вероятность случайного совпадения времени у любых двух спортсменов подряд на половине отрезков трассы равна одной миллионной (!).

Таков риск каждого спортсмена — ни с кем не содружачая на трассе, быть по воле случая обвиненным в этом.

Допускаю, что в своей грубой схеме «якобы содружества» в результате разных упрощений я ошибся в 5 или 10 раз. Даже та вероятность несправедливого обвинения, которая в таком случае остается — одна сотысячная, — является ничтожным «взносом» каждого спортсмена на осуществление одной из наиболее четких мер борьбы против содружества. Поэтому мне и кажется запись в шведских правилах слишком нерешительной, малоэффективной, а в наших, напротив, действенной.

Формальный способ «выуживания» по графикам движения спортсменов, содружачающих на трассе, пожалуй,

единственный способ контроля за совместным бегом, который допускает свободу в толковании того, насколько надежно устанавливается сам факт сотрудничества.

Есть и более строгие, прямые, средства для выявления сотрудничающих на трассе, такие, как наблюдение судей за участниками не у КП, а на возможных путях движения между КП. Если два спортсмена замечены бегущими вместе дважды на разных участках трассы, допустим в середине и в конце ее, то вопрос о том, бегут они вместе случайно или сознательно, можно уж не обсуждать. Роль наблюдателей-судей могут выполнять и сами участники. Особенно убедительными их обобщения должны быть тогда, когда относятся к «парочке», замеченной в разных местах и разными участниками. В этом случае, как и в предыдущем, для обоснованного обвинения в сотрудничестве, видимо, достаточно двух замечаний.

Описанные, а также другие возможные способы контроля самостоятельности в преодолении трассы каждым спортсменом имеют единственную цель — установить, был ли сам факт сотрудничества. Если факт установлен, то решение должно быть одно — аннулирование результата спортсменов. При неоднократном нарушении наказание может быть и более суровым, например дисквалификация на некоторый срок или понижение разряда.

Наконец, третий путь борьбы против сотрудничества на лесных трассах — *моральное давление на любителей совместного бега*, широкое и публичное осуждение (без скидки на авторитет) всех установленных случаев сотрудничества и преследования, учет всех замечаний по поводу совместного бега при комплектовании сборных обществ, городов, национальных сборных.

Не обремененный техническими сложностями и разногласиями в толковании поведения спортсменов на трассе, этот путь может оказаться наиболее эффективным. Я, например, уверен, что, систематически используя все средства массовой информации, которыми располагают ориентировщики, можно добиться того, что абсолютная самостоятельность в преодолении лесной трассы станет одним из главных принципов каждого спортсмена, выходящего на старт с картой и компасом.

НА ПЕРЕПУТЬЕ ЛЫЖНОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ

Куда идти дальше? Такая проблема перед зимним ориентированием в нашей стране возникла лишь в начале семидесятых годов. Раньше мы знали только один вид ориентирования на лыжах — соревнования на маркированной трассе. Некогда популярные в Скандинавских странах, они затем по каким-то причинам пошли там на убыль и в настоящее время сохранились лишь как средство тренировки «летних» ориентировщиков.

В нашей стране маркированная трасса, напротив, получила как бы вторую жизнь и, быстро развиваясь, почти достигла зрелости в конце шестидесятых годов.

Именно в это время ускорился процесс роста лыжного ориентирования в ведущих странах мира (Скандинавских, ГДР, Чехословакии), который завершился первыми крупными международными соревнованиями в марте 1972 года в Болгарии, проходившими по правилам ориентирования в заданном направлении. Советские ориентировщики, готовясь к выходу на международную арену, не могли игнорировать новое для них явление и в зимнем сезоне 1971/72 года провели соревнования в заданном направле-

нии во всех ведущих секциях и на первенстве страны. Тут-то и возникла проблема — в каком направлении должно в основном идти развитие ориентирования на лыжах в нашей стране в будущем?

Смысл и «идеология» зимнего ориентирования на маркированной трассе достаточно хорошо известны, поэтому, прежде чем анализировать взаимоотношение разных видов лыжного ориентирования, я коротко расскажу о менее распространенных зимних соревнованиях в заданном направлении.

На момент, когда пишутся эти строки, мне довелось участвовать в трех таких крупных соревнованиях, состоявшихся в 1972 году: на открытом первенстве Москвы, в личных всесоюзных соревнованиях под Тулой и, наконец, в соревнованиях на Кубок Международной федерации ориентирования в Болгарии. Последние, по существу, были неофициальным первенством Европы.

Открытое первенство Москвы, 13 км, 8 КП. Эти соревнования оказались наиболее удачными из перечисленных. Успех их, как мне кажется, объясняется следующими факторами. Район Подрезкова — Плаерной, где состоялись соревнования, — популярное место лыжных прогулок москвичей, и в ту малоснежную зиму по всем тропам, дорогам и просекам были старые, хорошо накатанные лыжни. Кроме того, небольшой слой плотного снега и, в общем, редкий лес в ряде мест трассы (но не всюду, что весьма важно) позволяли идти напрямик, без лыжни. Таким образом, участники имели большой выбор вариантов путей между КП — в этом отношении соревнования мало отличались от летних. Лишь такие рассеивающие ориентиры, как глубокие овраги, заросшие деревьями, не являющиеся серьезными препятствиями летом, для спортсменов на лыжах оказались практически непреодолимыми. Пути движения разных ориентировщиков на большей части трассы, и особенно на длинных ее отрезках, существенно отличались — значит, постановщики трассы достигли своей цели.

Призерами соревнований стали, как и следовало ожидать, сильные ориентировщики, хорошо бегающие на лыжах.

Всесоюзные личные соревнования под Тулой, 15 км, 3 КП. По количеству контрольных пунктов трасса была подготовлена в соответствии с «международными стандартами», но длина ее для равнинной местности была недостаточна. Как и на первенстве Москвы, снега не хватало. Однако то, что помогло постановщикам трассы под Москвой, а именно позволило не накатывать специальных лыжней, под Тулой все испортило — во всяком случае, на мужской трассе. Произошло так потому, что, готовя карту и трассу в течение всей зимы и рассчитывая на глубокий снег к моменту соревнований, постановщики не разработали запасного варианта трассы на случай бесснежья. А на основном варианте, как раз на самом длинном ее отрезке, были большие «сопутствующие» движению поля. При глубоком снеге, как замыслили постановщики трассы, участники вынуж-

дены были бы обходить их лесами, разбираясь там в переплетении нанесенных на карту лыжней и наезженных дорог. В условиях же бесснежья, наста и хорошей морозной погоды спортсмены, игнорируя лыжни, нанесенные на карту, пошли напрямик через поля. Вдобавок задние двигались по следам передних и существенную часть дистанции вообще не ориентировались.

Плотность результатов была необычайно высокой, но далеко не все ориентировщики, хорошо бегающие на лыжах, оказались впереди, даже в двадцатке лучших: стоило допустить хоть одну небольшую ошибку на отрезках, где еще надо было ориентироваться (от старта до КП 1 и от КП 2 до КП 3), как спортсмен в протоколе результатов сильно откатывался назад.

Международный Кубок по лыжному ориентированию в Болгарии, 18 км, 6 КП. Это соревнование было принципиально важным и для ИОФ (оно рассматривалось как репетиция первого мирового первенства по лыжному ориентированию, которое намечалось провести в 1973 году в Финляндии), и для Болгарской федерации ориентирования (ей впервые поручили проведение соревнований такого высокого ранга). Организаторы добились поставленной цели — репетиция состоялась, Болгарская федерация четко провела эти трудные соревнования. И тем не менее...

...Зимой 1972 года в горах Болгарии снег выпал лишь в декабре, а потом снегопада не было всю зиму.

Во время тренировки, организованной накануне соревнования и в его районе, участники убедились, что вся местность, не считая крутых южных склонов, покрыта достаточно толстым слоем плотного смерзшегося снега. По нему можно было передвигаться на лыжах, почти не оставляя следов. Постаиовщики трасс располагали несколькими мотосанями, на которых за месяцы подготовки к соревнованиям накатали несколько сот километров лыжней. Правда, в условиях такого снежного покрова лыжни, видимо, было лучше использовать в качестве ориентиров, а двигаться — лишь на узких лесных дорогах. Несмотря на то что огромная работа по прокладке лыжней, сделанная болгарской службой дистанции, в условиях бесснежья оказалась и не очень нужной, соревнования обещали быть интересными, так как сложный рельеф не способствовал движению напрямик даже на безлесных простраиствах.

В ночь перед соревнованиями начался сильный снегопад. Снег шел всю ночь и весь день и прекратился лишь, когда финишировал последний участник. Служба дистанции безрезультатно пыталась утром перед соревнованиями с помощью мотосаней восстановить засыпанные за ночь лыжни: пушистый мокрый снег тут же засыпал их снова.

Соревнования по ориентированию на лыжах оказались, по существу, сорванными; вместо них фактически состоялась лыжная гонка в неравных условиях для участников — почти все шли по одной лыжне, проложенной первыми номерами. Спортсмены же, старавшиеся как-то хитрить и искать иные пути (т. е. ориентироваться), на этом только теряли время.

Победили на мужской и на женской дистанциях, как и ожидалось, шведы и финны. Бронзовым призером стала сильная советская ориентировщица (в прошлом — лыжница) Л. Куклина. В числе жертв внезапного снегопада оказался норвежец. Й. Велтцин, который, судя по прошлым его достижениям, мог и выиграть, но, получив по же-

ребьевке второй номер, быстро вышел вперед и дальше шел по целине, прокладывая лыжню своим соперникам. И проиграл на этом победителю, шведу Й. Аксельсону, более 20 минут.

Таковы три соревнования по ориентированию на лыжах в заданном направлении. Они настолько разнообразны по сложившимся для каждого из них условиям, что позволяют делать определенные выводы. Впрочем, некоторые общие суждения по лыжным трассам заданного направления можно сделать и не опираясь на опыт конкретных соревнований.

Идея соревнования по ориентированию на лыжах в заданном направлении имеет, по крайней мере, три крупных принципиальных недостатка.

Во-первых, даже в условиях нормальной зимы (по количеству снегопадов и толщине снежного покрова) эти соревнования нельзя проводить как массовые — т. е. всюду. Трудно представить, даже в отдаленном будущем, такое количество мотосаней, прокладывающих лыжни, которое бы могло обеспечить все секции ориентирования и тем более все небольшие наши города, куда спортивное ориентирование придет в ближайшее время. А без этого нельзя готовить трассы, которые предъявляли бы требования не только к физической, но и технической подготовке спортсменов. И создавали бы условия, равные для всех стартовых в одном соревновании.

Во-вторых, даже при проведении крупных, обеспеченных мотосанями соревнований нельзя гарантировать, что они не окажутся сорванными вследствие разных метеорологических неожиданностей и аномалий: например, снегопада (как в Болгарии) или бесснежья и наста (как под Тулой).

В-третьих, зимние соревнования в заданном направлении очень уязвимы с точки зрения безопасности участников, которые, двигаясь разными путями и оказавшись в пылу борьбы далеко в стороне от наиболее логичных путей движения, могут получить серьезную травму (перелом или сильный ушиб, например, при падении в овраге). Травма в зимних условиях, особенно в морозную погоду, может привести к значительно более тяжелым последствиям, чем такая же травма летом. Этот последний недостаток лыжных трасс в заданном направлении выглядит особенно серьезным, когда речь идет о массовых детских соревнованиях.

Всех подобных недостатков почти полностью лишено зимнее ориентирование на маркированной трассе.

Не нужно никаких машин для прокладки лыжни. Одну лыжню можно проложить и прочистить традиционными способами.

Погода не оказывает существенного влияния на результаты соревнований. Был бы только снег (чтобы соревнования по ориентированию считались зимними), а если снегопад будет во время соревнований, то ничего особенного — бывает же он во время лыжных гонок! А тут сам бег на лыжах — еще полдела.

Что же касается безопасности на трассе, то «маркировка» наиболее благополучна вообще среди всех разновидностей ориентирования: спортсмены идут по одной лыжне, и если травму получит кто-то из стартующих в начале или в середине, помощь ему окажут сами участники. В невыгодной позиции только спортсмен, идущий по трассе последним, но в случае неприятности всегда известно, где его искать.

Важное преимущество «маркировки» по сравнению с трассой заданного направления и в том, что результат спортсмена почти не зависит от его стартового номера, кроме того, практически исключена возможность сотрудничества на дистанции.

Соревнования на маркированной трассе интересны и для зрителей. Например, эстафетное ориентирование, когда за ошибки в определении местоположения контрольных пунктов спортсмены расплачиваются штрафными кругами, проделывая их на виду у всех присутствующих, как в биатлоне. (Кстати, а почему бы не устраивать и личные соревнования на «маркировке» по такой же системе, со штрафными кругами — вот уж где неограниченные возможности регулирования соотношения «ума» и «силы»!)

Однако, несмотря на эти сравнительные достоинства маркированной трассы, ориентирование на лыжах в заданном направлении является для нее все же серьезным конкурентом. Потому что оно кроме недостатков имеет и ряд несомненных преимуществ.

Лыжные соревнования в заданном направлении привлекательны прежде всего своей атлетичностью. Тут уж нельзя, не умея хорошо ходить на лыжах и не тренируясь по-настоящему (как лыжник-гонщик), рассчитывать на

успех, надеясь лишь перехитрить своих быстрых соперников. Необходимость быть в течение зимы на высоком уровне физической формы может оказать добрую услугу и при подготовке к летнему сезону.

Понравились мне зимние трассы в заданном направлении с их малым количеством контрольных пунктов и явным упором на задачу выбора пути (по сравнению, например, с задачей поиска КП) какой-то своей раскрепощенностью. Нет тут, как на «маркировке», тщательной и постоянной работы с картой, но есть моменты чрезвычайно ответственные, когда в считанные секунды необходимо принять решение в пользу того или иного варианта пути (а эти варианты могут отличаться друг от друга уже на минуты). Выберешь путь и несешься, цепко удерживая в памяти всю трассу до следующего КП, угадывая на местности то, что лежит в голове, и лишь изредка, для утверждения правильности своих действий, посматривая на карту.

Мои успехи в зимнем ориентировании (именно на маркированной трассе) заметно выше, чем в летнем, и может показаться странным, но я ... с трудом выношу «маркировку». Для меня настоящая мука тянуть за собой на протяжении всей дистанции резину неизвестности: «Где КП, который уже был, но еще не проколот на карте?», «Где КП, который вот-вот будет?»

И, главное, нигде нельзя разогнаться на лыжах и хоть немного отдохнуть от этих забот, а надо всю дистанцию ползти, смотреть постоянно на карту, смотреть по сторонам и ползти...

Надо сказать, что немало ориентировщиков на «маркировке» испытывают похожие ощущения. И неудивительно, ведь человеку инициативному свойственно самому управлять своим поведением. А тут ведут тебя, как теленка, на веревочке трассы, заставляя дрожать: «А вдруг что-то упустишь, что-то не заметишь...»

Описанные мною свойства маркированной трассы, вызывающие внутренний протест у многих спортсменов, не являются вечными и неизменными. Они выросли до таких размеров в период стремительного развития «маркировки», когда в постановке трасс часто допускался существенный перекокс в отношении «ума» и «силы»: «ум», естественно, завоевал более прочные рубежи.

Это можно показать путем несложных расчетов.

Известно, что сильный ориентировщик при безошибочном преодолении средней по сложности летней трассы в заданном направлении длиной 13 км тратит примерно 6,5—7 минут на каждый километр трассы, считая длину трассы по прямым, соединяющим КП. Если же учесть, что даже оптимальный путь спортсмена довольно извилист, то средняя скорость составляет 5—5,5 минуты на километр его пути. Если отмаркировать оптимальный путь и попросить того же спортсмена пробежать трассу без карты и компаса, то скорость его будет что-то около 4,5 мин/км (лес ведь не тартаиновая дорожка). Таким образом, затраты времени на ориентирование на каждый километр спортсмена составят не более минуты, т. е. «съедают» 15—20% его скорости.

Маркированную же трассу зимой длиной 16—18 км сильный ориентировщик, также стараясь пройти безошибочно, преодолевает в условиях среднего скольжения примерно со скоростью 5—6 минут на километр трассы. Без ориентирования ту же трассу он пройдет со скоростью 4 км/мин (может и быстрее, но лыжня в соревнованиях по ориентированию не та, что в лыжных гонках). Значит, на каждом километре он кладет на «алтарь» ориентирования 1,5—2 минуты, т. е. движется медленнее, чем может, уже в полтора раза.

«Перекося» в соотношении двух начал на маркированных трассах легко исправить. Это соотношение вообще можно сделать любым — включая в трассу значительные по длине отрезки, на которых можно не ориентироваться, например поля и другие открытые пространства, просеки, «пустые» куски леса. То есть поступая так, как не рекомендуется и даже штрафуются существующими методиками по оценке маркированных трасс. Но зато, делая трассу аритмичной, разнообразной и потому более интересной и с технической точки зрения.

В результате первого знакомства с зимними трассами заданного направления все ориентировщики разделились на две группы. Одни считают, что ориентирование на лыжах, поскольку мы готовимся в будущем выступать на первенствах мира, должно и в нашей стране развиваться в таком виде, в каком оно сформировалось в международной практике. Другие же, не забывая о серьезных недостатках лыжного ориентирования в заданном направлении, высказывают мнение, что большой перспективы у него нет, — все равно страны, которые развивают у себя ориентирование на лыжах, придут к «маркировке».

Должен сказать, что, несмотря на плохие «личные отношения» с маркированной трассой, вторая точка зрения мне ближе. Действительно, трудно представить подлинно массовое и интересное по содержанию ориентиро-

вание на лыжах только на трассах в заданном направлении. Не следует серьезно принимать во внимание и то обстоятельство, что в Скандинавских странах маркированная трасса однажды уже была заброшена. Видимо, то была далеко не та «маркировка», какой она стала сейчас — даже в своем несколько «перекошенном» виде. Я уверен, что после знакомства с нашими хорошими маркированными трассами отношение к этому виду лыжного ориентирования существенно изменится и в ИОФ и среди ведущих спортсменов мира.

Ограниченность будущего лыжных трасс заданного направления отражается и в таком факте — в Швеции и Норвегии в соревнованиях по ориентированию на лыжах участвует в несколько раз меньше спортсменов, чем летом. А в нашей стране — зимой (на маркированных трассах) столько же, сколько и летом.

Склоняясь больше к точке зрения, что будущее в лыжном ориентировании за «маркировкой», нельзя, однако, считать, что на лыжных соревнованиях в заданном направлении следует поставить крест. Его достоинства (атлетичность и специфические требования к запоминанию карты) достаточно велики, чтобы заботиться и о его развитии. Это совершенно необходимо, потому что будущее ориентирования на лыжах, скорее всего, в сочетании двух разновидностей. Больше того, вполне вероятно, что в дальнейшем будет происходить их слияние.

Возможность сочетания зимнего ориентирования на трассах заданного направления и маркированных я вижу прежде всего в том, что эти два вида, развиваясь параллельно, будут совместно — поровну или в каком-то соотношении — укомплектовывать календарь зимних соревнований, дополняя друг друга разными задачами, которые они ставят перед спортсменами. Но такое сочетание может осуществиться и в рамках одного соревнования.

Очень естественно, например, выглядит такая «пара»: первый день (пока у всех спортсменов свежие силы) — длинная трасса в заданном направлении, второй день (чтобы и зрителям было интересно) — эстафета на «маркировке». Или своеобразное зимнее двоеборье ориентировщиков: в первый день — трасса в заданном направлении, а во второй — «маркировка». Результаты двоеборья подсчитываются по каждому дню и в сумме по двум дням.

Теперь о возможности слияния двух разновидностей ориентирования на лыжах. У меня нет оснований настаивать, что слияние это неизбежно. И никаких экспериментов я не проводил. Просто представил, как можно было бы исправить соревнования в заданном направлении в 1972 году под Тулой, испорченные тем, что в условиях малоснежья поля в середине карты сделали однозначным путь на основном отрезке трассы КП 1 — КП 2.

Ведь там можно было от самого северного мостика через реку (у которого, в конце концов, собирались все участники и затем, поднявшись в гору, шли одним путем через поля) сделать «маркировку» километра на три и увести спортсменов прямо на север и даже немного на запад в глубь леса, а там — вновь «выпустить на свободу». На «маркировке» же, чтобы не было скучно, следовало поставить 3—4 контрольных пункта.

Представил я также, как можно было бы несколько улучшить соревнования в Болгарии в тот злополучный снегопад, если бы в качестве запасного существовал вариант «смешанной» трассы (как и всюду прежде, я высказываюсь лишь по поводу мужской трассы).

Во-первых, общий старт. В сильный снегопад это единственный способ уравнивать условия для всех участников. А во-вторых, со старта (допустим, он в том же месте) «маркировкой» длиной километров пять увести спортсменов на северо-восток в большой массив леса, поставив по пути (на полянах и на ручьях, которых на карте немало) тройку КП, а дальше — чистое заданное направление (и то в некоторых местах, например на выходе от КП 4, можно было бы для исправления трассы вставить куски «маркировки»).

Слияние двух разновидностей лыжного ориентирования, какое я описал на двух примерах конкретных соревнований, имело бы, главным образом, вспомогательное назначение для срочного спасения трассы, когда нет снега, а местность открытая или, напротив, внезапный снегопад. Но ведь можно и специально сделать смешанную трассу, хорошо продуманную и разнообразную. При этом «смешивать» разновидности ориентирования можно и ... в летних соревнованиях.

Просто напрашивается такой «гибрид»: четырехэтапная эстафета, в которой первый этап недлинный (всего 2—3 км) и маркированный, с 4—5 КП, со штрафными

кругами в конце, а дальше — все, как всегда летом. Один этот дополнительный маркированный «микроэлемент» эстафеты в заданном направлении решает сразу несколько проблем: преследования и сотрудничества на первом этапе, развлечения зрителей и, наконец, проблему «четвертого лишнего» в команде после первого дня соревнований (в случае травмы четвертого участника в первый день небольшую техническую «маркировочку» допустимо, в конце концов, доверить и представителю).

Можно еще много фантазировать о формах сочетания или слияния двух разновидностей ориентирования, но я это приятное занятие прекращаю, полагая, что будущая жизнь нашего спорта превзойдет все фантазии.

Что касается вопроса, вынесенного в заголовок этого раздела, то размышления о сложных явлениях в современном лыжном ориентировании приводят меня к такому выводу: оказавшись под воздействием двух разных направлений своего развития, оно теперь вовсе не на перепутье, а перед новым качественным скачком.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таковы проблемы спортивного ориентирования. Конечно, я коснулся далеко не всех наших забот, даже относящихся только к формированию ориентирования как вида спорта. Но я и не ставил себе целью объять необъятное, а просто считал своим долгом спортсмена высказать мнение по некоторым, наиболее близким мне, вопросам. По тем, в решении которых продвижение вперед может быть обеспечено лишь с помощью коллективных усилий.

Кроме того, мне хотелось показать читателю-неориентировщику, что он, если захочет испытать себя в качестве организатора или спортсмена в нашем виде спорта, может быть уверен: ему никогда не станет скучно от того, что все ясно и все уже решено. Склонность ориентирования к изменениям и развитию вызвана не столько его молодостью (и то относительной — Скандинавские страны уже отпраздновали семидесятипятiletие ориентирования), сколько самой его природой, благодаря которой этот вид спорта «обречен» на непрерывное совершенствование.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Алешин, Б. Огородников. Приглашение в страну «Ориентирно»	3
От автора	5
Спортивное ориентирование — что это такое?	7
Первоначальные сведения	—
Взгляд в прошлое	17
Как это делают мастера	26
Ошибки, на которых мы учимся	34
Спорт будущего	—
Главные аргументы	49
Еще раз о возрасте	58
Дополнительные достоинства	67
Проблемы ориентирования	76
Равновесие ума и силы	77
Сами себе судьбы	104
Спортивная справедливость	119
На перепутье лыжного ориентирования	134
Заключение	143

Станислав Борисович Елаховский
БЕГ К НЕВИДИМОЙ ЦЕЛИ

Редактор Л. Трипольский. Художник Б. Жутковский. Художественный редактор О. Айзман. Технический редактор Н. Суровцова. Корректор А. Абрамова. А-08002. Сдано в производство 25/VIII 1972 г. Подписано к печати 4/I 1973 г. Бумага тип. № 2. Формат 84×108¹/₈₂. Печ. л. 4,5. Усл. п. л. 7,56. Уч.-изд. л. 7,66. Бум. л. 2,25. Тираж 40 000 экз. Издат. № 4753. Цена 25 коп. Зак. 596. Издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва К-6. Каляевская ул., 27. Ярославский полиграфкомбинат «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Советов Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Цена 25 коп.

730.4
E-48

Б С. ЕЛАХОВСКИЙ
ЕГ
К НЕВИДИМОЙ
ЦЕЛИ